

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
У.В. Здановіч
Г.А. Зорын
У.Л. Клоня
У.У. Лосеў
А.А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2016

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь № 84 ад 31.03.2016 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навук

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Савіч А.А. Айчынная гістарыяграфія сацыяльна-эканамічных адносін на тэрыторыі Заходняй Беларусі 1920–1930-х гг.	5
Янушевіч І.І. Антицерковные кампании как форма проведения антирелигиозной работы в Советском государстве (1917–1930-е гг.)	14
Кривчиков В.М. Военно-хозяйственное снабжение учений и маневров войск на территории Белорусского военного округа во второй половине 1920-х гг.	20
Крываашэй Д.А. Інфармацыйна-камунікацыйныя тэхналогіі ў сферы культуры Беларусі (1989–2016 гг.)....	26
Лаўрэнка Л.В. Даследаванні прамысловай і рамеснай вытворчасці, гандлю Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.) у айчыннай гістарыяграфіі	34
Уваров І.Ю. Организация госпитальной и медико-хирургической помощи населению Великого княжества Литовского во второй половине XVI в.	43
Гавриловец Л.В. Эмиграция немецкого населения из ПНР в ФРГ и ГДР в 1970–1989 гг.	49
Дудзько А.Д. Белорусоведческие исследования славистов Великобритании второй половины XX – начала XXI в. (У. Мэй, В. Рич, Ш. Акинер, А. Макмиллин).....	56

ЭКАНОМІКА

Граник И.М., Мишкова М.П. Рентабельность и ее анализ в условиях применения международных стандартов финансовой отчетности	67
Конончук В.В. Моделирование окупаемости отходов в формировании результативных показателей аграрного производства на основе одноэтапной схемы эконометрического анализа	73
Кирсанов С.А., Сафонов Е.Н. Направления совершенствования организации системы обращения твердых бытовых отходов в России (на примере Московской области)	80
Четырбок Н.П., Осопрелко Т.Н. Анализ конкурентоспособности региона (на примере Брестской области)	88
Крамаренко А.К. Экономическое развитие малого предпринимательства в Беларуси и его особенности в современных условиях.....	98
Черкасов А.А., Черкасова И.Г. Применение инновационных технологий как фактор повышения туристической привлекательности Республики Беларусь.....	105

ПРАВА

Пасовец Е.Ю. Теоретико-правовые основы административной нормы «нарушение законодательства о чрезвычайном или военном положении»	110
Бильдейко А.А. Объект мелкого хулиганства: проблемы дефиниции	116
Коротич Е.А., Чмыга О.В. Институциональные механизмы сотрудничества государств в сфере обеспечения права человека на охрану здоровья (на примере отдельных международных организаций).....	123
Левчук И.О. Пенитенциарная политика Российской империи в первой половине XIX в.	128
Левчук Ю.М. Кадровое и материально-техническое обеспечение деятельности Киевской судебной палаты	133
Шевчик П. Евразийский экономический союз и Европейский союз: институционально-правовые возможности сотрудничества	139
Чешко В.Ю. Совершенствование мер дисциплинарного взыскания военнослужащих в Республике Беларусь.....	147
Речиц Е.В. Особенности правовой охраны водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях	153

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

Anton Miranovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Stanislav Rudolf (Poland)

B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:

A.M. Vabishchevich

(managing editor)

V.F. Bajnyov

T.A. Garupa

A.A. Guzhalovski

T.I. Dovnar

V.V. Zdanovich

G.A. Zorin

V.L. Klunia

V.V. Losev

A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2016

According to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 84 from March 31, 2016, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

Savich A.A. Domestic Historiography of Socio-Economic Relations in the West of Belarus of 1920s–1930s.....	5
Yanushevich I.I. The Anticlerical Companies as a Form of Antireligious Work in the Soviet Union (1917–1930s)	14
Kriuchikau V.M. Military and Economic Supply of Exercises and Maneuvers of Troops on the Territory of the Belarusian Military District in the Second Half of the 1920s	20
Kryvashei D.A. Information and Communication Technologies in the Sphere of Culture of the Republic of Belarus (1989–2016)	26
Lavreenko L.V. Investigation of Industrial and Handicraft Production and Trade of Western Belarus in 1921–1939 in Belarusian Historiography	34
Uvarov I.Yu. Organisation of Hospital, Medical and Surgical Care to the Population of Grand Duchy of Lithuania in the Second Half of the XVI century	43
Gavrilovets L.W. Emigration of the German Population from the Polish National Republic in Federal Republic Germany and the German Democratic Republic in 1970–1989	49
Dud’ko A.D. Research in Belarusian studies by the British Slavists of the second half of the XXth – beginning of the XXI cen. (W. May, V. Rich, S. Akiner, A. McMillin)	56

ECONOMICS

Granik I.M., Mishkova M.P. Profitability and its Analysis in Terms of International Financial Reporting Standards.....	67
Kononchuk V.V. Modeling the Payback of Wastes in the Formation of Effective Indicators of Agricultural Production on the Basis of One-step Econometric Analysis	73
Kirsanov S.A., Safonov E.N. Directions of Perfection of the Organization of the Treatment System of Municipal Solid Waste in Russia (on the Example of the Moscow Region)	80
Chetyrbock N.P., Osoprelko T.N. Analysis of the Competitiveness of the Region (on the Example of Brest Region).....	88
Kramarenko A.K. Economic Development of Small Business in Belarus and its Features in Modern Conditions	98
Cherkasov A.A., Cherkasova I.G. Application of Innovative Technologies as a Factor of Tourist Attractiveness of the Republic of Belarus	105

LAW

Pasovets E.Yu. Theoretical and Legal Basis of Administrative Regulations «Violation of Legislation on State of Emergency or Martial Law»	110
Bildeiko A.A. The Object of Minor Hooliganism: Problems of Defining.....	116
Korotsich A.A., Chmyga O.G. Institutional Mechanisms of the State Cooperation in the Sphere of Ensuring Human Right on the Health Protection (on the Example of the Separate International Organizations)	123
Levchuk I.O. Penal Policy of the Russian Empire in the First Half of the Nineteenth Century	128
Levchuk Yu.M. Personnel, Material and Technical Support of Kiev Trial Chamber Activity.....	133
Shevchik P. The Eurasian Economic Union and the European Union: Institutional and Legal Cooperation	139
Cheshko V.Yu. Development of Military Disciplinary Responsibility Measures in the Republic of Belarus....	147
Rechits E.V. Features of Legal Protection of the Wetlands Located in Especially Protected Natural Territories	153

ГІСТОРЫЯ

УДК 930.(476)

А.А. Савіч

*канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна*

АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫХ АДНОСІН НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1920–1930-х гг.

У даследаванні адлюстраваны асноўныя навукова-метадалагічныя падыходы айчынных гісторыкаў да вывучэння і адлюстравання ў друку сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Аўтар раскрывае абумоўленасць акцэнтаў і фармулёвак гісторыі заходнебеларускай эканомікі ваенна-палітычнымі і палітыка-ідэалагічнымі прыярытэтамі савецкай улады. Апублікаваныя працы акцэнтавалі ўвагу на адмоўных рысах эканомікі Заходняй Беларусі, якія сталі наступствам польскага панавання і вызначаліся каланіяльным, аграрна-сыравінным характарам, занябанасцю прамысловасці і аграрнай сферы, негатывным для народных мас характарам рэформаў. На падставе разнастайных крыніц, у першую чаргу архіўных матэрыялаў, ажыццяўляецца карэкціроўка і ўдакладненне адпаведных пазіцый, выяўлены паказчыкі, якія ва ўмовах буржуазна-капіталістычнай эканомікі, на падставе традыцыйнага гаспадарчага ўкладу, мясцовай сыравіннай базы і абмежаваных інвестыцый садзейнічалі паспяванню аднаўленню і ўмацаванню гаспадаркі, забяспечылі эканамічную самадастатковасць Заходняй Беларусі.

Уводзіны

Ва ўмовах трансфармацыі сацыяльна-эканамічных адносін у нашай краіне, складанасцей спалучэння патрэб сацыяльна арыентаванай і рынкавай эканомік асаблівую актуальнасць і запатрабаванасць маюць аб'ектыўныя навуковыя веды аб стане прамысловасці і сельскай гаспадаркі, гандалю і сістэмы камунікацый, якія забяспечвалі рух тавараў са сферы вытворчасці ў сферу ўжытку. Значэнне гаспадаркі ў жыцці грамадства не абмяжоўваецца выключна эканамічнымі аспектамі. З сацыяльна-палітычнага пункту гледжання паспяховае вырашэнне задач эканамічнага развіцця было і застаецца эфектыўнай умовай сацыяльнай стабільнасці, інтэграцыі грамадства вакол агульных патрэб, сродкам пераадолення бар'ераў, у тым ліку этнаканфесійных, сацыякультурных, якія перашкаджаюць кансалідацыі насельніцтва на адпаведнай тэрыторыі. Таму прыцягваюць увагу і патрабуюць папулярызаванасці станоўчыя бакі эканамічных адносін на тэрыторыі Заходняй Беларусі у 1920–1930-я гг., якія характарызаваліся ярка выражанай поліэтнічнасцю і поліканфесійнасцю, мелі свае гаспадарча-рэгіянальныя асаблівасці.

Мэта артыкула – выяўленне праз гістарыяграфічнае даследаванне навукова-тэарэтычных і крыніцазнаўчых магчымасцей далейшага прадметнага вывучэння тэмы для ажыццяўлення паўнаўважнай рэканструкцыі і адэкватнай інтэрпрэтацыі гісторыі эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду.

Асноўныя падыходы айчыннай гістарыяграфіі да сацыяльна-эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

Вядома, што сацыяльна-эканамічныя адносіны ў марксісцка-ленінскай метадалогіі гісторыі адносіліся да базісных паказчыкаў і былі асновай для разгортвання ўсіх астатніх – другарадна-надбудовачных аспектаў. Аднак пры тым, што адпаведныя накірункі гаспадарча-эканамічнага жыцця ў навуковых працах савецкіх аўтараў заўсёды папярэднічалі ў выглядзе прычын-перадумоў канкрэтных грамадска-палітычных і сацыякультурных працэсаў, здаралася, што базісныя аспекты жыцця не атрымлівалі ґрунтоўнага навуковага даследавання, а фігуравалі на старонках навуковых публікацый у выглядзе прызнаных штампаў і калек з партыйных адозваў і пастановаў. Гэта выяўляецца падчас гістарыяграфічнага асэнсавання сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Айчынная гістарычная навука і сёння мае ўсталяваныя яшчэ ў 20–

30-я гг. XX ст. у якасці вызначальных тэзісы пра каланіяльны характар эканомікі Заходняй Беларусі, аграрна-сыравінны прыдатак, векавую адсталасць, наяўнасць феадальна-прыгонніцкіх праяў, ігнараванне імкнення заходнебеларускага насельніцтва да палепшэння жыцця і праявы рацыянальна-прагрэсіўнага рэфармавання эканамічнай сістэмы польскай уладай, якія разам з памылкамі і здабыткамі савецкай эканамічнай мадэлі трэба ўлічваць сучасным эканамістам пры фарміраванні ўласнай мадэлі сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь [1, с. 17].

Гістарыяграфічная традыцыя адлюстравання сацыяльна-эканамічных адносін у Заходняй Беларусі ў айчыннай гістарычнай навуцы сфарміравалася яшчэ ў 1920–30-я гг., калі заходнебеларуская праблематыка мела влучна важнае ваенна-палітычнае значэнне і карысталася вялікай цікавасцю з боку кіраўніцтва БССР. Пытанні сацыяльна-эканамічнага становішча беларускага народа ў складзе Польшчы ў 1920–1930-я гг. адносіліся да ліку прыярытэтных напрамкаў даследавання Заходняй Беларусі, якія былі сфармуляваны ў выніку ажыццяўлення партыйна-дзяржаўнай арганізацыі гістарычнай навукі ў БССР з выдавочным агітацыйна-прапагандысцкім ухілам пры асвятленні заходнебеларускай праблематыкі [2, с. 37–38]. Аднадушна акцэнтуючы ўвагу на нацыянальным, сацыяльна-эканамічным уціску з боку польскіх уладаў, палітыка-прававым бяспраўі беларускага народа ў Польшчы, беларускія савецкія аўтары ў прапагандысцкім стылі намагаліся запэўніць у адсталасці, каланіяльным, аграрна-сыравінным характары эканомікі Заходняй Беларусі на фоне поспехаў сацыялістычнага будаўніцтва ў БССР, выкрываючы як быццам бы брутальную крывадушнасць і прагу пануючых колаў да ўзбагачэння за кошт эксплуатацыі народа, у тым ліку пры дапамозе рэформаў і фінансава-гандлёвых аперацый [3].

Пераважная большасць публікацый па сваёй стылістыцы больш падобныя да белетрыстыкі, чым да навуковых прац, што трэба тлумачыць недастатковым крыніцавым забеспячэннем. Красамоўным пацвярджэннем гэтага з’яўляецца вострая сутычка, якая суправаджалася «істэрычнымі пісьмамі» паміж Прадстаўніцтвам КПП пры Выканкаме Камінтэрна, з аднаго боку, і падпарадкаваным яму Прадстаўніцтвам КПЗБ пры КП(б)Б, з другога, з-за несвоечасовай перасылкі матэрыялаў [4]. Апошняе, як вядома, ажыццяўляючы практычную рэалізацыю планаў камінтэрнаўскага кіраўніцтва «на крэсах», арганізоўвала і кантралявала працэс вывучэння і асвятлення заходнебеларускай тэматыкі ў друку, падпарадкоўвала сабе вядомыя цэнтры вывучэння Заходняй Беларусі ў 20–30 гг. XX ст. [2, с. 29–30]. Што да матэрыялаў польскай статыстыкі, то іх трэба было неяк атрымліваць з Польшчы, а з гэтым былі цяжкасці, нават па дыпламатычных каналах. Вядома, што А. Загорнаў – дарадца савецкага пасольства ў Варшаве, які курыраваў беларускі рух у Польшы разам са знакамітым А. Ульянавым [5], – у сваім лісце ад 26 лютага 1926 г. у Прадстаўніцтва КПЗБ у Мінск скардзіўся на свайго кіраўніка – савецкага пасла П. Войкава, які прыдзіраўся да А. Загорнава за вялікі аб’ём дыпламатычнай пошты [6, арк. 20].

Аднак савецкія ўстановы, якія забяспечвалі ваенна-палітычныя пытанні ўзаемаадносін з Польшчай, усё ж мелі ў сваім распараджэнні матэрыялы польскай статыстыкі, на падставе якіх ажыццяўлялася адпаведнае планаванне. Несумненна, такія крыніцы паступова атрымлівала і Прадстаўніцтва КПЗБ, забяспечваючы імі падкантрольныя ёй навуковыя структуры, якія спецыялізаваліся на вывучэнні заходнебеларускай тэматыкі, у першую чаргу Камісію па вывучэнні Заходняй Беларусі (КЗБ) пры Інбелкульце – БАН і Заходні сектар (ЗС) Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Гэтыя ўстановы былі напэўна сакрэтнымі арганізацыямі, афіцыйны твар якіх павінен быў прыкрываць патаемную справу ажыццяўлення аналітычнай і арганізацыйна-прапагандысцкай справы па арганізацыі і падтрымцы рэвалюцыйнага руху на «крэсах». Разнастайная інфармацыя, атрыманая у тым ліку і разведвальным шляхам дзякуючы дзеянням заходнебеларускіх рэвалюцыянераў, у названых установах падвяргалася навукова-аналітычнай апрацоўцы

і трапляла ў распараджэнне ваенных спецыялістаў рознага ўзроўню. Аб гэтым сведчаць адрывачныя звесткі пра навуковую працу КЗБ, якая была карысна ў першую чаргу Чырвонай Арміі і Дзяржпалітупраўленню, а вынікі даследаванняў былі як адкрытымі, так і толькі для службовага карыстання [7, с. 163–164; 8, арк. 125; 9, арк. 20].

Зразумела, што вынікі навуковага аналізу гаспадарча-эканамічнага жыцця Польшчы і Заходняй Беларусі не маглі быць апублікаваны ў адкрытым друку, бо грунтоўныя даследаванні пацвердзілі б ваенна-палітычную цікавасць савецкіх уладаў да Польшчы і насцярожылі б яе кіраўніцтва. І, наадварот, павярхоўны аналіз эканамічнага стану Заходняй Беларусі, адлюстраваны ў публікацыях 1920-х гг., калі ў СССР сур'ёзна разглядалі магчымасць ваеннага сутыкнення з Польшчай, павінен быў стварыць уражанне, у першую чаргу польскіх ваенных аналітыкаў, пра негатоўнасць савецкага боку да вайны на падставе адсутнасці ў іх грунтоўных ваенна-аналітычных даследаванняў эканоміка-стратэгічных магчымасцей будучага тэатру ваенных дзеянняў. Нядзіўна, што шматлікія публікацыі 1920-х гг. не адлюстроўвалі сапраўднага эканамічнага стану Заходняй Беларусі. У жаданні ўзмацніць адчуванне абумоўленасці жаданага рэвалюцыйнага паўстання цяжкім станам гаспадаркі і жыцця насельніцтва, памножаным на акупацыйна-дэструктыўную эканамічную палітыку правячых колаў Польшчы, савецкія аўтары захапляліся агучваннем адпаведных ідэалагічна вывераных лозунгаў [10].

Пры гэтым ужо ў сярэдзіне 1920-х гг. савецкія гісторыкі падрыхтавалі даследаванні для дзяржаўна-палітычных і ваенных савецкіх структураў і ўтрымлівалі інфармацыю для «ўнутранага карыстання», якая не агучвалася на старонках выданняў, была засакрэчанай, бо, акрамя іншага, разбурыла б штучна створаныя для ўкаранення патрэбных ідэалагемаў вобразы заходнебеларускай рэчаіснасці. Даследаванне стратэгічна важных пытанняў сацыяльна-эканамічнага становішча Заходняй Беларусі, а менавіта, прыроды і насельніцтва, стану прамысловасці, сельскай гаспадаркі, камунікацый, атрымалі грунтоўную навуковую распрацоўку. Гэта тлумачыцца тым, што такая інфармацыя мела асаблівую актуальнасць у сувязі з падрыхтоўкай СССР да ваеннага канфлікту з Польшчай. Прамое сведчанне гэтаму знаходзім, у прыватнасці, у грунтоўных шматстаронкавых статыстыка-эканамічных матэрыялах па Заходняй Беларусі, падрыхтаваных у 1928 г., дзе прама сказана: «У выпадку прыняцця аператыўнага рашэння, вышэйшае камандаванне павінна будзе ўлічыць сацыяльную абстаноўку ў раёне аперацый, улічыць яе становішчы і адмоўныя бакі як для нас, так і для праціўніка... Мэта нашай працы складаецца ў тым, каб служыць даведнікам для работніка Чырвонай Арміі» [11, арк. 7, 29].

Неапублікаваныя матэрыялы выклікаюць вялікую цікавасць: яны адлюстроўваюць высокі ўзровень распрацоўкі сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі, праведзены з выкарыстаннем разнастайных дакументальных крыніц у выглядзе матэрыялаў польскай статыстыкі і даследаванняў, пастаноў, справаздач, пратаколаў, улётак, фінансавых і іншых дакументаў, у тым ліку тых, якія праходзілі па розных савецкіх дзяржаўных і партыйных інстанцыях.

Часткова гэтыя крыніцазнаўчыя напрацоўкі былі рэалізаваны ў публікацыях сацыяльна-эканамічнай гісторыі, якія пачалі публікавацца ў пачатку 1930-х гг. [12; 13]. Гэтыя даследаванні вызначаліся больш высокім навуковым узроўнем, мелі пад сабой трывалую крыніцавую базу, у тым ліку матэрыялы польскіх афіцыйных крыніц ў выглядзе перапісаў, звестак Галоўнага статыстычнага ўпраўлення, Прамыслова-гандлёвай палаты, статыстыкі прамысловасці, статыстыкі працы, статыстычных штогоднікаў, ваяводскіх дзённікаў, прамысловых і гандлёвых даведнікаў, справаздач інспекцыі працы і інш.

Але і ў 1930-я гг., нягледзячы на больш высокі ўзровень крыніцавага забеспячэння, айчынным аўтарам працягвалі асвятленне гаспадарча-эканамічнага жыцця ў традыцыйным духу. Як і раней, шырока выкарыстоўвалі разнастайныя спосабы для сцвярджэння негатыўных вобразаў эканамічнага жыцця «на красах». У прыватнасці, Я. Шней-

дэр, разважаючы аб аграрнай праблематыцы, красамоўна, але тэндэнцыйна разважаў аб нізкім узроўні таварнасці сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі: «Падатковы гнёт, кабала растаўшчыкоў, даўгі кулаку – усё гэта прымушае сялян адмаўляцца ад ежы, нават ад хлеба, і, выносячы апошняе на рынак, прадаваць. Калі селянін прыязджае на рынак, то і тут ён сустракаецца з перакупшчыкамі, памешчыцка-кулацкім кааператывам, якія за бясцэнна купляюць яго прадукты» [13, с. 18–20]. В. Фрышман, акцэнтуючы ўвагу на каланіяльным, аграрна-сыравінным стане эканомікі, у сваіх разважаннях згадваў «драпежніцкую высечку» лесу для паставак на экспарт, галоўную ролю Заходняй Беларусі ў пастаўках ільна і бульбы для Польшчы, канстатаваў заўважнасць у паслякрызісны час канцэнтрацыі вытворчасці амаль ва ўсіх галінах прамысловасці і стварэння манаполій па ініцыятыве ўраду, асабліва для арганізацыі сіндыката для замежнага гандлю. Акрамя гэтага існавала вялікая колькасць бюро прадаж, у т.л. «Мур» у Беластоку, «Цэнтрацэгла» ў Вільні, сіндыкат кафельнай вытворчасці ў Гродне. Некаторыя галіны вытворчасці (папяровая, шкляная, цэментная, гумавае) належылі агульнапольскім сіндыкатам «Цэнтрапапер», «Польгум» і інш. Акрамя таго, аўтар згадаў запалкавую, тытунёвую і спіртавую дзяржаўныя манаполіі. Разам з гэтым як характэрную рысу прамысловасці Заходняй Беларусі В. Фрышман адзначыў яе залежнасць ад знешніх рынкаў, калі некаторыя галіны працавалі выключна на экспарт (усе галіны лясной вытворчасці: дрэваапрацоўка, фанерная, лесанарыхтоўка), выявіў аб'ектыўныя перашкоды ў развіцці знешняга гандлю: значнае аддаленне ад портаў і «мёртвая» польска-літоўская мяжа. Называючы пакупную здольнасць мясцовага рынку ва ўмовах хранічнага беспрацоўя, аграрнага крызіса і растучай паўперызацыі як надзвычай нізкую, што не ведае сабе роўнай па ўсёй Еўропе, В. Фрышман падаў адпаведную статыстыку спажывання некаторых тавараў, у тым ліку пракату, кераміна, цэмента і солі. Гаворачы пра звужэнне ўнутранага рынку, «нажніцах цэн» і «гнёце манаполій і акупантаў», аўтар з негатыўнай гіпербалізацыяй адносна адпаведных паказчыкаў сцвярджаў аб адсутнасці ў некаторых месцах грашовага абароту, аб прымусе з боку ўраду браць падаткі натурай, нават не прадуктамі, а адпрацоўкай – шарваркамі, неабгрунтавана называючы іх адным з відаў прыгонніцтва [12, с. X, XVI–XX]. Як бачым, шырокая і шматаспектна прадстаўленая карціна гаспадарча-эканамічных адносін у Заходняй Беларусі была для таго часу дастаткова аб'ектыўнай. Аднак фактаграфія і аргументацыя аўтараў у дачыненні да пэўных эканамічных паказчыкаў выклікае ўсмешку, напрыклад, пры параўнанні рынку БССР і Заходняй Беларусі, бо пакупная здольнасць савецкага насельніцтва ва ўмовах будаўніцтва калгаснага ладу з цяжкасцю паддаецца дакладнаму навуковаму асэнсаванню.

Адмоўныя фармулёўкі і фрагментарнасць адлюстравання сацыяльна-эканамічнай, у тым ліку вытворча-прамысловай і фінансава-гандлёвай, праблематыкі ў айчынных публікацыях 1920–1930-х гг. можна патлумачыць тым, што ў той час, за выключэннем невялікага нэпаўскага перыяду, у савецкай краіне прыватнае прадпрыемства, свабодны гандаль былі забаронены, а прадстаўнікі гэтага класу траплялі ў лік «лишневцев» і ўсялякім чынам падаваліся як сацыяльна варожыя элементы. Адначасова з гэтым у СССР разгортвалася хваля антысемітызму [14]. Пераносіць адпаведныя акцэнтны і фармулёўкі на старонкі публікацый аб Заходняй Беларусі было вельмі рызыкаўна: рабочы клас Заходняй Беларусі – гегемон будучай рэвалюцыі – у большасці сваёй складаўся з прадстаўнікоў яўрэйскай нацыі, і для вялікай колькасці яўрэяў гандаль быў амаль што галоўным заняткам і адзіным сродкам часта далёка не заможнага існавання. Таму прасцей і больш надзейна было прадпрыемства-гандлёвыя адносіны і іх фактычную ролю ў гаспадарча-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі, у тым ліку сярод яўрэйскага насельніцтва, замоўчваць.

Такім чынам, незапатрабаванасць аб'ектыўнай сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі праяўлялася ў тагачасным гістарыяграфічным дыскурсе на фоне істотных, у першую крыніцазнаўчых, напрацовак 1920–1930-х гг. Нягледзячы на рэпрэсіі

савецкай улады ў дачыненні да беларускіх навукоўцаў і цэлых навуковых устаноў, іх навуковыя напрацоўкі, асабліва Заходняга сектара, і сабраныя калекцыі крыніц стварылі багаты і разнапланавы крыніцавы грунт для ўдасканалення навуковай карціны сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі, так і нескарыстаны ў савецкі час. Да таго ж у выніку далучэння тэрыторыі Заходняй Беларусі да БССР велізарная колькасць польскіх дакументаў, як апублікаваных, так і архіўных, апынулася ў патэнцыяльным распараджэнні беларускіх гісторыкаў, якія з цягам часу сталі асновай для стварэння ўнікальных архіўных калекцый Дзяржаўнага архіва Брэсцкай, Гродзенскай абласцей, філіяла Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці ў г. Маладзечна.

Аднак стаўленне да гаспадарча-эканамічнай праблематыкі не змянілася карэнным чынам і на працягу другой паловы 1950–1980-х гг. Абумоўленыя ідэйна-палітычнай неабходнасцю і марксісцка-ленінскай традыцыяй стэрэатыпы сацыяльна-эканамічнага жыцця Заходняй Беларусі засталіся нязменнымі ў шматлікіх публікацыях па гісторыі заходнебеларускага рэвалюцыйнага руху [15].

Не праглядалася імкнення да стварэння аб'ектыўнай, з глыбокім навуковым аналізам карціны сацыяльна-эканамічных адносін і ў профільных публікацыях. У прыватнасці, стан аграрнай сферы і прамысловасці ў агульных рысах, тэндэнцыйна, з вылучэннем негатыўных праяў быў адлюстраваны ў даследаваннях Б.Я. Кухарава, С.І. Наркевіч, А.А. Сарокіна [16]. Для асэнсавання агульнагістарыяграфічнага фону адзначым, што ў параўнанні з аналагічнымі публікацыямі 1920–1930-х гг. яны не змаглі выкарыстаць напрацаваную навукова-метадалагічную і крыніцазнаўчую базу для больш якаснай рэканструкцыі і пераканаўчай інтэрпрэтацыі сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі. Як і працы папярэдніх гадоў, названыя даследаванні акцэнтавалі ўвагу на адсталасці Заходняй Беларусі, дэградацыі яе прамысловай і сельскагаспадарчай вытворчасці ва ўмовах польскага «каланіяльнага панавання». Пры гэтым у стылі 1920–30-х гг. былі праігнараваны вызначальныя па сваёй сутнасці, характэрныя аспекты традыцыйнага для заходнебеларускага рэгіёна дробнарамесна-вытворчага ўкладу і дробнааптовага гандлю, якія ў большасці забяспечваліся яўрэйскімі рамеснікамі і гандлярамі.

З гэтага вынікае, што айчынная гістарыяграфія на працягу савецкага адрэзку часу не выконвала асноватворнай сацыяльнай функцыі – функцыі сацыяльнай памяці, звяртаючы ўвагу толькі на адмоўныя паказчыкі гаспадарскі, старанна замоўчваючы станоўчыя бакі, праявы і наступствы гаспадарчнага жыцця Заходняй Беларусі, якія маглі б быць выкарыстаны беларускай уладай у 1990–2000-я гг. пры распрацоўцы стратэгіі і тактыкі сацыяльна-эканамічнага жыцця Рэспублікі Беларусь.

Якасна новы перыяд развіцця беларускай гістарычнай навукі, у тым ліку заходнебеларускай гістарыяграфіі, пачаўся ў пачатку 1990-х гг. пасля распаду СССР і абвешчэння незалежнасці Рэспублікі Беларусь [2, с. 155]. Канцэптуальныя падыходы беларускіх вучоных пачалі мяняцца ў неабходнасці разумення сутнасці і асаблівасцей гаспадарча-эканамічнага жыцця Заходняй Беларусі. Назіраецца імкненне больш аб'ектыўна адлюстроўваць характар і сутнасць мерапрыемстваў польскай улады. Так, у параўнанні з савецкім перыядам, калі аграрныя пераўтварэнні падаваліся з негатыўнымі ацэнкамі, у адзначаны час былі апублікаваны працы з больш уважанымі і абгрунтаванымі высновамі, якія акрамя недахопаў не выключалі і станоўчыя наступствы адпаведных мерапрыемстваў [17]. Характэрным для публікацый стала станоўчае ўспрыняцце каштоўнасцей прыватнай уласнасці і вольнай працы «на сябе», як, напрыклад, у І. Кеца і У. Мароза: «Савецкія калгаснікі з заздравісцю паглядвалі на суседні польскі бок, дзе бачылі знаёмага селяніна, які ўласным конікам араў уласную зямлю і не думаў пра тое, як пракарміць сям'ю» [18, с. 64]. Рост навуковай цікавасці да пытанняў развіцця дробнарамеснай, саматужнай прамысловасці, месчакковых і вясковых рамёстваў і промыслаў, гандлёвых адносін, кааператыўнага руху рэалізаваўся ў выглядзе змястоўных да-

следаванняў і публікацый, якія ствараюць перадумовы для стварэння аб'ектыўнай, цэласнай карціны сацыяльна-эканамічнага жыцця Заходняй Беларусі 1920–1939 гг. [19].

Як паказвае прыведзены гістарыяграфічны агляд, беларуская гістарычная навука на працягу пэўнага навукова-тэарэтычнага фундаменту для далейшай паглыбленай навуковай працоўкі гісторыі заходнебеларускай эканомікі, які ў спалучэнні з адзначанымі вышэй крыніцавымі магчымасцямі ствараюць падставы для паўнаважнага прадметнага навуковага даследавання розных галін эканомікі Заходняй Беларусі. У такім даследаванні лагічным і магчымым бачыцца шматбаковае асэнсаванне ўсіх найважнейшых аспектаў функцыянавання гаспадарча-эканамічных адносін. Сярод іх нарматыўна-прававыя асновы і канкрэтыка эканамічнай дзейнасці, функцыянавання аграрнага сектара, арганізацыі прамысловага і дробнарамеснага прадпрыемства, гандлёвых і фінансавых адносін, выяўленне сістэмы і ўзроўняў эканамічнага супрацоўніцтва, ажыццяўлення разнастайных і рознаўзроўневых гаспадарча-фінансавых аперацый з вызначэннем іх ролі, месца, спецыфікі і рэгіянальных асаблівасцей ў міжнароднай, агульнапольскай, рэгіянальнай гандлёвай структуры, дзяржаўна-эканамічнай і сацыяльна-палітычнай значнасці, эканамічнага і сацыяльна-культурнага значэння гаспадарча-эканамічнай дзейнасці. Крыніцавай асновай такога вывучэння з'яўляецца польскае заканадаўства, распараджэнні, інструкцыі як вышэйшых польскіх дзяржаўных органаў, у тым ліку міністэрстваў (фінансаў, прамысловасці і гандлю, унутраных спраў), якія публікаваліся ў афіцыйным друку, так і гандлёва-прамысловай, гандлёва-рамеснай палат (ізваў), ваяводскай, павятовай і гміннай адміністрацый, апублікаваных на старонках рэгіянальнага друку, у прыватнасці, у ваяводскіх дзённіках, ці захоўваюцца ў ваяводскіх, павятовых і гмінных фондах архіваў.

У гаспадарчай структуры Заходняй Беларусі заўважна праяўляюцца асобныя ўзроўні эканамічнай дзейнасці: міжнародны, агульнапольскі, ваяводскі, павятовы (горад) і гмінны (мястэчка, вёска), – гаспадарчыя суб'екты якіх ва ўмовах капіталістычнай арганізацыі гаспадаркі дзеля паспяховай канкурэнтнай барацьбы з рознай ступенню эфектыўнасці супрацоўнічалі, спалучаліся і арганізацыйна перапляталіся, абумоўліваючы адпаведныя эканамічныя паказчыкі і садзейнічаючы кансалідацыі на падставе ўзаемных гаспадарчых інтарэсаў. Асаблівую ўвагу прыцягвае гаспадарчае жыццё мястэчка і вёскі, інфармацыя аб якім найбольш чуліва ўспрымаецца грамадствам, якое пакінула пасля сябе значны масіў разнастайных крыніц, у першую чаргу архіўных, і адкрытае для навуковай працоўкі з выкарыстаннем метадыкі вуснай гісторыі з магчымасцю рознаварыянтных верыфікацый. Пры гэтым неабходна звярнуць увагу на тое, што эканамічныя адносіны ў Заходняй Беларусі развіваліся кантынуйтэтно, на падставе ўсталяваных яшчэ ў часы Расійскай імперыі традыцый гаспадарчага жыцця. Яны ў сутнасці сваёй, нягледзячы на вядомыя паўфеадальныя перажыткі, мелі выразныя вытворча-капіталістычныя рысы і не ўспрымаліся грамадствам і сродкамі масавай інфармацыі, акрамя выданняў левай арыентацыі, як сацыяльнае зло, адмоўна, а, наадварот, былі натуральнай, эканамічна абумоўленай формай гаспадарчай дзейнасці.

Гэта пацвярджаецца паглыбленым экскурсам у нарматыўна-прававыя аспекты гаспадарча-эканамічнага жыцця, адлюстраваных у «Dzienniku Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej», «Monitory Polskim», ваяводскіх «Dziennikach Urzędowych», у канкрэтыку функцыянавання прамысловых і дробнарамесніцкіх прадпрыемстваў [20], сельскагаспадарчай сферы, у тым ліку ажыццяўлення аграрных рэформаў, якія суправаджаліся фінансавай падтрымкай сялян з боку дзяржавы [21], гандлёвых адносін [22] і натуральных працоўных павіннасцей шарваркаў [23]. Пры гэтым неабходна падкрэсліць значную ролю ў ажыццяўленні гаспадарча-эканамічных працэсаў органаў мясцовага самакіравання, якія, шукаючы падтрымкі ў насельніцтва, абапіраючыся на яе, былі ініцыятарамі ўдасканалення гаспадарчага жыцця, забяспечвалі арганізацыйна-тэхнічныя ўмо-

вы і кантроль адпаведных пераўтварэнняў, фарміравалі мясцовы бюджэт, кантралявалі яго выкананне.

Заклучэнне

Такім чынам, айчынная гістарыяграфія да апошняга часу дэманстравала выразна негатыўнае стаўленне да эканамічна-гаспадарчага жыцця Заходняй Беларусі, ігнаруючы аб'ектыўныя прычыны эканамічных цяжкасцей, мэтанакіравана замоўчваючы поспехі і не зважаючы на станоўчыя бакі, пазбаўляючы заходнебеларускае насельніцтва правасуб'ектнасці ў эканамічных адносінах, ставячы яго ў пасіўны стан залежнасці ад «пана» і «гандляра». Сацыяльна-эканамічная тэматыка была сродкам ідэйна-палітычнага змагання, гэтак сама як і пытанні грамадска-палітычнага становішча і нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, асвятленне якіх мела ярка выражаны агітацыйна-прапагандысцкі характар. Так, нягледзячы на рынкавую збалансаванасць і высокую ступень эканамічнай самаарганізацыі і сыравінна-энергетычнай самадастатковасці гаспадаркі Заходняй Беларусі з вядомымі складанасцямі і крызісна-дэпрэсійнымі праявамі, паступова гістарыяграфічна ствараўся вобраз беларускага народа, які пакутуе пад «непасільным ярмом польскіх паноў» у той час, калі людзі ў БССР жывуць нашмат лепш, чым іх адзінакроўныя браты ў Заходняй Беларусі.

Негатыўныя фармулёўкі былі абумоўлены эканамічнымі і ідэйна-класавымі прычынамі савецкай гістарыяграфіі, якая ва ўмовах тагачаснага грамадска-палітычнага рэжыму выходзіла з думкі аб безумоўнай каштоўнасці і вартасці савецкай сацыялістычнай мадэлі гаспадаркі. Але і сёння многія з папярэдніх сцвярджэнняў працягваюць успрымацца як праўдзівая інфармацыя, нягледзячы на грунтоўныя напрацоўкі айчынных і асабліва польскіх аўтараў і велізарны масіў архіўных матэрыялаў, якія больш адэкватна прэзентуюць сацыяльна-эканамічнае жыццё Заходняй Беларусі.

Знаёмства з архіўнымі матэрыяламі запэўнівае ў магчымасці стварэння працы па гісторыі гаспадарча-эканамічнага жыцця ў Заходняй Беларусі як больш эканамічна значнай, разнастайнай і ўнікальнай з'явы ў айчыннай гісторыі ў параўнанні з тым, як гэта падавалася савецкай гістарычнай навукай. Асабліва трэба адзначыць відавочную правасуб'ектнасць заходнебеларускага насельніцтва як сукупнасці ўдзельнікаў эканамічных працэсаў, іх актыўны і свядомы ўдзел у эканамічным жыцці з разлікам на свае сродкі і рэсурсы, без ілюзій і спадзяванняў на падтрымку «сацыяльна арыентаванай дзяржавы».

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Экономическая мысль Западной Беларуси в 1921–1939 гг. / В. Н. Бусько, Б. С. Войтешенко, С. Н. Якимченко ; под нач. ред. П. Г. Никитенко. – Минск : Право и экономика, 2004. – 158 с.
2. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – 288 с.
3. Боген, Д. Заходняя Беларусь пад крывавым бізуном польскіх акупантаў / Д. Боген. – Мінск : Белдзяржвыдавецтва, 1931. – 15 с.; Гарбацэвіч, П. Палёнізацыя Заходняй Беларусі / П. Гарбацэвіч. – Мінск, Беларус. акад. навук, камісія Заход. Беларусі, 1932. – 34 с.; Гак, Л. Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі. Партмассектар, 1933. – 95 с.; Пад польскім ярмом. – Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1929. – 23 с.; Шабсин, И. Как живут в Польше украинские и белорусские крестьяне / И. Шабсин. – М. : Изд-во ЦК МОПР, 1926. – 15 с.; Шнейдэр, Я. Абнішчанне сялянства на Заходняй Беларусі і шлях да заможнага жыцця

ў БССР / Я. Шнейдэр. – Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – 53 с.; Шнейдэр, Я. Становішча сялянства Заходняй Беларусі / Я. Шнейдэр. – 2-е выд., дап. – Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1935. – 53 с.; Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. – 56 с.; Заходняя Беларусь : зборнік. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – 68 с.; Западная Белоруссия : сб. статей. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1927. – Кн. 1. – 211 с.; Вансоўскі, Б. Куды вядзе Пілсудзкі Польшчу. Палітыка-эканамічны нарыс сучаснай Польшчы. – Мінск : Белдзяржвыд, 1927. – 100 с.

4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 80.

5. Илькевич, Н. Н. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.) / Н. Н. Илькевич, Р. П. Платонов. – Минск : БелНИИДАД, 1997. – 100 с.

6. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 86.

7. Астрога, В. А. «Шпіёнскае гняздо»: Стварэньне і дзейнасьць Камісіі па вывучэньні Заходняе Беларусі / В. Астрога // Спадчына. – 1996. – № 6. – С. 156–167.

8. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. Д. 6107.

9. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3.

10. Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. – 56 с.; Заходняя Беларусь : зборнік. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – 68 с.; Западная Белоруссия : сб. ст. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1927. – Кн. 1. – 211 с.; Вансоўскі, Б. Куды вядзе Пілсудзкі Польшчу. Палітыка-эканамічны нарыс сучаснай Польшчы. – Мінск : Белдзяржвыд, 1927. – 100 с.

11. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 7.

12. Фришман, В. Промышленность Западной Белоруссии. Статистико-экономическое описание / В. Фришман. – Минск : Изд-во Белорус. акад. наук, 1934. – 133 с.

13. Шнейдер, Я. Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии / Я. Шнейдер. – Минск : Изд-во акад. наук, 1936. – 104 с.

14. Нэп и экономическое положение евреев в 1920-е гг. [Электронный ресурс] // Электронная еврейская библиотека. – Режим доступа: file://localhost/C:/Documents%20and%20Settings/Admin/Рабочий%20стол/Сов% 20 Союз % 20 Евреи % 20 в % 20 Советском % 20 Союзе % 20 в % 20 1922–41%20гг..%20Электронная%20еврейская%20энциклопедия.mht. – Дата доступа: 20.09.2015.

15. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А. Н. Мацко [и др.] ; под ред. А. Н. Мацко и В. Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – С. 19; Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1972. – С. 41; Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – С. 21.

16. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев ; под науч. ред. проф. И. Н. Шемякина. – Минск : Выш. шк., 1975. – 112 с.; Наркевич, С. И. Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / С. И. Наркевич. – Минск, 1965. – 20 с.; Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 201 с.; Сорокин, А. А. Революционное и освободительное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : БГУ, 1970. – 171 с.

17. Зялінскі, П. І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / П. І. Зялінскі // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верас. 1999 г. / адк. рэд.: П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладзеўскі. – Мінск : БДУ, 2000. – С. 24–30; Коўкель, І. І. Эканамічнае ста-

новішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) / І. І. Коўкель // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верас. 1999 г. / адк. рэд.: П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладзеў. – Мінск : БДУ, 2000. – С. 16–24; Грэсь, С. М. Аграрныя пераўтварэнні ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. : манаграфія / С. М. Грэсь ; М-ва аховы здароўя Рэсп. Беларусь ; Гродз. дзярж. мед. ун-т. – Гродна : ГрДМУ, 2012. – 202 с.; Гарматны, В. Правядзенне камасацыі ў Палескім ваяводстве II Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) / В. Гарматны // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2008. – № 30. – С. 162–171; Гарматны, В. Правядзенне камасацыі на тэрыторыі Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг. / В. Гарматны // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2015. – № 43. – С. 135–157.

18. Кез, И. В. Сквозь годы и грозы XX века / И. Кез, В. Мороз. – Брест : Альтернатива, 2014. – 384 с.

19. Шепетюк, В. В. Участие еврейского населения в формировании и функционировании торговых отношений на территории Полесского воеводства / В. В. Шепетюк // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 крас. 1998 г. : у 2 ч. – Брэст, 1998. – Ч. 2. – С. 162–168; Вайцешчык, Г. С. Мясцэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г. С. Вайцешчык ; БДПУ імя М. Танка. – Мінск, 2013. – 23 с.; Лаўрэнка, Л. В. Развіццё рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921–1939 гг. / Л. В. Лаўрэнка // *Вестн. Полоц. гос. ун-та*. – 2013. – № 1. – С. 77–82; Лаўрэнка, Л. В. Стан лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / Л. В. Лаўрэнка // *Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2013. – № 1. – С. 77–85; Радзюк, А. Л. Беларускія кааператывы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. Л. Радзюк. – Мінск, 2014. – 20 с.

20. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 3979, Спр. 1606, Спр. 1618, Спр. 4105; ДАБВ. – Ф. 26. Воп. 1. Спр. 37; Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2235, Спр. 2230, Спр. 2250, Спр. 709, Спр. 745.

21. ДАБВ. – Ф. 28. Воп. 1. Спр. 74; ДАБВ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 5934. Ч. 1, Спр. 6069, Спр. 6070; ДАГВ. – Ф. 57. Воп. 1. Спр. 173, Спр. 169; ДАГВ. – Ф. 103. Воп. 1. Спр. 1.

22. ДАБВ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1619, Спр. 4183.

23. ДАБВ. – Ф. 26. Воп. 1. Спр. 37; ДАБВ. – Ф. 28. Воп. 1. Спр. 62, Спр. 45; ДАГВ. – Ф. 103. Воп. 1. Спр. 9; ДАГВ. – Ф. 57. Воп. 1. Спр. 210, Спр. 214, Спр. 188.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.06.2016

Savich A.A. Domestic Historiography of Socio-Economic Relations in the West of Belarus of 1920s–1930s

The study reflects the main scientific and methodological approaches to the study of local historians and reflection in the printing of social and economic history of Western Belarus in 1921–1939 years. The author reveals the conditionality of accents and language of the history of Western Belarus economy of the military-political and political-ideological priorities of the Soviet regime. Published works have focused on the negative features of the economy of Western Belarus, which were the result of Polish rule and determined colonial, agrarian and raw character, neglect of industrial and agricultural spheres, negative for the masses character of reforms. Based on a variety of sources, primarily archival materials, the correction and clarification of the respective positions is carried out, the indicators are identified that in the conditions of bourgeois-capitalist economy based on traditional economic structure, the local resource base and limited investment contributed to the post-war reconstruction and the strengthening of the economy, ensured economic self-sufficiency of Western Belarus.

УДК947.808.4

И.И. Янушевич*канд. ист. наук, доц., зам. декана факультета социокультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета***АНТИЦЕРКОВНЫЕ КАМПАНИИ КАК ФОРМА ПРОВЕДЕНИЯ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1917–1930-е гг.)**

В программных документах пришедшей в ноябре 1917 г. к власти Российской социал-демократической рабочей партии борьба с религией и церковью определялась как неизбежное явление в социалистическом государстве. Официально провозглашенная свобода совести на практике сводилась к возможности свободного проведения антирелигиозной пропаганды. Формы и методы работы зависели от общественно-политической ситуации в регионе. Информационное воздействие дополнялось мерами административного характера со стороны органов управления и силовых структур. Содержание антирелигиозных мероприятий носило «разоблачающий», клеветнический характер как в виде резких кампаний, так и системной работы по созданию невыносимых условий для жизни и профессиональной деятельности священнослужителей.

Введение

Государственно-церковные отношения в Российской империи представляли собой сложнейшую систему, главным регулятором которой выступала официальная власть. Однако уже со второй половины XIX ст. и особенно в начале XX ст. реализуемая по отношению к религиозным организациям политика не соответствовала вызовам времени. Очевидные просчеты в определении приоритетов духовно-нравственного развития общества наряду с внутри- и внешнеполитическими проблемами привели в ноябре 1917 г. к власти в Российской империи политическую силу, считавшую религию и церковь вредными и даже опасными институтами в процессе анонсированного построения социалистического государства. Принято считать, что идеологической основой стал материализм или, как потом была названа его высшая форма, «научный атеизм». Практика показала, что при непосредственном продвижении безбожья в массы требовалось нечто более понятное и доступное потенциальным объектам «переделки на атеистические рельсы». Наиболее знаковыми и эффективными способами борьбы с религиозностью граждан ответственные за распространение атеизма работники считали «разоблачительную» кампанию по вскрытию мощей и публичное отречение священнослужителей от сана.

Кампания по вскрытию мощей

Подвести обоснование под предполагаемый процесс обезбоживания населения антирелигиозникам предстояло в условиях сложнейшей трансформации народно-хозяйственного комплекса и поиска оптимальной модели государственного строительства в соответствии с выдвигаемыми партией большевиков лозунгами. На высшем партийном уровне регулярно принимались постановления, требующие «осторожного отношения к религиозным предрассудкам» населения. В.И. Ленин призывал «не допускать оскорбления религиозных чувств верующих», однако на практике он же или его ближайшие соратники санкционировали мероприятия по максимально возможному уничтожению «реакционного духовенства», изданию явно клеветнических печатных работ и проведению агрессивных антирелигиозных кампаний [1, с. 34; 2, л. 3–4; 3, л. 16–17].

Одной из них в 1919 г. стала широкомасштабная операция по уничтожению мощей святых праведников. Следует отметить, что «разоблачения» начались еще в 1918 г. и не совсем удачно. Объявленная в прессе информация об обнаружении соответствующей комиссией вместо останков Александра Свирского восковой куклы не была под-

тверждена местным священником, через несколько дней расстрелянным [4, с. 70]. Вскрытие мощей В.И. Ленин рассматривал как эффективный пропагандистский ход: «Показать, какие именно были “святости” в этих богатых раках и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей» [5, с. 122]. Он же потребовал «проследить и проверить, чтобы поскорее показали» кино о вскрытии мощей Сергия Радонежского в Чудовом монастыре Московского кремля [6, с. 279].

Следовало организовать и информационно-пропагандистское сопровождение в виде резолюций с мест, «раскрывающих многовековой обман церковников»: «Да погибнут темные силы, оскверняющие дело пролетариата! Да здравствует наука и просвещение на пользу светлого будущего человечества!» [7, л. 16–17]. Обоснование необходимости «полной ликвидации мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий» нашло свое отражение в Постановлении Народного комиссариата юстиции от 25 августа 1920 г. «О ликвидации мощей» [8, с. 75]. Крайняя озабоченность Наркомата юстиции в данном документе психическим и нравственным здоровьем граждан не выдерживает никакой критики. Стремление к манипулированию взглядами населения наталкивалось на полное несоответствие с реальной действительностью. Верующий и по советским законам имел право выбора поклоняться мощам или нет, ставить свечку или не ставить [9, с. 172]. Ни у кого не было права и запретить это. В письме патриарха Тихона председателю ВЦИК М.И. Калинину от 9 августа 1920 г. говорится о кампании как о «неприкрытом вмешательстве государства во внутренние дела Церкви»: «Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа. И ныне ради попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власти имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: “Какое дело государству (особенно атеистическому) до Церкви?”» [9, с. 170].

Другой вопрос, что властей больше интересовало поступление средств от паломников, жертвователей, прихожан. Получение денег путем сборов, продажи свечей, масла, воды было естественным для религиозных организаций, как и для всех любых, с целью выполнения своих уставных задач. Кампания эта должна была носить «глубокий пропагандистский подтекст». Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей угодников Божьих, надеялись с помощью «развеивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «і» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не только как материальная сохранность останков тела, а и как явление духовное. Редкий приход обладал мощами или чудотворной иконой (в основном монастыри). В подавляющем большинстве храмов имелись только ковчеги-мощевики или частички останков святых. Оценка эффективности ответственными антирелигиозниками подобной акции в борьбе с верой людей в сверхъестественные силы вряд ли совпадала с действительностью. Известных общепочитаемых святых было не так уж и много. В условиях жесточайшего идеологического пресинга священнослужители не могли полноценно организовать церковную жизнь в плане того же произношения проповедей и рассказах о житиях святых. С течением времени воцерковленных православных верующих становилось все меньше. В БССР, например, было большое количество инославных, и так считавших православную догматику и культовую практику обманом.

Еще больший вред распространению атеизма вскрытие мощей принесло в плане появления новых легенд, мистических явлений. Народная молва, передавая зачастую абсолютно фантастические рассказы, в условиях противостояния безбожной власти

по всем позициям превосходила антирелигиозную пропаганду, создавая почву для нетрадиционной религиозности. Часто верующие не были убеждены, что останки, показанные при вскрытии захоронений, являлись подлинными, а не были заменены большими или заранее подменены монахами, священниками или прихожанами для предотвращения осквернения [10, с. 58, 61]. Тем более на местах и сама процедура, и подготовительные работы проводились с нарушениями указаний центральных органов власти, нацеливавших и на получение пропагандистского эффекта, а не только ликвидацию «очага мракобесия» [11, л. 17]. Многие вскрытия проводились в вульгарной, оскорбительной для верующих форме с применением насилия, мер устрашения и надругания над останками [12, л. 6–8; 13, л. 391].

Непосредственно на территории Беларуси наибольший интерес властей вызвали мощи православных святых Евфросинии Полоцкой, Софии Слуцкой, младенца Гавриила и католического Андрея Баболи. Мощи преподобной Евфросинии были вскрыты дважды. Первый раз в Ростове, куда они были вывезены в эвакуацию и могли быть уничтожены местными богоборцами [14, л. 280]. Повторное осквернение мощей преподобной произошло уже в Полоцке 13 мая 1922 г. в разгар очередного наступления властей на религиозные организации в связи с проведением кампании по изъятию церковных ценностей по «требованию трудящихся» под предлогом якобы имевшихся в раке преподобной драгоценностей [15, л. 72]. Комиссия по вскрытию мощей пришла к выводу, что труп «мумифицировался вследствие благоприятных почвенных условий» [15, л. 72]. Важным посчитали в заключении мнение археолога Дейниса, указавшего, «что труп плохо сохранился, так как он видал и более хорошо сохранившееся мумии египетского происхождения» [15, л. 72]. «Разоблаченные» мощи были выставлены для всеобщего осмотра с целью антирелигиозной пропаганды, а 21 мая 1922 г. были увезены в Витебск для организации антирелигиозной экспозиции губернского историко-археологического музея [16, л. 288]. Между тем, несмотря на изъятие мощей, креста преподобной и закрытия самой обители ситуация с распространением атеизма и организацией безбожной работы в Полоцком районе была худшей среди регионов БССР [17, л. 6]. Судьба святых останков преподобной Евфросинии оказалась схожа с судьбой большинства мощей иных святых: они выставлялись для всеобщего обозрения в различных музеях рядом с экспонатами бытовой и хозяйственной принадлежности. Попытка вернуть их верующим не удалась даже поддерживаемым властями обновленцам [18, л. 14об.].

«По желанию рабочих и красноармейцев» 23 июня 1922 г. были вскрыты мощи Андрея Баболи [19, л. 16, 55]. Этот акт носил серьезный международный характер. Папский престол и правительство Польши стремились вывести святыню из Советского государства, руководство которого было не против этого, однако с условием получения неких дивидендов [19, л. 33]. В 1924 г. мощи были переданы представителям Ватикана, и через некоторое время состоялось их дальнейшее прославление, после чего их обрели верующие Польши.

Для властей вопрос, что делать с мощами, был неоднозначным. Циркуляр Отдела управления НКВД от 23 апреля 1919 г. «наиболее желательным» считал их доставку в музей или иные публичные места для всеобщего обозрения, хотя допускалось и оставление их либо в «прежнем», либо в «новом виде» на старых местах [10, с. 59]. Предложения того же ведомства от 29 июля 1920 г. требовали их обязательной ликвидации путем передачи в музей или захоронения [10, с. 59]. В постановлении от 25 августа 1920 г. единственным способом уже указывается передача в музей [8, с. 75]. В постановлении СНК РСФСР от 29 июля 1920 г. указывалось на необходимость уголовного преследования «в случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты как со стороны отдельных жителей культа, так равно и организаций бывших исповедных ведомств» [10, с. 60].

Подобное давление и надругательство над мощами и религиозными чувствами верующих вызывали возмущение людей и противоречили советскому законодательству и постановлениям СНК и самой Конституции. Православные верующие по-своему отвечали на действия власти: к 1920 г. наметился общерелигиозный подъем в массах – храмы наполнялись молящимися.

Для верующих уже само вскрытие мошей было кощунством, а предполагаемое их уничтожение за ненужностью могло значительно усилить и радикализовать ряды антиправительственных сил. По стране поднималось немалое волнение по данному поводу в придачу к имевшим место в начале 1920-х гг. массовым восстаниям по всей стране [21, л. 7]. Высшее партийное руководство через Народный комиссариат юстиции в апреле 1921 г. обвинил местные органы в плохой организации антирелигиозной кампании. Указал на необходимость широкой предварительной агитационной работы, «чтобы смысл советского мероприятия был вполне понятен широким трудовым массам» [10, с. 61]. (Как будто наверху не знали настроения граждан). Получить молчаливое согласие хоть какой-то значимой части населения на столь кощунственную акцию иначе как провокацией назвать невозможно. Это уже был не 1917 или 1918 год, когда секуляризационные настроения вселяли оптимизм в безбожников. Воинственность главных антирелигиозников, жалевших о том, что не все мощи были осквернены и уничтожены после 1922 г., стали уже не актуальны. Но 21 февраля 1930 г. комиссия в присутствии епископа Слуцкого Николая (Шеметило) «совершила осмотр» мошей младенца Гавриила Белостокского и святой Софии, княгини Слуцкой. После вскрытия мощи были доставлены в Минск [20, с. 138–139]. Не принеся антирелигиозникам быстрых дивидендов кавалерийская атака сменилась длительным периодом клеветы, «разоблачений» и осмеяния, безусловно, сыгравших на руку безбожиию.

Снятие священнослужителями сана

Еще одной причиной, по которой верующие должны были отказаться от веры и церкви, были так называемые «расстриги», когда священнослужители публично заявляли о снятии с себя сана. Собственно ничего удивительного в этом не было. До революции сословность вынуждала многих, в том числе и неверующих «поповичей» идти по стопам родителя. Революционными и радикальными политическими идеями были проникнуты даже некоторые монахи, не говоря уже о семинаристах. Многие становились клириками по чисто меркантильным и карьерным соображениям.

Коренным образом изменилась ситуация после 1917 г. Часть церковнослужителей, не по вере принявших сан, сразу же перешли на гражданскую службу. Наиболее ярким и омерзительным примером этому являлся петроградский священник М. Галкин: сняв с себя сан, он примкнул к наиболее радикальным безбожникам во главе с Л.Д. Троцким, а из-под его пера вышли десятки пасквилей. Но оставшиеся верными обетам пастыри в большинстве своем в отличие от дореволюционных казенных требников являлись для населения духовными, да и политическими авторитетами, которых партийным и государственным структурам необходимо было изолировать от общества.

Физическое уничтожение и заключения под стражу были допустимы не всегда, а добровольное снятие сана имело и пропагандистский эффект. Священнослужители и члены их семей в условиях советской власти подвергались самым жестким гонениям и ущемлениям со всех сторон. Они были первыми, кто привлечение к «революционной ответственности». Священнослужители и члены их семей подвергались значительным ущемлениям семейно-бытового характера: невозможность трудоустройства для получения средств к существованию; невозможность дать образование детям; стеснение по жилищным вопросам; непомерное налогообложение [22, л. 210]. Они находились под постоянным контролем и давлением ВЧК – ГПУ – НКВД. Законодательство гаран-

тировало снятие этих ограничений в случае отказа от сана при условии публичного отречения [23, л. 3–4].

На верующих это должно было, по мнению антирелигиозников, произвести впечатление по нескольким причинам. Во-первых, священнослужитель должен был заявить о том, что религия – это обман, что он все время обманывал верующих, что Бога нет, что это выдумка. Во-вторых, раз Бога нет, то и церковь не нужна, а клирики на самом деле есть просто враги советской власти, главной целью которых является одурманивание темных масс и получение экономических дивидендов. Безусловно, подобные действия не вызывали положительной реакции верующего населения: пастырь все-таки являлся неким нравственным идеалом. И здесь стоит учитывать моральные характеристики отрекшихся от сана: пользовались ли они авторитетом, не были ли они чрезмерно сребролюбивы, добросовестно ли исполняли свои обязанности да и были ли они действительными священниками, а не изгнанными или не принятыми верующими [24, л. 459]. Отсутствие действенной церковной власти, стесненные обстоятельства, страх расправы оказывали влияние и на дисциплинированность, и на профессионализм, и на порядочность служителей культа. При сомне новомученников отошедших от служения по разным причинам тоже было достаточно. Отречение подобного «пастыря» верующим зачастую толковалось так, «что у Бога могут быть плохие попы, как и в компартии бывают примазавшиеся» [25, л. 167]. Расстриги, безусловно, подрывали авторитет религиозных организаций в какой-то конкретной местности или в глазах неофитов, но на значительное количество населения произвести впечатление не могли. Раскрытие «обмана» человеком, обманывавшим своих братьев по вере, внешне эффективный, но вряд ли действенный способ распространения атеистического мировоззрения.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что рассмотренным антирелигиозным кампаниям придавался статус значимых государственных мероприятий. Декларируемая деятельность по распространению атеизма не представлялась партийным и государственным работникам возможной без усилий всех официальных структур. Административное давление на религиозные организации и священнослужителей дополнялось массированным информационным сопровождением, целью которого было «разоблачение обмана поповщины». Вскрытие мощей задумывалось акцией публичной демонстрации обмана церкви как института, а попы-расстриги показывали священника как лжеца и дармоеда. Таким образом, две наиболее чувствительные стороны жизни верующего человека должны были демонстрировать безосновательность сохранения советским гражданином прежнего отношения к религии. Ожидаемые антирелигиозными деятелями от проведения данных кампаний результаты в указанный период были необоснованно завышены, но принесли свой основной плод в деле распространения безбожия в последующие десятилетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов, В. В. Генералиссимус : ист.-док. изд. : в 2 кн. / В. В. Карпов. – М. : Вече, 2004. – Кн. 1. – 464 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947.
3. РГАСПИ. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 48.
4. Кашеваров, А. Н. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922) / А. Н. Кашеваров. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 437 с.

5. Бонч-Бруевич, В. Д. Воспоминания о Ленине / В. Д. Бонч-Бруевич. – М. : Наука, 1969. – 518 с.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 50. – 633 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А353. Оп. 2. Д. 691.
8. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и док. – М. : Юрид. лит., 1971. – 336 с.
9. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. – М. : Изд-во Православного Св.-Тихон. богосл. ин-та, 1994. – 1063 с.
10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библиейско-Богосл. ин-та св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
11. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 5. Д. 240.
12. ГАРФ. – Ф. 130. Оп. 1. Д. 211.
13. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 4. Д. 391.
14. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 425.
15. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91.
16. ГАВО. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 43.
17. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
18. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 6. Д. 17.
19. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 13.
20. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 239 с.
21. Государственный архив Гомельской области (ГАГО) – Ф. 161. Оп. 1. Д. 21.
22. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 63.
23. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 2. Д. 39.
24. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1104.
25. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 7. Д. 760.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.04.2016

Yanushevich I.I. The Anticlerical Companies as a Form of Antireligious Work in the Soviet Union (1917–1930s)

In the official documents of the Russian Social-Democratic Labour Party, which came to power in November 1917, the struggle against religion and church was defined as an inevitable phenomenon in a socialist state. Officially proclaimed freedom of conscience practically gave the possibility of anti-religious propaganda. The forms and the methods of the work depended on the socio-political situation in the region. Informational reaction was supplemented by the measures of an administrative work on the part of government and security agencies. The anti-religious subject of the events was such kind of «revelation» and slender in the form of sharp meetings and constant work to create intolerable conditions for life and professional activity of clergymen.

УДК 355.6 : 94(476)

В.М. Кривчиков

канд. ист. наук, доц., доц. каф. тылового обеспечения военного факультета
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

**ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ УЧЕНИЙ И МАНЕВРОВ ВОЙСК
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.**

В статье рассмотрено состояние дел по военно-хозяйственному снабжению учений и маневров войск Белорусского военного округа во второй половине 1920-х гг. В указанный период на территории Беларуси практически ежегодно стали проводиться различного уровня учения войск округа. При этом уровень руководства учениями постоянно возрастал, свидетельствуя, что западное оперативное направление становилось стратегически важным. Совершенствование тактики ведения боевых действий выдвигало требование развития и системы материального обеспечения действующих войск. Проанализирован уровень военно-хозяйственного снабжения войск округа в ходе оперативных маневров под руководством командующего Белорусским военным округом А.И. Егоровым (сентябрь 1928 г.) и Всесоюзных Бобруйских больших маневров (сентябрь 1929 г.) под руководством Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова. Показаны меры, которые были приняты Военно-хозяйственным управлением Управления снабжения Красной Армии по опробованию и анализу применения материальных средств в ходе полевой выучки войск на территории Беларуси.

Введение

Боевая выучка войск всегда имела первостепенное значение в способности Вооруженных Сил страны адекватно реагировать на внешние угрозы государства, в умении успешно и с наименьшими потерями вести боевые действия с противником. Партийное и военное руководство СССР уделяло большое внимание проведению войсками Красной Армии различных учений и маневров. Это в большей степени относится к войскам, дислоцировавшимся на территории Беларуси в межвоенный период. Беларусь находилась на стратегическом западном направлении СССР, и Белорусский военный округ являлся приграничным округом с вытекающими отсюда последствиями.

В 1920–1930-е гг. интенсивность и динамика учений и маневров на территории Беларуси постоянно возрастала ввиду постоянного усиления военной угрозы со стороны западных соседей СССР. Круг задач, решаемых и отрабатываемых на учениях и маневрах, также постоянно изменялся, что было связано с развитием стратегии и тактики боевого применения войск, а также совершенствованием вооружения и боевой техники, поступавших на обеспечение воинских частей. И если в 1920-е гг. отрабатывались в основном вопросы применения и тактики действий кавалерии, то в 1930-е гг. тематика учений и маневров была плотно увязана с применением моторизованных частей и соединений, военно-воздушных сил в различных видах боя.

Цель статьи – рассмотреть положение дел с военно-хозяйственным снабжением учений войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси. Исходя из цели ставятся задачи выявить степень готовности снабженческих структур по материальному обеспечению учений и маневров и проанализировать возникавшие при этом трудности.

В современной историографии проблемы материального обеспечения учений и маневров, проходивших на территории Белорусского военного округа в 1920-е гг., не получили достаточного освещения. Исследователи, как правило, касались общих вопросов материально-технического снабжения Красной Армии в указанный период, и не раскрывали особенностей, присущих соединениям и частям, дислоцировавшимся на территории Беларуси. В 1990-е гг. и в начале XXI в. вышли в свет многотомные труды по истории Беларуси, в которых рассмотрено положение дел со снабжением частей и соединений после окончания Гражданской войны и в годы НЭПа на территории во-

сточной Беларусі [1–3]. В определенной степени проблематика материального обеспечения учений (не только на территории Белорусского военного округа, а в целом СССР) отражена в диссертационных исследованиях. К ним можно отнести диссертации Е.А. Бочкова «Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в межвоенный период (1921–1941 гг.)» и Н.С. Бардыго «Деятельность органов Советского государства и военного управления по созданию и совершенствованию формы одежды армии в 1918–1991 гг.» [4; 5].

Руководством тыла Вооруженных Сил Республики Беларусь были предприняты попытки освещения истории развития тыла Белорусского военного округа, в том числе и в исследуемый период [6]. Начиная с 2005 г. был опубликован ряд монографий, в которых авторы на значительной статистической базе раскрывают особенности развития материального обеспечения Красной Армии, порядок финансирования и поставок продовольствия, вещевого имущества в 1920-е гг. [7–9].

В указанных выше исследованиях при всей их серьезности и значимости практически не раскрыты особенности военно-хозяйственного обеспечения полевой выучки войск Белорусского военного округа во второй половине 1920-х гг., поэтому исследование в основном основано на документах, хранящихся в архивах г. Москвы: Российском государственном военном архиве и Российском государственном архиве социально-политической истории.

Одними из первых крупных маневров на территории Беларуси после окончания Гражданской войны можно считать проведенные в 1928 г. на территории Белорусского военного округа оперативные маневры под руководством командующего округом А.И. Егорова, которые проходили с 20 по 27 сентября. Основной идеей оперативных маневров была организация и обеспечение рейда конного корпуса в глубокий армейский тыл противника в условиях белорусского театровоенных действий: водные преграды, лесисто-болотистые массивы, глубокие лесные и болотные дефиле, плохие дороги [10, л. 16].

Определенную проверку на маневрах прошла организация военно-хозяйственного снабжения. Организация питания военнослужащих исследовалась в трех системах: полковой, батальонной и ротной. Полковая система организации питания горячей пищи была признана слишком малоподвижной и в военное время неприемлемой. Это, по мнению проверяющих, происходило от безответственности командиров за питание вверенных им частей. Батальонная система была уже более гибкой, она была ближе к военнослужащим и вызывала больше забот у командиров батальонов и рот. Ротная же система была признана самой приемлемой. При ее применении командир больше всего чувствовал ответственность за правильное и бесперебойное питание. На уровне рот на маневрах меньше всего было перебоев в горячем питании красноармейцев.

В протоколе совещания Военно-хозяйственного управления Управления снабжения РККА от 5 ноября 1928 г. по подведению итогов маневров на территории Белорусского военного округа в части военно-хозяйственного снабжения были отмечены такие недостатки:

1. Неудовлетворительная подгонка обуви, вследствие чего наблюдались массовые потертости ног.
2. Неправильное распределение между частями обуви в отношении ростовок.
3. Удовлетворительное состояние обывательского обоза. Во время похода от Минска до Борисова поломок не было. Это можно объяснить тем, что на маневры были взяты от населения лучшие повозки.
4. Неудовлетворительная покраска походных кухонь, которые были окрашены в демаскирующий красно-бурый цвет [11, л. 25–29].

На совещании выступил начальник Военно-хозяйственного отдела Белорусского военного округа Бравый. Он отметил, что, несмотря на то, что органы снабжения своей директивой давали войсковым частям указания проверить работу отдельных служб военно-хозяйственного снабжения, «таковые исполнены не были, и некоторые отрасли остались без проверки». Бравый считал, что приоритетным способом довольствия горячей пищей необходимо считать ротный. В отношении централизованной и батальонной систем питания он высказался против, т.к. эти системы, по его мнению, «вызывали большие трудности в смысле налаживания связи хозяйственных ячеек с довольствующими подразделениями» [11, л. 25].

Кооперация с задачами на маневрах справилась как в деле заготовки продуктов для частей, так и в деле их распределения. Для обеспечения маневрирующих частей предметами широкого потребления в различных пунктах районов учений были открыты красноармейские лавки. Часть лавок была развернута в существовавших магазинах Белкоопсоюза, часть просто в избах. Во всех лавках в наличии были белый хлеб, хлебо-булочные изделия, сало, колбаса, мыло, спички, табак, бумага, конверты, нитки и прочее [10, л. 22]. Начальник Военно-хозяйственного отдела Белорусского военного округа также озвучил и выявленные проблемы:

- 1) котелки демаскировали (были покрашены, как и кухни, в красно-бурый цвет);
- 2) вещевые мешки были неудобны;
- 3) снаряжение было тяжелым и неудобным для быстрого надевания и снятия;
- 4) седла образца 1925 г. «набивали» лошадей [10, л. 22].

Опыты по применению на маневрах переконструированной на 2 котла походной кухни, кипятивника системы Бессонова, полевой хлебопекарни системы Пейера и подвижной хлебопекарни системы инженеров Бушковича и Важеевского подтвердили их пригодность, но был ряд технических замечаний: подвижная хлебопекарня была тяжелая, а за кипятивником Бессонова было сложно ухаживать [11, л. 47]. Общее состояние походных кухонь было признано удовлетворительным, и жалоб на неисправности не было, но окраска кухонь большей частью в темно-красный цвет была признана неудачной [10, л. 22].

С докладом на совещании также выступил председатель 5-й секции технического комитета Военно-хозяйственного управления Управления снабжения РККА Петерс, посетивший с инспекцией в сентябре 1928 г. маневры в Белорусском военном округе. В докладе прозвучало, что большинство походных кухонь, новых и отремонтированных, имели повреждения. На некоторых из них отсутствовали дымовые трубы, топочные дверцы, золотники пароспускных клапанов и т.д. Причины этого состояния Петерс видел в «крайне жестком и невнимательном отношении людей к кухням» [10, л. 79]. Приготовление пищи во время движения не производилось. Наблюдая хлебопекарню в действии, Петерс отмечал, что она привлекала внимание воздушной разведки. Хлебопекарню демаскировали клубы дыма, вырывавшиеся из труб [10, л. 80]. Закончил свое выступление председатель 5-й секции технического комитета Военно-хозяйственного управления Управления снабжения РККА так: «Разрабатывая вопрос о милитаризованной повозке для Белоруссии, надо стремиться к удешевлению и облегчению повозки, без чего идея внедрения таковой в крестьянское хозяйство будет обречена на гибель вследствие крайней бедности населения, слабосильности лошадей и плохого состояния дорог» [10, л. 81]. Сказанное ярко характеризовало общую экономическую ситуацию в районе маневров: проблемы в развитии сельского хозяйства, а значит, и поставок продовольствия действующим войскам, слаборазвитая сеть автомобильных дорог, некачественное конское поголовье, поступававшее в части и соединения.

Участники совещания по итогам маневров пришли к выводу: «Полковая система питания нецелесообразна. Кухни, в зависимости от обстановки, могут быть распределе-

ны либо побатальонно, либо поротно» [10, л. 25]. Впоследствии это мнение оказалось ошибочным, и уже в 1930-е гг. основной системой питания стала полковая система (т.е. в масштабах воинской части).

Еще более крупными можно считать Большие Бобруйские маневры 1929 г. (также называемые Всесоюзные Бобруйские большие маневры), прошедшие в сентябре на территории Белорусского военного округа. Это был смотр технической оснащенности Красной Армии, а также боевой выучки войск. В маневрах кроме войск Белорусского военного округа были задействованы части Московского, Ленинградского, Украинского и Северокавказского военных округов. На маневрах присутствовала большая группа командиров штаба Красной Армии во главе с Народным комиссаром обороны К.Е. Ворошиловым. На маневрах впервые в истории РККА участвовал опытный механизированный полк. За использованием танков Т-18 наблюдали несколько комиссий: от штаба Красной Армии – Б.М. Шапошников (начальник штаба) и В.К. Триандафиллов (начальник Оперативного управления штаба); от конструкторского бюро завода «Большевик», производившего Т-18, комиссией руководил инженер Л.С. Троянов.

В ходе маневров танки Т-18 зарекомендовали себя в основном неплохо. Несмотря на тяжелые условия эксплуатации Т-18 почти в полном составе прошли все испытания, однако обнаружили множественные мелкие поломки материальной части (полный список неисправностей и путей их возможного устранения содержал более 50 пунктов). Этот перечень помог при работе по модернизации танка, проведенной в 1929–1930 гг. Опыт использования механизированных частей явился базой для дальнейшей разработки теории и практики применения механизированных войск.

Представляет интерес применение авиации на маневрах: наносились удары по оборонявшемуся «противнику», развивался успех штурмовыми действиями авиации совместно с конницей и мотомеханизированными частями, наносились бомбовые удары по железным дорогам и транспортным узлам с целью срыва оперативных перевозок «противника», велась борьба с воздушным «противником».

Подводя итог разбору маневров 24 сентября 1929 г. в г. Рогачеве, Нарком обороны К.Е. Ворошилов отметил хорошую постановку оборонной работы в республике, достаточную работу транспорта, связи и прочих служб, непосредственно обеспечивавших ход военных учений. Представляют интерес высказывания К.Е. Ворошилова о проблемах в материальном обеспечении маневров. Вещевое обеспечение оказалось, по его мнению, не на высоком уровне. Нарком обороны сказал: «На прошлых маневрах я отмечал плохую подгонку обуви. Это целиком повторилось и в настоящем году, пригонка обуви опять оказалась никуда не годной. Винаваты в этом и снабженческие аппараты, и начальствующий состав. Мне доложил начснаб т. Корк, что он приказал приемочной комиссии одеть эти сапоги и совершить 25 км марш. Этот интересный опыт следует учесть для наших выводов. Ведь ясно, что наш переменник 8 месяцев в году ходит босиком, нога привыкает к одному положению, а ведь призывают, мобилизуют, совершают переходы в обуви, которая не приспособлена к этим условиям. Не надо быть большим математиком-хирургом, чтобы учесть этот дефект в постройке сапога» [12, л. 101–102].

Об организации связи К.Е. Ворошилов высказал довольно спорные идеи: «Все увлечены проволокой, забывая про необходимость должного использования остальных средств связи: собаки, голуби...». А вот призыв использовать для организации связи в дивизиях, корпусах и полках «форды, мотоциклы, самокаты и конных», т.е. использовать средства механизации и лошадей, – это было в духе времени [12, л. 110].

Не обошел стороной Нарком обороны и вопросы торгово-бытового обеспечения войск, а также работу Российского общества Красного Креста: «Белорусская кооперация работала неплохо и прекрасно обслуживала войска. РОКК развернул широкую культурно-просветительную санитарную работу, которая значительно облегчила рабо-

ту наших санитарных органов. Украинский РОКК прислал пароход по Днепру, который оказывал широкую помощь нашим бойцам и работал хорошо» [12, л. 112].

Вообще, К.Е. Ворошилов довольно часто в своих публичных выступлениях касался проблем материального обеспечения войск. Вот, например, как красочно он описал внешний вид военнослужащих на собрании командного состава Украинского военного округа 15 мая 1927 г. в г. Киеве по окончании военной игры: «Наряду с боевой тактической подготовкой нам следовало бы ввести моду устраивать состязания по умыванию наших физиономий, так, чтобы они у нас были постоянно чистыми, чтобы в опрятности находилось обмундирование, вычищены сапоги, убрана постель и т.д. Вы знаете, что наше государство небогато, и с теми средствами, которые оно на нас тратит, — мы не должны так обращаться и не имеем право подвергать наш организм опасностям разных заболеваний. Я сегодня, осматривая ваши палатки, нашел грязь и неряшливость. Вы спите и ложитесь на такую грязь. А стыдно за себя, что не добился от командиров и политработников устранения этих неприятных явлений. Иностранцы корреспонденты пишут, что польская армия является чистенькой, опрятной, прямо игрушечной, то же самое — финская армия» [12, л. 36]. Все высказанные недостатки можно было в полном объеме отнести и к положению дел в Белорусском военном округе.

На учениях проходили войсковые испытания различные предметы, относящиеся к военно-хозяйственному снабжению. Так, на маневрах 1930 г. в частях Белорусского военного округа испытывали конструкцию плащ-палатки в количестве 480 шт., а также проверяли стойкость и вкусовые качества прессованных сухарей [13, л. 50]. Результаты испытаний позволили в дальнейшем более широко применять при организации питания в поле пищевые концентраты.

Заключение

С момента образования Белорусского военного округа в 1926 г. на территории Беларуси руководством Наркомата обороны СССР и округа начали проводиться различные маневры и учения войск. Во второй половине 1920-х гг. на территории Белорусского военного округа проводились оперативные маневры под руководством командующего округом А.И. Егоровым (сентябрь 1928 г.) и Всесоюзные Бобруйские большие маневры (сентябрь 1929 г.) под руководством Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова и др. Все это обуславливалось тем, что Белорусский военный округ, будучи приграничным, постепенно становился значимым для западного стратегического направления. Поэтому тематика учений и маневров предполагала новые подходы в применении войск и техники, что влекло за собой развитие материального обеспечения войск. В целом можно отметить: руководство высоко оценивало уровень материально-технического обеспечения учений, но на такие оценки, скорее всего, сильно влияли политические факторы. Архивные документы показывают, что существовали определенные трудности в обеспечении действующих войск. Экономическая ситуация в Беларуси после окончания Гражданской войны была сложной, поэтому поставки воинским частям продовольствия, обозных средств были проблематичны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. — Мінск : Беларусь, 1995. — Ч. 2. — 560 с.
2. История Беларуси : в 2 т. / сост. Я. И. Трещенка. — Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. — Т. 2. — 310 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] — Мінск : Экаперспектыва, 2007. — Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. — 613 с.

4. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в межвоенный период (1921–1941 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Бочков. – СПб., 2007. – 45 с.
5. Бардыго, Н. С. Деятельность органов Советского государства и военного управления по созданию и совершенствованию формы одежды армии в 1918–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. С. Бардыго. – СПб., 2009. – 265 с.
6. Тыл Вооруженных Сил Республики Беларусь / сост. В. И. Скороход. – Минск : Дижан-2000, 2008. – 26 с.
7. Вещиков, П. И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.) / П. И. Вещиков ; под ред. д-ра воен. наук, проф. Н. А. Малюгина. – М., 2003. – 460 с.
8. Бочков, Е. А. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в период военной реформы 1921–1929 гг. / Е. А. Бочков. – СПб., 2005. – 370 с.
9. Вещиков, П. И. История продовольственной (провиантской) службы Вооруженных Сил России XVIII–XX вв. : в 3 кн. / П. И. Вещиков. – М., 2013. – Кн. 3. – 511 с.
10. Отчеты начальников военхозотделов округов об организации снабжения на окружных маневрах, протоколы совещаний при ВХУ по этому вопросу // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 47. Оп. 10. Д. 82.
11. Постановление ЦИК и СНК и положение о порядке производства реквизиций для нужд войны и инструкция по применению положения // РГВА. – Ф. 47. Оп. 10. Д. 78.
12. Речи Наркома обороны Союза ССР К. Е. Ворошилова на военных маневрах, смотрах, играх и тактических учениях // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 74. Оп. 2. Д. 109. Т. 1.
13. Положение об организации и деятельности Всесоюзного объединения складского и транспортно-экспедиционного дела, план проведения войсковых испытаний предметов военно-хозяйственного снабжения на маневрах // РГВА. – Ф. 47. Оп. 10. Д. 96.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.09.2015

Kriuchikau V.M. Military and Economic Supply of Exercises and Maneuvers of Troops on the Territory of the Belarusian Military District in the Second Half of the 1920s

The article deals with the state in the military-economic procurement of exercises and maneuvers of the Belarusian Military District in the second half of the 1920s. During this period, on the territory of Belarus the exercises of district troops of different levels were held almost every year. The level of exercise management constantly increased, showing that the Western operational area became strategically important. The improvement of warfare tactics made demands of development and material security of existing forces. The level of military – economic supply of district troops during operational maneuvers under the leadership of the commander of the Belorussian Military District A. Egorov (September 1928) and «All-Union Bobruisk big maneuvers» (September 1929) under the leadership of the People's Commissar of Defence of the USSR K. Voroshilov is analyzed. The measures that were adopted by the military and economic management of the Office of the supply of the Red Army, on the sampling and analysis of the use of material resources in the field training of troops on the territory of Belarus are shown.

УДК 93(476): [002(091) +004] «1989-2016»

Д.А. Крывашэй

*канд. гіст. навук, дац., ст. навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі
Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*

ІНФАРМАЦЫЙНА-КАМУНІКАЦЫЙНЫЯ ТЭХНАЛОГІІ Ў СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ (1989–2016 гг.)

У артыкуле разгледжана гісторыя ўкаранення ва ўстановах культуры Беларусі інфармацыйных тэхналогій. На першым этапе (1989–1997 гг.) быў назапашаны вопыт праектавання і стварэння ўнутраных інфармацыйных сістэм. На другім этапе (1998–2002 гг.) былі рэалізаваны практычныя крокі па стварэнні галіновых інфармацыйных сістэм. На трэцім этапе (2003–2010 гг.) фарміраванне інфармацыйных рэсурсаў атрымала адзіную каардынацыю. Былі створаны першыя інтэграваныя рэсурсы. На чацвёртым этапе (з 2011 г.) асноўная ўвага звярталася на развіццё паслуг у сферы інфармацыйна-камунікцыйных тэхналогій і інтэграцыю культуры ў сусветную інфармацыйную прастору. Аднак на прычыне скарачэння фінансавання рэалізацыя праектаў праходзіла павольна. Выхад бачыцца ў выкарыстанні магчымасцей дзяржаўна-прыватнага партнёрства, фандрайзінгу і валанцёрства.

Уводзіны

Развіццё інфармацыйнага грамадства ўносіць свае карэктывы ў практыку прадстаўлення і распаўсюджвання культуры. У першую чаргу гэта звязана з асваеннем і выкарыстаннем устаноў культуры, а таксама яе дзеячамі сучасных тэхналогій. У дадзеным артыкуле мы спынімся на асноўных этапах укаранення ў практыку дзяржаўных устаноў культуры (бібліятэк, музеяў, архіваў) сродкаў аўтаматызацыі і інфарматызацыі. Акрамя гэтага, разгледзім гісторыю станаўлення інтэрнэт-праектаў, накіраваных на папулярнае беларускае грамадства. Акрэсленыя пытанні пакуль не сталі тэмай асобнага гістарычнага навуковага даследавання. Пэўныя аспекты аўтаматызацыі працы ўстаноў культуры закраналіся ў публікацыях С. Жумара [1], Л. Кірухінай [2], Н. Здасюк [3], А. Рак [4], А. Рыбакова [5], Н. Ваднёвай [6], В. Насевіча [7] і інш.

Станаўленне інфармацыйнага грамадства ў гісторыі нашай краіны звязана з пачаткам навукова-тэхнічнай рэвалюцыі. У 1961 г. сталі весціся работы па механізацыі пошуку інфармацыі ў архівах на аснове выкарыстання лічыльна-перфаратываўнай тэхнікі. БССР да канца 1960-х гг. была лідарам у архіўнай галіне СССР па пытаннях планавання і метадычнага забеспячэння механізацыі і аўтаматызацыі. У наступныя дзесяцігоддзі па розных прычынах гэтыя пазіцыі былі страчаны [1, с. 98].

Новы перыяд бярэ свой пачатак у 1989 г. і працягваецца да 1997 г. Ён звязаны з укараненнем у практыку персанальных камп'ютараў. У снежні 1989 г. быў падпісаны загад Міністра культуры БССР «Аб стварэнні Рэспубліканскай аўтаматызаванай інфармацыйнай бібліятэчнай сістэмы». У 1990 г. была распрацавана «Канцэпцыя аўтаматызацыі бібліятэчнай сістэмы Міністэрства культуры БССР». У лістападзе 1991 г. была прынята пастанова Савета Міністраў Беларусі «Аб праграме інфарматызацыі Рэспублікі Беларусь на 1991–1995 гг. і на перыяд да 2000 г.». У 1992 г. Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь зацвердзіла «Канцэпцыю стварэння інфармацыйных баз дадзеных па культуры».

Работы былі накіраваны галоўным чынам на выкарыстанне камп'ютараў для рашэння ўнутраных задач арганізацый. Бібліятэкі засяродзіліся на праблемах аўтаматызацыі ўнутрыбібліятэчных працэсаў, фарміравання і актуалізацыі бібліятэчных інфармацыйных рэсурсаў, у першую чаргу электронных каталогаў. Пачалася эксплуатацыя першых аўтаматызаваных бібліятэчна-інфармацыйных сістэм (АБІС). З-за таго, што аўтаматызацыя выконвалася ў межах праграм асобных міністэрстваў і ведамстваў, ство-

раныя АБІС маглі эксплуатавацца толькі ў лакальных сетках і не мелі агульнага фармату абмена дадзенымі. У 1997 г. вядучыя бібліятэкі краіны (Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Цэнтральная навуковая бібліятэка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Рэспубліканская навуковая медыцынская бібліятэка Беларусі) далі магчымасць сваім карыстальнікам працаваць у глабальнай камп'ютарнай сетцы Інтэрнэт. У той жа час толькі 0,9% бібліятэк сістэмы Міністэрства культуры мелі камп'ютары [2, с. 7].

Адначасова адбывалася аўтаматызацыя музеяў. У 1991 г. было створана аўтаматызаванае працоўнае месца захавальніка фондаў у Дзяржаўным гісторыка-культурным запаведніку «Заслаўе». У 1993 г. супрацоўнікі Мінскага радыётэхнічнага інстытута распрацавалі праграмы па камп'ютарызацыі фондаў Мінскага абласнога музея ў г. Маладзечна і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Большасць музеяў пры рабоце з фондамі сталі выкарыстоўваць іншую распрацоўку. Існаванне дзвюх праграм на розных платформах звяло да мінімуму планы па стварэнні зводнага каталога Музейнага фонду [3, с. 21]. З-за адсутнасці фінансавання ў 1994 г. былі спынены работы па стварэнні міжмузейнага інфармацыйнага цэнтра. Не хапала сродкаў на набыццё тэхнікі і праграм. Істотнай перашкодай на шляху аўтаматызацыі музейнай дзейнасці была адсутнасць кваліфікаваных кадраў, метадычнай і нарматыўнай дакументацыі, інэртнасць і кансерватызм работнікаў [4, с. 66].

Аўтаматызацыя ахапіла і архівы Беларусі. У 1992 г. у Беларускай навукова-даследчым інстытуце дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДЦДАС) быў створаны аддзел аўтаматызаваных архіўных тэхналогій. Вяліся працы па стварэнні архіва электронных дакументаў, і распрацоўвалася аўтаматызаваная інфармацыйная сістэма (АІС) такога архіва. У 1994–1995 гг. былі распрацаваны першыя спецыялізаваныя прыкладныя праграмы, аўтаматызаваныя інфармацыйна-пошукавыя сістэмы (АПС), базы дадзеных. У 1997 г. была прынята «Канцэпцыя аўтаматызацыі архіўнай галіны Рэспублікі Беларусь». У тым жа годзе ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь пачалася прамысловая эксплуатацыя АПС «Архіў». Сярод іншага яе вядзенне прадугледжвала стварэнне лічбавых копіяў архіўных дакументаў. Адсутнасць вопыту і распрацаванай метадыкі адбора дакументаў для алічбоўкі не дазволілі забяспечыць іх практычнае выкарыстанне ў [7, с. 195].

Істотнай перашкодай на дадзеным этапе аўтаматызацыі ўстаноў культуры была адсутнасць кваліфікаваных кадраў, метадычнай і нарматыўнай дакументацыі. Стварэнне праграмага забеспячэння вялося для канкрэтнай установы і арыентавалася на спецыфіку яе работы, што не дазваляла рэалізаваць задачу ўкаранення тыпавых інфармацыйных тэхналогій. Акрамя гэтага, распрацоўкі вяліся на базе неэфектыўных тэхналогій і станавіліся маральна састарэлымі яшчэ да вопытнай эксплуатацыі.

У 1998–2002 гг. назіраліся пэўныя дасягненні на шляху аўтаматызацыі ўстаноў культуры і пашырэнні прысутнасці беларускай культуры ў сусветнай інфармацыйна-камунікацыйнай прасторы. У 1998 г. Міністэрства культуры прыняло «Праграму аўтаматызацыі галіны культуры на 1999–2004 гг.» і «Праграму падключэння галіны культуры да сеткі Інтэрнэт». Асноўнымі напрамкамі палітыкі інфарматызацыі сталі фарміраванне інфармацыйных рэсурсаў, інтэграцыя інфраструктуры бібліятэк усіх узроўняў у адзіную бібліятэчную сетку, інфармацыйнае ўзаемадзеянне, развіццё тэлекамунікацый і арганізацыя доступу да сусветных інфармацыйных рэсурсаў шляхам падлучэння да Інтэрнэт.

Значных поспехаў ў гэты час дасягнула архіўная галіна. У 1999 г. пачаў працаваць архіў электронных дакументаў як падраздзяленне створанага ў канцы 1998 г. Беларускага навукова-даследчага цэнтра электроннай дакументацыі (БелНДЦЭД). У тым жа годзе з'явіўся першы на прасторах СІД сайт архіўнай галіны [8]. Ён размяшчаўся на серверы Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (www.president.gov.by/gos-archives/indx). 10 студзеня 2000 г. быў прыняты Закон Рэспублікі Беларусь «Аб элект-

ронным дакуменце», і архіў электронных дакументаў БелНДЦЭД здзейсніў першы прыём на дзяржаўнае захоўванне. У 2001 г. была распрацавана Канцэпцыя лічбавага кіравання дакументаў Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь. З 2002 г. у Камітэце па архівах і справаходстве пачала дзейнічаць аўтаматызаваная інфармацыйная сістэма «Фондавы каталог».

Складаней справы ішлі ў музеяў. У 2001 г. былі спынены працы па стварэнні зводнага электроннага каталога музейных прадметаў. У той час забяспечанасць музеяў камп'ютарнай тэхнікай складала 30% ад патрэбы. Пры гэтым 54% машын былі сканцэнтраваны ў 10 музеях г. Мінска. Раённыя музеі былі забяспечаны адпаведнай тэхнікай толькі на 25% [9, с. 38]. З 130 дзяржаўных музеяў у аўтаматызаваным рэжыме працавалі 32 (8 з іх – рэспубліканскага падпарадкавання). Ні адзін з музеяў не меў выхаду ў Інтэрнэт [6, с. 70].

У гэты час установы культуры пачынаюць асвойваць глабальную інфармацыйную сетку Інтэрнэт. У 1999 г. быў створаны сайт Беларускага дзяржаўнага інстытута праблем культуры (БелДПК) [10]. У верасні 2000 г. на серверы Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта з'явіўся першы Інтэрнэт-сайт Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (www.psu.unibel.by/museum) [11, с. 204]. У 2001 г. на серверы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (www.natlibr.org.by) быў размешчаны сайт па 8 музеях і 5 тэатрах. У тым жа годзе свае сайты займелі Музей Шагала (www.Chagall.vitebsk.by) і Музей воінаў-інтэрнацыяналістаў у Віцебску (www.v3.vitebsk.by/afgan) [11, с. 39].

Шырокія магчымасці Інтэрнэта для папулярызацыі беларускай культуры выкарыстоўвалі прыватныя асобы і недзяржаўныя ўстановы. Найбольшую вядомасць набыў створаны ў 2002 г. Андрэем Дыбоўскім сайт «Глобус Беларусі» (<http://globus.tut.by/>). У тым жа годзе запрацаваў віртуальны музей «Беларуская саломка» (<http://straw.iatr.by>). У яго галерэях былі сабраны працы трох пакаленняў вядучых беларускіх майстроў пачынаючы з 1960-х гг. Сайт быў створаны і меў бясплатны хостынг дзякуючы праграме пашырэння доступу і навучання ў Інтэрнэт (ІАТР) Бюро па справах адукацыі і культуры Дзярждэпартаменту ЗША. За час дзеяння згаданай праграмы быў створаны шэраг сайтаў культурнай накіраванасці. Напрыклад, сайт недзяржаўнай некамерцыйнай галерэі «NOVA» (www.nova.photoscope.org) і web-альманах Photoscope (www.photoscope.iatr.unibel.by), які стаў лаўрэатам Першага Беларускага Інтэрнэт-Фестывалу (29 верасня 2000 г.) у намінацыі «Літаратура і мастацтва» [12, с. 94].

У 2002 г. была зацверджана Дзяржаўная праграма інфарматызацыі Рэспублікі Беларусь на 2003–2005 гг. і на перспектыву да 2010 г. «Электронная Беларусь». Яна паклала пачатак *наступнаму этапу (2003–2010 гг.)* у развіцці нашага аб'екта даследавання. Асобны раздзел праграмы называўся «Садзейнічанне развіццю культуры і сродкаў масавай інфармацыі шляхам укаранення інфармацыйных камп'ютарных тэхналогій (ІКТ)». У ім было адзначана, што найбольш развітай у выкарыстанні ІКТ з'яляецца бібліятэчная галіна. Асноўнай задачай Праграмы ў сферы культуры з'яўлялася фарміраванне інфармацыйных рэсурсаў культуралагічнага профілю і прадстаўленне іх у нацыянальным сектары Інтэрнэт. У 2004 г. Міністэрства культуры зацвердзіла «Праграму інфарматызацыі аб'ектаў культуры на 2005–2010 гг.».

Па стане на 2005 г. у аўтаматызаваным рэжыме працавалі ўсе буйныя бібліятэкі краіны, а таксама 97% цэнтральных гарадскіх і раённых бібліятэк. Сукупны аб'ём электронных каталогаў складаў каля 5,5 млн запісаў. На базе НББ з удзелам буйнейшых бібліятэк рэспублікі ішла распрацоўка і стварэнне зводнага электроннага каталога бібліятэк Беларусі з сеткавым інтэрфэйсам адаленага доступу [2, с. 7].

У 2010 г. актыўнае развіццё атрымала інфармацыйна-бібліятэчнае абслугоўванне ў электронным асяроддзі. Інавацыйнай стала арганізацыя абслугоўвання на базе віртуальнай чытальнай залы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (НББ). У канцы 2010 г. яна

была даступная ў 37 бібліятэках краіны. Была ўведзена ў эксплуатацыю АІС стварэння і вядзення нацыянальных баз даных аўтарытэтных/нарматыўных запісаў. У краіне была створана аснова для фарміравання нацыянальнай сістэмы карпаратыўнай каталагізацыі і зводнага электроннага каталога [13, с. 146]. Яны былі ўведзены ў вопытную эксплуатацыю ў 2010 г.

Адным з галоўных напрамкаў укаранення інфармацыйных тэхналогій у дзейнасць музеяў у гэты перыяд быў улік і навуковая інвентарызацыя музейных прадметаў і калекцый. У 2004 г. стварэннем электроннай базы даных асноўнага фонду займаліся 38 дзяржаўных музеяў (29%). У трох абласцях (Гродзенскай, Віцебскай і Магілёўскай) было толькі па адным такім музеі. У Гомельскай вобласці да перадавых тэхналогій самастойна перайшлі Мазырскі і Калінкавіцкі краязнаўчыя музеі [14, с. 108]. З 1 ліпеня 2008 г. пры Музеі гісторыі і культуры Беларусі пачаў дзейнічаць Цэнтр Дзяржаўнага каталога Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь. З верасня 2010 г. пачалося вядзенне ў аўтаматызаваным рэжыме цэнтралізаванага ўліку музейных прадметаў музеяў Беларусі [15]. Па стане на 2010 г. у арганізацыях сістэмы Міністэрства культуры было больш за 10 тыс. камп'ютараў. Пры гэтым яны былі толькі ў палове дзеючых школ мастацтваў і трэцяй частцы бібліятэк. Больш за тысячу арганізацый мелі пастаянны выхад у Інтэрнэт [16].

Развіццё аўтаматызацыі дзяржаўных архіваў адбывалася ў адпаведнасці з зацверджанай у 2005 г. «Стратэгіяй аўтаматызацыі архіўнай галіны (2005–2010 гг.)». Мэтай аўтаматызацыі была вызначана распрацоўка і ўкараненне ў кожным архіве тыпавай аўтаматызаванай сістэмы. У 2011 г. такая сістэма была ўведзена ў прамысловую эксплуатацыю. У 2005 г. было прынята рашэнне аб стварэнні фонду лічбавых копіяў архіўных дакументаў на базе архіва электронных дакументаў БелНДЦЭД.

У 2010 г. каля 250 дзяржаўных устаноў культуры мелі ўласныя сайты [16]. У гэты перыяд пашыраецца практыка стварэння віртуальных музеяў. І першымі тут былі бібліятэкары. Напрыклад, Гомельская абласная ўніверсальная бібліятэка стварыла цэлы шэраг віртуальных музеяў пісьменнікаў. Пазней яны былі аб'яднаны ў адзін сайт – Віртуальны музей пісьменнікаў (<http://pismenniky.goub.org/>).

У 2010 г. Урад Рэспублікі Беларусь зацвердзіў «Стратэгію развіцця інфармацыйнага грамадства ў Рэспубліцы Беларусь на перыяд да 2015 г.». Прыярытэтным напрамкам было вызначана стварэнне электроннага кантэнту (Інтэрнэт-рэсурсы СМІ, бібліятэк, музеяў). Ставілася задача прыняцця спецыяльнай праграмы захавання культурна-гістарычнай спадчыны ў лічбавым фармаце. Гэты дакумент паклаў пачатак *новаму этапу (2011 г. – сённяшні дзень)*.

У 2011 г. Саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь была зацверджана Нацыянальная праграма паскоранага развіцця паслуг у сферы інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій на 2011–2015 гг. Асобным яе напрамкам з'яўлялася стварэнне і развіццё публічнай бібліятэчнай і архіўнай лічбавай службы, адаптаванай да інфармацыйнага грамадства. Згодна Дзяржаўнай праграмы «Культура Беларусі на 2011–2015 гг.» да канца 2015 г. планавалася поўная камп'ютарызацыя бібліятэк з падключэннем да сеткі Інтэрнэт і арганізацыяй электроннай пошты з улікам абнаўлення (20% у год) камп'ютарнага парку. У планах таксама было стварэнне Нацыянальнага інтэрнэт-партала «Музеі Беларусі» (2012 г.); стварэнне і забеспячэнне функцыянавання сістэмы сайтаў з інфармацыйнай аб беларускай культуры (2012–2013 гг.) і вэб-партала для падтрымкі культурнай дзейнасці беларускай дыяспары за мяжой (2013–2014 гг.). На 2011–2015 гг. планавалася стварэнне зводнага электроннага інфармацыйнага рэсурсу нацыянальнай бібліяграфіі Беларусі; зводнага электроннага каталога бібліятэк Беларусі, перыядычных выданняў, спецыяльных відаў дакументаў; распрацоўка праграмага забеспячэння для стварэння інтэрнэт-сайтаў бібліятэк рэспублікі і інтэграцыя з інтэрнэт-парталам НББ; ства-

рэнне электронных бібліятэк «Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар» і «Radziviliana»; карпаратыўнай службы электроннай дастаўкі дакументаў на базе НББ [16].

Як паказаў час, з-за недастатковага фінансавання Дзяржаўнай праграмы большасць з пералічаных мерапрыемстваў так і не была рэалізавана. Зводны электронны каталог ахапіў толькі чатыры бібліятэкі замест усіх рэспубліканскіх і абласных. На пачатак 2015 г. было камп'ютарызавана 76% усіх публічных бібліятэк краіны (у 2010 г. – 43%). У 2015 г. машынны парк бібліятэк у 2,7 разоў адставаў ад запланаваных паказчыкаў. Да Інтэрнэту было падключана 62% публічных бібліятэк (18% недавыканання мэтавых паказчыкаў). Электронную пошту мелі 60% бібліятэк (20% недавыканання). Пры гэтым амаль палова наяўнага камп'ютарнага парку мела патрэбу ў мадэрнізацыі. На 1 тыс. жыхароў у сярэднім па краіне прыпадала 0,7 камп'ютара, што не адпавядала міжнародным стандартам у сферы інфарматызацыі (не менш за 1 аўтаматызаванае працоўнае месца на 1 тыс. жыхароў) [17, с. 10]. У выніку бібліятэкі, якія ў пачатку стагоддзя былі найбольш развітымі ў выкарыстанні інфармацыйных камп'ютарных тэхналогій, мелі невысокі ўзровень інфарматызацыі.

У Дзяржаўнай праграме «Культура Беларусі на 2016–2020 гг.» як актуальная праблема адзначаны невысокі ўзровень інфарматызацыі бібліятэк. А перспектыўнымі доўгатэрміновымі праектамі называюцца стварэнне Нацыянальнай электроннай бібліятэкі Беларусі, карпаратыўнай службы электроннай дастаўкі дакументаў на базе НББ, выкарыстанне ў дзейнасці бібліятэк воблачных тэхналогій [16].

Павольна ўкараняліся інфармацыйна-камунікацыйныя тэхналогіі ў музеях. У 2011 г. на базе Кармянскага раённага мемарыяльнага музея імя П. Лепяшынскага быў адкрыты першы ў краіне Цэнтр інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій. На пачатак 2015 г. у электронныя базы даных музеяў былі ўнесены 1 861 390 адзінак асноўнага фонду краіны (59%). За 2014 г. прырост склаў 32%. У Дзяржаўны каталог Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь пры гэтым былі ўнесены 148 215 адзінак захоўвання, што складала 4,7% ад колькасці музейных прадметаў асноўнага фонду [18, с. 167]. На 18 красавіка 2016 г. у Дзяржаўным каталогу Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь знаходзіўся 156 661 музейны прадмет [19].

На пачатак 2014 г. з 206 музейных устаноў краіны электронную пошту мелі 89 (43,2%), а інтэрнэт-сайты – 46 (22,3%). У некаторых абласцях сайты былі створаны толькі для 1–2 музеяў [20, с. 29]. Па нашых падліках, сярод 19 музеяў Брэсцкай вобласці сістэмы Міністэрства культуры на красавік 2016 г. уласныя сайты мелі 9.

Першым крокам да размяшчэння ў Інтэрнэце навукова-даведачнага апарату да архіўных дакументаў стаў адкрыты ў 2012 г. анлайн-доступ да тэставай версіі Дзяржаўнага фондавага каталога Нацыянальнага архіўнага фонду Беларусі. У тым жа годзе пачалася рэалізацыя праекта па стварэнні сістэмы адкрытага доступу да дакументаў Нацыянальнага архіўнага фонду. Яе вынікам стала стварэнне Інтэрнэт-партала, на якім прадстаўлена шматузроўневая сістэма апісання архіўных аб'ектаў (фондаў, вопісаў, спраў, дакументаў) у адпаведнасці з міжнародным стандартам архіўнага апісання ISAD(G). У 2016 г. планавалася пачаць яго прамысловую эксплуатацыю.

Пэўную канкурэнцыю ў развіцці інфармацыйных тэхналогій дзяржаўным установам культуры стваралі недзяржаўныя ўстановы і арганізацыі, а таксама фізічныя асобы. Сярод праектаў апошніх гадоў можна назваць Беларускаю лічбавую бібліятэку (libraru.by), партал «Культура Беларусі» (belcult.by), сайты «Другая культура Беларусі» (<http://another.by/>), «Нематэрыяльная спадчына Беларусі» (<http://medievalbelarus.org/>) і інш.

Дзякуючы энтузіястам ствараюцца праекты віртуальнай рэканструкцыі гістарычных помнікаў і распрацоўваюцца базы даных. Вядомасць атрымаў праект «Музеі Беларусі разам з БЕЛКАРТ» (<http://museums.by/>). З 2014 г. пачынаецца гісторыя партала art-

belarus.by, створанага Белгазпрамбанкам. Прыватныя асобы – фатографы Павел Санько і Канстанцін Зобнін – па сваёй ініцыятыве ў 2012 г. стварылі віртуальныя туры па Доме-музеі Адама Міцкевіча, Музеі яўрэйскага супраціву і Краязнаўчым музеі ў Навагрудку. Апошні тур суправаджаўся аўдыёгідам на беларускай мове [21]. Дзякуючы энтузіязму кіраўніка інтэрнэт-выдання «Бізнес-каталог Пінска» Аляксея Кітаева і фатографа Уладзіміра Пучынскага ў пачатку 2016 г. была створана віртуальная экскурсія па музеі Беларускага Палесся (<https://pinsk.eu/panogamas/7/>).

У 2010 г. пачалося супрацоўніцтва Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў (БДАКФФД) з УП «Надзеіныя праграмы» (беларускі партал TUT.BY). Вынікам стала рэалізацыя сумесных праектаў «Гэты мы», «Як гэта было» і «Сусветнае фота». На партале, а таксама на сайце «Архівы Беларусі» размяшчаліся пераведзеныя ў лічбавы фармат рэдкія фота і відэаматэрыялы з фондаў архіва. Гэтае супрацоўніцтва прывяло да росту колькасці карыстальнікаў БДАКФФД [22].

Заклучэнне

У развіцці працэсаў па пашырэнні прысутнасці культуры Беларусі ў інфармацыйна-камунікацыйнай прасторы выдзяляюцца некалькі перыядаў. З 1989 да 1997 г. у сферы культуры краіны працягваўся першы перыяд інфарматызацыі. Работы былі накіраваны галоўным чынам на выкарыстанне камп'ютараў для рашэння ўнутраных задач арганізацый. Быў назапашаны вопыт праектавання і стварэння інфармацыйных сістэм. Пры гэтым адсутнічала ўзгодненасць у распрацоўцы праграмных прадуктаў.

У перыяд 1998–2002 гг. былі здзейснены першыя практычныя крокі па стварэнні галіновых аўтаматызаваных сістэм, забеспячэнні абмену інфармацыяй з дапамогай Інтэрнэту. У сусветнай сетцы з'явіліся першыя старонкі і паўнаўартасныя сайты дзяржаўных устаноў культуры. Пачаў працу архіў электронных дакументаў.

Істотныя змены адбыліся ў перыяд рэалізацыі дзяржаўнай праграмы «Электронная Беларусь» (2003–2010 гг.). Прыярытэтнымі накірункамі сталі каардынацыя ў фарміраванні інфармацыйных рэсурсаў і інтэграцыя інфраструктуры бібліятэк усіх узроўняў у адзіную бібліятэчную сетку. У прамысловую эксплуатацыю быў уведзены Дзяржаўны каталог Дзяржаўнага музейнага фонду Беларусі. Пачаў дзейнічаць фонд лічбавых копій архіўных дакументаў.

З 2011 г. галоўная ўвага стала надавацца развіццю паслуг у сферы інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій і інтэграцыі культуры краіны ў сусветную інфармацыйную прастору. Аднак для сферы культуры гэты перыяд найперш стаў часам няздзейсненых планаў. У выніку бібліятэкі, якія ў пачатку стагоддзя былі найбольш развітымі ў выкарыстанні інфармацыйных камп'ютарных тэхналогій, мелі невысокі ўзровень інфарматызацыі. Праца па прадстаўленні ў Інтэрнэце беларускай культуры так і не атрымала сістэмнага фінансавання. Відавочным стала неабходнасць выкарыстання магчымасцей дзяржаўна-прыватнага супрацоўніцтва, фандрайзінгу і валанцёрства ў вырашэнні задач інфарматызацыі культуры.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Жумарь, С. Проблема автоматизации государственных архивов Беларуси в 1960–1980 годах / С. Жумарь // Арх. і справаводства. – 2005. – № 4. – С. 98–102.
2. Кірухіна, Л. Бібліятэкі Беларусі: стан і перспектывы развіцця / Л. Кірухіна // Бібліятэчны свет. – 2005. – № 4. – С. 4–8.
3. Здасюк, Н. М. Інфармацыйна-захавальніцкія рэсурсы музеяў Рэспублікі Беларусь у 90-я гг. XX ст. / Н. М. Здасюк // Весн. БДУ. Сер. 3. – 2006. – № 2. – С. 20–23.

4. Рак, А. Аўтаматызаваныя інфармацыйныя сістэмы ў музеях Беларусі / А. Рак // Музеі і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы : матэрыялы міжнар. канф., Мінск – Полацк, 8–11 крас. 2002 г. / уклад.: А. Б. Сташкевіч, Т. А. Джуматаева. – [Б. м.], 2002. – С. 66–68.

5. Рыбаков, А. Е. Аналітычны обзор развіцця архіўнага дела в Рэспубліке Беларусь в 1999–2010 гг. [Электронны рэсурс] / А. Е. Рыбаков // Федеральное архивное агентство. – Режим доступа: <http://archives.ru/documents/methodics/review-archival-delo-sng/belarus.shtml>. – Дата доступа: 26.04.2016.

6. Ваднёва, Н. Інфарматызацыя культурных рэсурсаў (музеі, бібліятэкі, архівы) – пути развіцця / Н. Ваднёва // Музеі і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы : матэрыялы міжнар. канф., Мінск – Полацк, 8–11 крас. 2002 г. / уклад.: А. Б. Сташкевіч, Т. А. Джуматаева. – [Б. м.], 2002. – С. 68–77.

7. Носевіч, В. Л. Інфармацыйныя тэхналогіі в архіўнай службе Беларусі / В. Л. Носевіч // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ–2012) : докл. XI междунар. конф., Минск, 15 нояб. 2012 г. – Минск : ОИПИ НАН Беларусі, 2012. – С. 194–197.

8. Беларускі навукова-даследчы цэнтр электроннай дакументацыі. Архіў электронных дакументаў (Архіў ЭД БелНДЦЭД). – Ф. 1. Воп. 1. ЭД. 1. Web-сайт «Архівы Беларусі». Версія 1.0.

9. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд (2001) / М-ва культуры Рэсп. Беларусь ; Беларус. дзярж. ін-т праблем культуры ; рэд. У. П. Скараходаў. – Мінск : БелДПК, 2002. – 72 с.

10. Архіў ЭД БелНДЦЭД. – Ф. 4. Воп. 2. ЭД. 1. Web-сайт Беларускага інстытута праблем культуры за 1998–2000 гг.

11. Джумантаева, Т. А. К вопросу об освоении Интернета музеями Полоцка / Т. А. Джумантаева // Музеі і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы : матэрыялы міжнар. канф., Мінск – Полацк, 8–11 крас. 2002 г. / уклад.: А. Б. Сташкевіч, Т. А. Джуматаева. – [Б. м.], 2002. – С. 204–205.

12. Рэут, І. Перспектывы развіцця экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці. Новыя формы інфармацыйных рэсурсаў / І. Рэут // Музеі і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы : матэрыялы міжнар. канф., Мінск – Полацк, 8–11 крас. 2002 г. / уклад.: А. Б. Сташкевіч, Т. А. Джуматаева. – [Б. м.], 2002. – С. 92–95.

13. Латушка, П. П. Культура – стратэгічны рэсурс дзяржавы / П. П. Латушка // Проблемы управления. Сер. В (филос. науки, юрид. науки, полит. науки). – 2011. – № 1. – С. 142–150.

14. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд, 2004. / Беларус. дзярж. ін-т праблем культуры ; рэд. У. П. Скараходаў. – Мінск : БелДПК, 2005. – 352 с.

15. Пра нас [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Дзяржаўнага каталога Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступа: <http://dkmf.by/about/view.html>. – Дата доступа: 16.04.2016.

16. Дзяржаўная праграма «Культура Беларусі» на 2011–2015 гг. : зацв. пастановай Савета Міністраў Рэсп. Беларусь, 26 снеж. 2010 г., № 1905 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011 г. – № 11, 5/33091.

17. Долгополова, Е. Роль государственных программ Республики Беларусь в развитии доступа к информации через библиотечную сеть / Е. Долгополова // Бібліятэчны свет. – 2015. – № 5. – С. 8–10.

18. Беларуская культура – 2014: стан, тэндэнцыі і перспектывы развіцця / М-ва культуры Рэспублікі Беларусь ; ДУА «Інстытут культуры Беларусі» ; уклад.: А. Р. Гуляева, І. Б. Лапцёнак ; рэдкал.: Б. У. Святлоў (старш.) [і інш.]. – Мінск : Інбелкульт, 2015. – 420 с.

19. Колькасць прадметаў, зарэгістраваных у Дзяржаўным каталогу Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь на 18 красавіка 2016 г. [Электронны рэсурс] // Дзяржаўны каталог Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступу: http://dkmf.by/news/view-230.html?day_post=0&month_post=0&year_post=0. – Дата доступу: 18.04.2016.

20. Беларуская культура сёння: гадавы агляд, 2013 / М-ва культуры Рэсп. Беларусь ; ДУА «Ін-т культуры Беларусі» ; укл.: К. І. Рэмішэўскі, А. А. Галкін ; рэдкал.: Б. У. Святлоў (старш.) [і інш.]. – Мінск : Інбелкульт, 2014. – 238 с.

21. Костюкевич, Н. Виртуальные экскурсии по Беларуси: то ли ещё будет [Электронный ресурс] / Н. Костюкевич. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/309009.html>. – Дата доступа: 16.04.2016.

22. Баландин, В. БДАКФФД и TUT.BY: опыт плодотворного сотрудничества / В. Баландин, Е. Полещук // Арх. і прававодства. – 2012. – № 2. – С. 93–96.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.05.2016

Kryvashei D.A. Information and Communication Technologies in the Sphere of Culture of the Republic of Belarus (1989–2016)

The article discusses the history of implementation information technologies in the institutions of culture of Belarus. At the first stage (1989–1997) the experience of designing and creating internal information systems was accumulated. At the second stage (1998–2002) practical steps on creation of branch information systems were implemented. At the third stage (2003–2010) the development of information resources received a single coordination. The first integrated resources were created. At the fourth stage (since 2011) the main attention has focused on the development of services in the field of information and communication technologies and the integration of culture in the global information space. However, the projects implementation has been slow due to funding cuts. The solution is to use the opportunities of public-private partnerships, fundraising and voluntary work.

УДК 930 (476) (1921–1939)

Л.В. Лаўрэнка

*аспірантка каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна*

ДАСЛЕДАВАННЕ ПРАМЫСЛОВАЙ, РАМЕСНАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ І ГАНДЛЮ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921–1939 гг. У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

У артыкуле разглядаюцца падыходы ў айчыннай гістарыяграфіі да вывучэння прамысловай, рамеснай вытворчасці і гандлю ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Зроблены аналіз і абагульненне асноўных прац, прысвечаных даследуемай праблематыцы. Адзначаецца гістарыяграфічная важнасць прац айчынных аўтараў, і робіцца выснова аб недастатковым даследаванні эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. У навуковы ўжытак уведзены новыя матэрыялы, якія з'явіліся ў выніку апрацоўкі асобных фондаў Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск), аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ імя Я. Коласа НАН Рэспублікі Беларусь (г. Мінск), Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага, Пінскага музея Беларускага Палесся.

Уводзіны

Эканамічная гісторыя з'яўляецца адной з асноўных крыніц фактычнага і метадалагічнага забеспячэння ўсіх раздзелаў эканамічнай навукі. Яна дае магчымасць уявіць карціну гістарычнага руху ад мінулага да сённяшняга часу, без чаго немагчыма ўбачыць доўгатэрміновыя тэндэнцыі эканамічнага развіцця.

Даследаванне сацыяльна-эканамічнага развіцця заходнебеларускіх зямель патрабуе аб'ектыўнага навуковага вывучэння і асэнсавання сучаснымі айчыннымі навукоўцамі. На нашу думку, без гісторыі эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. немагчыма скласці поўную карціну развіцця заходнебеларускіх зямель у перыяд іх уваходжання ў склад Польскай дзяржавы. На сённяшні момант найбольш поўна даследаваны толькі праблемы сельскай гаспадаркі і нацыянальна-культурнага жыцця Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. У сувязі з гэтым вывучэнне прамысловай і рамеснай вытворчасці, гандлю як састаўных частак эканамічнага развіцця заходнебеларускіх земляў з'яўляецца актуальным для сучаснай гістарычнай навукі.

Улічваючы слабую распрацаванасць праблемы развіцця прамысловасці, рамяства і гандлю заходнебеларускіх зямель ў 1921–1939 гг., пастаўлена наступная мэта – вывучэнне праблемы развіцця прамысловасці, рамяства і гандлю Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. у айчыннай гістарыяграфіі. Для дасягнення пастаўленай мэты былі вылучаны наступныя задачы: 1) даць агульную характарыстыку праблеме сацыяльна-эканамічнага развіцця заходнебеларускіх зямель у 20–30-я гг. XX ст.; 2) прааналізаваць асноўныя працы па даследуемай тэматыцы; 3) раскрыць ступень даследавання праблемы развіцця прамысловасці, рамяства і гандлю Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. ў сучасных айчынных гістарычных даследаваннях.

Даследаванне прамысловай, рамеснай вытворчасці і гандлю Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у айчыннай гістарыяграфіі

Вывучэнне агульнага эканамічнага становішча заходнебеларускіх зямель пачалося яшчэ ў даваенныя дзесяцігоддзі. Камісія АН БССР па вывучэнні Заходняй Беларусі і Заходні сектар Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б рабілі акцэнт на вывучэнні сацыяльна-палітычнага становішча заходнебеларускіх зямель у складзе Польшчы, а эканамічнае развіццё разглядалася ў кантэксце сацыяльна-палітычных працэсаў.

Навуковы кіраўнік – А.М. Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Сярод прац, у якіх фрагментарна закраналіся пытанні і прысутнічаў аналіз агульнага эканамічнага развіцця заходнебеларускага краю, неабходна адзначыць працы А. Беразоўскага, П. Гарбацэвіча, Г. Ягорава, М. Лучаніна, А. Сталевіча, Л. Родзевіча, Л. Якаўлева, А. Гака, Ф. Кона, У. Мінаева, Р. Мінскага, Г. Аляксандрава, М. Ціхамірава, А. Іванова, Л. Мануйлава [1–14]. У гэтых даследаваннях Заходняя Беларусь прадстаўлялася аграрна-сыравінным прыдаткам Польшчы, нацыянальныя багацці якой эксплуатаваліся, а самі тэрыторыі і іх насельніцтва знаходзілася ў складаных умовах для існавання. На думку гэтых аўтараў, польскія ўлады свядома праводзілі эканамічную палітыку, нацэленую на пераапрацоўку мясцовай сыравіны і экспарт яе за мяжу. Прызнаваўся аграрны характар эканамічнага развіцця заходнебеларускіх зямель.

Сярод айчынных даследаванняў, якія адлюстроўваюць асобныя аспекты тэмы, неабходна адзначыць працы В. Фрышмана і Я. Шнейдэра [15; 16], у якіх на аснове польскіх статыстычных крыніц, справаздач прамыслова-гандлёвай палаты і перыядычнага друку дадзена агульная характарыстыка прамысловай вытворчасці Заходняй Беларусі. Праца В. Фрышмана «Прамысловасць Заходняй Беларусі» з’яўляецца апісаннем прамысловасці Заходняй Беларусі па галінах: статыстыка прадпрыемстваў, удзельная вага асобнай галіны ў прамысловым развіцці ўсёй Польшчы, статыстычнае параўнанне з даваенным перыядам, аб’ёмы вытворчасці і прадукцыі, некаторыя звесткі пра становішча працоўных і іх статыстыка. Аўтарам былі лепш даследаваны дзве найбольш развітыя на заходнебеларускіх землях галіны прамысловасці – дрэваапрацоўчая і тэкстыльная. Аднак у працы найбольш поўна апісаны толькі перыяд з 1929 па 1932 гг. па прычыне адсутнасці справаздач Віленскай гандлёва-прамысловай палаты за іншыя гады і недаступнасці іншых крыніц.

Я. Шнейдэр у сваёй кнізе «Нарыс размяшчэння прамысловасці Заходняй Беларусі» даў характарыстыку асноўным галінам прамысловасці Заходняй Беларусі. Спецыфікай дадзенай працы з’яўляецца тое, што на аснове дадзеных афіцыйнай польскай статыстыкі Я. Шнейдэр зрабіў дыферэнцыяцыю і апісаў заходнебеларускую прамысловасць па прамысловых цэнтрах і акругах. Так, аўтарам прамысловасць Заходняй Беларусі была раздзелена наступным чынам: 1) прамысловыя акругі – буйны прамысловы горад і шэраг прамысловых мястэчкаў і вёсак вакол яго, якія разам з горадам складалі адно цэлае, дзе пераважала адна галіна прамысловасці (Беластоцкі, Віленскі, Белавежскі) ці прамысловы цэнтр, дзе вядучая галіна прамысловасці сканцэнтравана ў самым горадзе (Гродна, Ліда, Пінск і да т.п.); 2) прамысловыя «гнёзды» з больш ці менш буйнымі прадпрыемствамі (Падрось, Нёман, Івацэвічы і інш.); 3) прамысловасць, злучаная з сельскай гаспадаркай у найбольш развітых маёнтках Заходняй Беларусі. Заводы і фабрыкі ў дадзеных маёнтках (млыны, піваварныя заводы і бровары) перапрацоўвалі сельскагаспадарчыя прадукты ці працавалі на мясцовай сыравіне (цагельні, лесапілкі). Некаторыя маёнткі мелі па некалькі прамысловых прадпрыемстваў. Да найбольш значных прамысловых цэнтраў Заходняй Беларусі аўтар адносіў Беласток, Вільню, Гайнаўку, Гародню, Пінск і Ліду [16, с. 16–17].

У 1940-я гады працы па гісторыі Заходняй Беларусі І.Ф. Лочмеля, Н.М. Нікольскага, Ц. Гарбунова, І. Гальштэйна, А. Абрамава, К. Венскага [17–20], якія змяшчалі асобныя звесткі па эканамічным развіцці заходнебеларускіх зямель, мелі ідэалагічны, прапагандысцкі характар і былі накіраваны на пашырэнне ў працоўных ідэі аб пазітыўным характары ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР.

Розныя аспекты эканамічнай гісторыі заходнебеларускіх зямель разглядаліся У.А. Палуянам, А.М. Мацко, П.З. Савачкіным [21; 22] і інш. А.М. Мацко ў сваёй працы становішча заходнебеларускай эканомікі разглядаў даволі фрагментарна, а менавіта ў русле барацьбы працоўных за свае правы. Залежнасць польскай эканомікі ад замежнага капітала высвятлялася ў працы П.З. Савачкіна. Аўтар рабіў акцэнт на тым, што ўся

польская эканоміка была пабудавана на замежным капітале. У даследаваннях А.А. Сарокіна, Б.Я. Кухарава [23; 24] аналізавалася эксплуатацыйная эканамічная палітыка польскіх улад адносна заходнебеларускага сялянства.

У 70-я гг. XX ст. у калектыўных выданнях па гісторыі Беларусі, акрамя пытанняў барацьбы за сацыяльнае вызваленне і ўз'яднанне з БССР, увага надавалася і даследаванню сацыяльна-эканамічнага становішча заходнебеларускіх зямель [25–27]. У гэты перыяд з'яўляюцца першыя калектыўныя працы па эканамічнай гісторыі Беларусі [28; 29], сутнасць якіх зводзілася ў большай ступені да параўнання эканомік Заходняй Беларусі і БССР. У дадзеных працах эканамічная гісторыя Заходняй Беларусі асвятлялася толькі ў аглядавым плане.

Адной з найбольш грунтоўных прац па даследуемай тэматыцы была дысертацыя С.І. Наркевіч [30], у якой аўтар разглядала стан прамысловасці Заходняй Беларусі ў перыяд яе знаходжання ў складзе Польшчы. Важнае месца ў дысертацыі адводзілася вывучэнню ўплыву замежнага капіталу і буйнага землеўладання на прамысловае развіццё заходнебеларускага краю. У працы назіраюцца характэрныя для савецкай гістарычнай навукі класавыя і партыйныя прырытэты. Аўтар неаднаразова акцэнтавала ўвагу на тым, што палітыка польскіх улад была накіравана на стварэнне неспрыяльных умоў для развіцця заходнебеларускай прамысловасці, а сама Заходняя Беларусь з'яўлялася выгядным рынкам збыту польскіх тавараў.

У 1975 г. ў сектары эканамічнай гісторыі Інстытута эканомікі АН БССР пад рэдакцыяй В.І. Дрыца выйшла праца «Развіццё эканомікі Беларусі ў 1928–1941 гады» [29]. У кнізе адносна поўна прадстаўлена развіццё асноўных галін эканомікі Савецкай Беларусі – прамысловасці, сельскай гаспадаркі, транспарту і гандлю, а таксама фінансава-крэдытных адносін, пытанне гандлёвых адносін на заходнебеларускіх землях аўтарамі не было ўзята да ўвагі. Усе звесткі пра заходнебеларускі гандаль зведзены да згадвання, што далучэнне Заходняй Беларусі прывяло да росту ў 1939–1940-х гг. гандлёвага абароту.

Пачынаючы з 1990-х гг. у айчынай гістарычнай навуцы назіраюцца змены ў метадалогіі даследавання гісторыі Заходняй Беларусі, з'яўляюцца новыя тэматычныя напрамкі, у навуковы абарот уведзены новыя, недаступныя раней дакументы і матэрыялы. Выходзіць шэраг калектыўных прац, якія разглядаюць гісторыю Заходняй Беларусі 20–30-х гг. XX ст. Так, у 2 частцы «Нарысаў Беларусі» [31] эканамічнае становішча заходнебеларускага краю разглядаецца даволі павярхоўна. Паказваецца, што эканамічная палітыка польскіх улад была скіравана на тое, каб пакінуць заходнебеларускія землі ў становішчы аграрна-сыравіннага прыдатку больш развітых раёнаў карэннай Польшчы. Акрамя гэтага, У.А. Палуян робіць выснову, што эканоміка Заходняй Беларусі насіла рысы, характэрныя для адсталых напэўкаланіяльных краін. У 2 частцы «Гісторыі Беларусі» [32] пад рэдакцыяй Я.К. Новіка і Г.С. Марцуля сацыяльна-эканамічнае становішча заходнебеларускага краю асветлена тэзісна.

У 1991 г. выйшла кніга І.В. Палуяна «Заходняя Беларусь у перыяд эканамічнага крызісу. 1929–1933 гг.» [33], у якой на аснове шырокага кола крыніц даследаваўся стан толькі дзвюх галін эканомікі – прамысловасці і сельскай гаспадаркі ў гады сусветнага эканамічнага крызісу. Асноўная ўвага ў даследаванні надаецца становішчу рабочых і сялян, а таксама іх барацьбе за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне, дзейнасці КПЗБ і нацыянал-дэмакратычным арганізацыям беларускага народу. У вучэбным дапаможніку пад рэдакцыяй В.І. Галубовіча [34] у агульным плане разглядаецца прамысловае развіццё, сельская гаспадарка і матэрыяльнае становішча насельніцтва заходнебеларускіх зямель у 1921–1939 гады.

Асобныя аспекты гандлёвых адносін на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 20–30-я гг. XX ст. разглядаліся ў шэрагу артыкулаў В.У Шапяцюка, В.А. Лабачэўскай,

В. Церабунь [35–38] і інш. В.У. Шапяцюк на аснове архіўных крыніц паспрабаваў выявіць спецыфіку яўрэйскага гандлю і вызначыў асноўныя тэндэнцыі ў яго развіцці. Яўрэйскі гандаль быў пераважна дробнатаварны і меў прыватнаўласніцкі характар. Аўтарам таксама разгледзена праблема ўдзелу яўрэйскага насельніцтва ў прамысловым развіцці заходнебеларускага краю. В.А. Лабачэўская разглядала Палескія кірмашы як фактар этнакультурнага развіцця беларусаў у 20–30-х гг. XX ст. Г.В. Церабунь у сваім артыкуле апісвала арганізацыю і правядзенне ўсіх 4-х Палескіх кірмашоў.

У манаграфіі В.А. Лабачэўскай «Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі» [40] на аснове шматлікіх польскіх крыніц і архіўных матэрыялаў даецца характарыстыка агульнага стану заходнебеларускіх народных промыслаў і рамёстваў. Аўтар паказвае, што народныя майстры атрымлівалі падтрымку ад мясцовых улад, якія разглядалі розныя праявы народнага мастацтва не толькі як рэгіянальныя, але і як агульнапольскія каштоўнасці. Папулярызацияй беларускіх народных промыслаў займаліся Таварыствы дапамогі народным промыслам, якія ўдзельнічалі ў вырашэнні таксама і гандлёвых спраў па наладжванні збыту вырабаў народных майстроў. У даследаванні змяшчаюцца звесткі аб Віленскім, Навагрудскім і Брэсцкім базарах народных промыслаў, асартыменце рэалізуемага тавару і прыводзяцца сумы гандлёвых абаротаў. Асобныя звесткі аб рамястве і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях змяшчаюцца ў артыкуле Г. Каспяровіч і В. Каспяровіч [41].

Я.А. Броўкін у артыкуле «Эканоміка Польшчы ў 1921–1939 гг.» [42] разглядаў пытанні развіцця сельскай гаспадаркі, прамысловасці, удзелу Польшчы ў знешнім гандлі, інвестыцыйнай палітыкі польскіх кіруючых колаў. Аўтар адзначае, што Польшча вызначалася рознымі ўзроўнямі эканамічнага развіцця асобных рэгіёнаў, сярод якіх найбольш адсталымі былі «ўсходнія крэсы». Эканамічная палітыка Польскай дзяржавы на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. знайшла адлюстраванне ў артыкулах І.І. Коўкеля, М.Б. Сямёнчыка [43; 44].

М.Б. Сямёнчык у сваім дысертацыйным даследаванні ажыццявіў аналіз стану прамысловасці Заходняй Беларусі і ўплыву на яе развіццё эканамічнай палітыкі Польшчы. У якасці асаблівасцей заходнебеларускай прамысловасці аўтар вылучае наступныя: залежнасць ад знешніх рынкаў і агульнапольскіх сіндыкатаў; перавага ў агульным аб'ёме прадукцыі дробных прадпрыемстваў; значнае пераўзыходжанне прадукцыі сельскай гаспадаркі над прамысловай; арыентацыя на пераапрацоўку мясцовай сыравіны і інш. [45].

У апошнія гады айчынныя даследчыкі пачынаюць звяртацца да праблемы вывучэння гісторыі і культуры яўрэяў Беларусі. На гэтым этапе з'яўляюцца працы, у якіх прадметам даследавання быў удзел яўрэйскага насельніцтва ў сацыяльна-эканамічным жыцці заходнебеларускага краю. Жыццю і дзейнасці яўрэяў у асобных мястэчках прысвечаны артыкулы С. Піваварчыка, Э. Корзуна, В. Сліўкіна [46–48]. Таксама неабходна выдзеліць працу вядомага беларускага даследчыка Э.Р. Ёфэ [49], які зрабіў спробу аналізу гісторыі яўрэйскага насельніцтва з XIV да XX ст. Гэтая праца прадстаўляе вялікую значнасць, бо змяшчае не толькі статыстычныя дадзеныя пра колькасць яўрэяў, якія пражывалі ў гарадах і мястэчках Заходняй Беларусі ў 20–30 гг. XX ст., але і звесткі пра іх асноўныя заняткі. Асобныя звесткі аб удзеле яўрэяў у эканамічным развіцці заходнебеларускіх зямель можна сустрэць у працах Я. Разенבלата і І. Яленскай [50].

Сацыяльна-эканамічнае развіццё асобных мясцовасцей разглядалі ў сваіх артыкулах У. Здановіч, К. Лазіцкая, С. Токць, Ю.Н. Іваноў, Т.М. Тахіян [51–55]. Адметнасцю дадзеных артыкулаў з'яўляецца тое, што аўтары пры вывучэнні дадзенай праблематыкі выкарыстоўвалі новыя метадалагічныя падыходы, таксама была пашырана крыніцаназнаўчая база.

Эканамічную думку заходнебеларускага краю ў даследуемы перыяд адлюстроўвае калектыўная праца В.М. Бусько, Б.С. Вайцяншэнка, С.І. Якімчанка [56]. У ёй аўтары

звяртаюць увагу на развіццё кааперацыі Заходняй Беларусі. Зроблена выснова аб тым, што распрацоўка мерапрыемстваў, па павышэнні ўзроўню вытворчых сіл вялася насуперак адсутнасці дзяржаўнай падтрымкі.

На сучасным этапе у асноўных калектыўных выданнях па гісторыі Беларусі, а таксама ў зборніках канферэнцый, прысвечаных вывучэнню сацыяльна-эканамічнага становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польскай дзяржавы знайшлі адлюстраванне новыя канцэптуальныя падыходы і раней неапублікаваныя крыніцы. А. Вабішчэвіч, У. Палуян у 5-м томе 6-томнай «Гісторыі Беларусі» [57] пад рэдакцыяй М.П. Касцюка на аснове шырокага кола разнастайных крыніц прааналізавалі эканамічнае жыццё заходнебеларускага краю ва ўмовах паланізацыі. Дадзена характарыстыка не толькі прамысловасці і сельскай гаспадарцы, але і рамеснай вытворчасці, транспарту, падаткаабкладанню, становішчу гарадскіх рабочых і рамеснікаў. У асобным параграфі аўтарамі разглядаліся ўмовы жыцця сялян і сельскагаспадарчых рабочых. Менавіта там утрымліваюцца фрагментарныя звесткі аб гандлёвых адносінах на заходнебеларускіх землях.

М.Б. Несцяровіч у сваім артыкуле «Характар заходнебеларускай эканомікі ў 1921–1939 гадах» [58] сацыяльна-эканамічнае становішча заходнебеларускіх зямель разглядае даволі тэзісна.

Г.С. Вайцешчык у асобным раздзеле сваёй кандыдацкай дысертацыі разглядала асноўныя формы ўнутранага гандлю заходнебеларускіх мястэчак. Аўтар адзначала, што гэтыя паселішчы Заходняй Беларусі былі цэнтрамі ўнутранага гандлю і забяспечвалі штодзённыя патрэбы насельніцтва мястэчка і вёскі. Унутраны гандаль у заходнебеларускіх мястэчках у 1921–1939 гг. ажыццяўляўся ў кірмашовай, базарнай, разносна-развознай і стацыянарнай формах [59]. У сваім артыкуле «Роля яўрэйў у эканамічным развіцці мястэчак Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гадах» [60] Г.С. Вайцешчык дае ацэнку той ролі, якую ігралі яўрэі ў прамысловасці, рамястве і гандлі. Аўтар робіць выснову, што яўрэйскія купцы, рамеснікі і прамысловыя прадпрыемальнікі манапалізавалі асноўныя галіны эканомікі заходнебеларускіх зямель у 1921–1939 гг. Аўтар таксама аналізуе сацыяльна-эканамічнае развіццё мястэчак Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг., вызначае іх месца ў сістэме населеных пунктаў Віленшчыны, а таксама асноўныя кірункі і формы развіцця местачковай прамысловасці, сельскай гаспадаркі і гандлю [61].

У 2012 г. выйшла калектыўная праца «Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання» [62], у якой упершыню на велізарным дакументальным матэрыяле са шматлікіх замежных і айчынных архіваў даследуецца гісторыя г. Пінска ад старажытнага часу да сучаснасці. У кнізе даецца ацэнка гаспадарча-эканамічнага стану горада ў 20–30-я гг. XX ст. Гандалёвыя адносіны на тэрыторыі г. Пінска аўтарамі разглядаюцца ў якасці састаўной часткі паўсядзённага жыцця гараджан.

Заклучэнне

1. На працягу дзесяцігоддзяў заходнебеларуская праблематыка 20–30-х гг. XX ст. з'яўлялася аб'ектам даследаванняў у айчыннай гістарычнай навуцы, але прадметам вывучэння былі ў асноўным розныя бакі грамадска-палітычнага жыцця Заходняй Беларусі ў час яе ўваходжання ў склад Польшчы. Ідэалагізаваныя канцэптуальныя падыходы і асабліва недаступнасць архіўных крыніц перашкаджалі ўсебаковаму вывучэнню ў беларускай савецкай гістарычнай навуцы сацыяльна-эканамічнага жыцця заходнебеларускага насельніцтва. Асноўная ўвага надавалася пытанням гісторыі рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху.

2. Амаль усе сучасныя даследаванні па гісторыі заходнебеларускага рэгіёна захоўваюць некаторыя папярэднія канцэптуальныя падыходы ў адлюстраванні сацыяльна-эканамічнага жыцця заходнебеларускіх зямель з пазіцыі тагачасных дзяржаўных ін-

тарэсаў. У беларускай савецкай гістарычнай навуцы стан прамысловасці, рамесніцкай вытворчасці і гандлёвай дзейнасці раскрываліся ў працах даследчыкаў толькі ў агульным плане сацыяльна-эканамічнага жыцця заходнебеларускіх жыхароў, фрагментарна і выключна ў кантэксце барацьбы заходнебеларускага насельніцтва за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне. Улічваючы пераважна аграрны характар эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі, асноўны акцэнт рабіўся на вывучэнне сельскай гаспадаркі, аграрных адносін.

3. У айчыннай гістарычнай навуцы пакуль няма сістэмнага даследавання з прадстаўленнем цэласнай карціны прамыслова-рамесніцкай вытворчасці і гандлю Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. на падставе новых гістарычных крыніц і разнастайнай навукова-метадалагічнай базы. Адзінкавыя працы, прысвечаныя прамысловасці Заходняй Беларусі, заснаваны на даволі абмежаванай базе крыніц, ўяўляюць у асноўным статыстычныя справаздачы і не паказваюць рэальнае месца прамысловай вытворчасці ў гаспадарчым жыцці. Прамысловыя рамёствы, гандаль у заходнебеларускім краі не з’яўляліся пакуль прадметам асобных гістарычных даследаванняў айчынных вучоных. Не даследавалася дзейнасць прамысловых прадпрыемстваў і рамесніцкіх майстэрняў, гандлёвых устаноў у гарадах, мястэчках і вёсках у кантэксце сацыяльных працэсаў, узаемасувязі з падатковай і інвестыцыйнай палітыкай органаў мясцовага кіравання, польскай адміністрацыі ўсіх узроўняў, уплыў этнаканфісіяльнага фактару, што не дазваляла стварыць цэластную карціну паўсядзённага побыту жыхароў заходнебеларускіх зямель у 1921–1939 гг.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Беразоўскі, А. Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў / А. Беразоўскі. – Мінск : ЦК Мопра БССР, 1928. – 45 с.
2. Гарбацэвіч, П. Паланізацыя Заходняй Беларусі / П. Гарбацэвіч. – Мінск, 1932. – 23 с.
3. Егоров, Г. Западная Белоруссия / Г. Егоров. – Минск : ОГИЗ, 1939. – 40 с.
4. Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваннем Польшчы / М. Лучанін. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. – 55 с.
5. Родзевіч, Л. І. Заходняя Беларусь – калонія Польшчы / Л. І. Родзевіч, А. Сталевіч. – Мінск : Выд-ва ЦК МОПР БССР, 1930. – 48 с.
6. Якаўлеў, Л. Заходняя Беларусь / Л. Якаўлеў. – Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1931. – 88 с.
7. Гак, Л. Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, Партмассектар, 1933. – 95 с.
8. Кон, Ф. Я. Западная Белоруссия – колония панской Польши (к процессу над белорусской громадой) / Ф. Я. Кон. – М. : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 38 с.
9. Минаев, В. Западная Белоруссия и Западная Украина под гнётом панской Польши / В. Минаев. – М. : Воениздат, 1939. – 48 с.
10. Минский, Г. Под игом польских панов / Г. Минский. – М. : Социал.-экон. изд-во, 1939. – 95 с.
11. Александров, Г. О хозяйственном, политическом и культурном упадке польского государства / Г. Александров // Большевик. – 1939. – № 17. – С. 43–50.
12. Тихомиров, М. Западная Украина и Западная Белоруссия / М. Тихомиров // Большевик. – 1939. – № 17. – С. 58–67.
13. Иванов, А. Западная Белоруссия. Экономический обзор / А. Иванов // Совет. Украина. – 1939. – 30 сент.

14. Мануйлов, Л. По ту сторону пограничных столбов (Экономическое положение крестьян и угнетение нацменьшинств в Польше) / Л. Мануйлов // Совет. Белоруссия. – 1939. – 1 янв.
15. Фришман, В. Промышленность Западной Белоруссии / В. Фришман. – Минск : Изд-во Белорус. акад. наук, 1934. – 133 с.
16. Шнейдер, Я. Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии / Я. Шнейдер. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1936. – 104 с.
17. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / пад рэд. Н. М. Нікольскага, І. Ф. Лочмеля. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – 96 с.
18. Горбунов, Т. Освобождённая Западная Белоруссия / Т. Горбунов. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1940. – 40 с.
19. Гольдштейн, И. И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии / И. И. Гольдштейн. – М. : Гос. социал.-экон. изд-во, 1940. – 296 с.
20. Абрамов, А. Западная Украина и Западная Белоруссия / А. Абрамов, К. Венский. – М. : Изд-во Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся, 1940. – 50 с.
21. Мацко, А. Н. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнёта буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Мінск : Беларусь, 1972. – 336 с.
22. Савочкин, П. З. Экономическая экспансия иностранного капитала в Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / П. З. Савочкин // Уч. зап. БГУ. – Минск, 1957. – Вып. 36 : Вопр. ист. БССР. – С. 31–43.
23. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 199 с.
24. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Мінск : Выш. шк., 1975. – 112 с.
25. История Белорусской ССР : в 2 т. / под общ. ред. Л. С. Абецедарского. – 2-е изд., доп. – Минск : Изд-во АН БССР, 1961. – Т. 2. – 702 с.
26. История Белорусской ССР / Г. В. Штыхов [и др.] ; АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: И. М. Игнатенко [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1977. – 632 с.
27. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Ін-т гісторыі Акад. навук БССР ; гал. рэдкал.: І. М. Ігнаценка (старш.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / рэдкал.: І. С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1975. – 640 с.
28. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. / под ред. В. И. Дрица. – Минск : Наука и техника, 1973.
29. Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг. / под ред. В. И. Дрица. – Минск : Наука и техника, 1975. – 335 с.
30. Наркевич, С. И. Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / С. И. Наркевич. – Минск, 1965. – 22 с.
31. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 2. – 560 с.
32. Гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. : у 2 ч. / пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – Ч. 2 : люты 1917 г. – 1997 г. – 464 с.
33. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса. 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.
34. Эканамічная гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. / В. І. Галубовіч [і інш.] ; пад агул. рэд. В. І. Галубовіча. – 2-е выд. – Мінск : Экаперспектыва, 1995. – 432 с.

35. Шепетюк, В. В. Участие еврейского населения в промышленном производстве Полесского воеводства в межвоенный период (1921–1939) / В. В. Шепетюк // Молодзё Берасцейшыны : зб. студэнц. навук. прац. – Брэст, 1998. – С. 36–40.
36. Шепетюк, В. В. Участие еврейского населения в формировании и функционировании торговых отношений на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / В. В. Шепетюк // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. – Брэст, 1998. – Ч. 2. – С. 162–167.
37. Лабачэўская, В. А. Палескія кірмашы ў Пінску / В. Лабачэўская // Загароддзе-2 : матэрыялы навук.-краязн. канф. «Палессе – скрыжаванне культур і часу», Пінск, 25–27 верас. 1999 г. / уклад. і агульн. рэд. Ф. Д. Клімчука, В. А. Лабачэўскай. – Мінск : Тэхналогія, 2000. – С. 45–50.
38. Terebuń, A. W. Jarmarki poleskie w Pińsku w latach 1936–1938 / A. W. Terebuń // Białostoczczyzna. – 1999. – № 2. – S. 53–60.
39. Беразоўскі, А. Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў / А. Беразоўскі. – Мінск : ЦК Мопра БССР, 1928. – 45 с.
40. Лабачэўская, В. А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В. А. Лабачэўская. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 375 с.
41. Каспяровіч, Г. І. Промыслы і рамёствы беларусаў у XX ст. / Г. І. Каспяровіч, В. А. Каспяровіч // Вес. Акад. навук Беларусі, Сер. гуманітар. навук. – 1995. – № 3. – С. 105–113.
42. Броўкін, Я. А. Эканоміка Польшчы ў 1921–1929 гг. / Я. А. Броўкін // Беларус. гіст. часопіс. – 1997. – № 3. – С. 25–31.
43. Коўкель, І. І. Эканамічнае становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) / І. І. Коўкель // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верас. 1999 г. – Мінск : БДУ, 2000. – С. 16–24.
44. Сямёнчык, М. Б. Эканамічная палітыка Польшчы ў Заходняй Беларусі / М. Б. Сямёнчык // Шлях у навуку : матэрыялы 7-й рэсп. навук.-практ. канф., прысвечанай 40-годдзю студэнц. навук.-краязн. гуртка Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. – Мінск : БелНДЦДАС, 1997. – С. 49–53.
45. Сямёнчык, М. Б. Рабочы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. наук / М. Б. Сямёнчык. – Мінск, 2000. – 16 с.
46. Пивоварчик, С. Гродненские евреи: хронология событий / С. Пивоварчик // Евреи Гродно: Очерки истории и культуры. – Гродно : Белорус. гос. музей истории религии ; Гродн. еврейский общинный дом Менора, 2000. – С. 5–19.
47. Корзун, Э. Яўрэі мястэчка Гальшаны / Э. Корзун // Куфэрак Віленшчыны. – 2000. – № 2. – С. 61–64.
48. Сливкин, В. Мир еврейских местечек. Лида / В. Сливкин // АВИБ. – 2003, январь – февраль.
49. Иоффе Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси (XIV–XXвв.) / Э. Г. Иоффе. – Минск : АРТИ-ФЕКС, 1996. – 292 с.
50. Розенблат, Е. С. Пинские евреи. 1939–1941 гг. / Е. С. Розенблат, И. Э. Еленская. – Брест, 1997. – 312 с.
51. Здановіч, У. В. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Валовельскай гміны ў 1921–1939 гг. / У. В. Здановіч // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. – Вып. 4. – Брест : Академия, 2004. – С. 60–63.
52. Лазіцкая, К. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Століншчыны пад уладай Польшчы / К. Лазіцкая // Назаўсёды разам: гісторыя нацыянальна-дзяржаўнага станаўлення Беларусі : да 65-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 28 верас. 2004 г. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – С. 160–164.

53. Токць, С. М. Скідзель у міжваеннай польскай дзяржаве (1921–1939 гг.) / С. М. Токць, А. Вашкевіч, Д. Люцік // Скідзель. 500 год гісторыі ; рэкал.: Я. Я. Васілеўскі, А. І. Вітко [і інш.]. – Гродна, 2008.

54. Иванов, Ю. Н. Социально-экономическое развитие Волковыского повета в 20–30 гг. XX в. / Ю. Н. Иванов // Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў : збор навук. арт. – Гродна, ГрДУ, 2006. – С. 250–254.

55. Тахіян, Т. М. Умовы развіцця сельскай гаспадаркі, прамысловасці і гандлю на землях Івацэвіччыны ў 1921–1939 гг. / Т. М. Тахіян // Осень 1939 г.: коренной перелом в судьбе белорусского народа : материалы регион. науч. практ. конф., посвященной 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, Брест, 24–25 сент. 2009 г. / ред.: Н. Н. Ковалева, Л. Ю. Малыгина. – Брест : БрГТУ, 2009. – С. 192–197.

56. Бусько, В. И. Экономическая мысль Западной Беларуси в 1921–1939 гг. / В. И. Бусько, Б. С. Вайтешенко, С. И. Якимченко ; под науч. ред. П. Г. Никитенко. – Минск : Право и экономика, 2004. – 158 с.

57. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006–2011. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

58. Нестерович, Н. Б. Характер западнобелорусской экономики в 1921–1939 гг. / Н. Б. Нестерович // Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў : зб. навук. арт. / Гродз. дзярж. ун-т ; рэкал.: І. П. Крэнь [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2006. – С. 228–232.

59. Вайцешчык, Г. С. Мясцэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г. С. Вайцешчык. – Гродна, 2013. – 143 с.

60. Войтешик, А. С. Роль евреев в экономическом развитии местечек Западной Беларуси в 1921–1939 гг. / А. С. Войтешик // Тирош: труды по иудаике. – М. : Сефер, 2011. – С. 173–180.

61. Вайцешчык, Г. С. Сацыяльна-эканамічнае развіццё мястэчкаў Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг. / Г. С. Вайцешчык // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 75–84.

62. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінавання / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 711 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.08.2016

Lavreenko L.V. Investigation of Industrial and Handicraft Production and Trade of Western Belarus in 1921–1939 in Belarusian Historiography

The article discusses approaches in Belarussian historiography to the study of industrial, handicraft production and trade in Western Belarus in 1921–1939. The authors made the analysis and summary of the main works devoted to the study subject. The article notes the historiographical importance of the works of local authors and makes the conclusion about insufficient study of economic history of Western Belarus in the 20–30-th years of the XX century. The scientific treatment includes new materials, which appeared as a result of the processing of individual funds of the National Library of Belarus (Minsk), department of rare books and manuscripts of CSL named after Yakub Kolas National Academy of Sciences of Belarus (Minsk), the Brest Regional Gorky Library (Brest), Pinsk museum of Belarussian Polesie (Pinsk).

УДК 947.032.4+947.4

И.Ю. Уваров

канд. ист. наук, доц. каф. политологии и истории

Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого

**ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСПИТАЛЬНОЙ И МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
НАСЕЛЕНИЮ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.**

Статья посвящена организации и функционированию госпиталя в г. Гродно, открытого в 1553 г. при содействии католического духовенства, а также работе хирургов и цирюльников в г. Вильно на основании привилегия 1584 г., данного Стефаном Баторием. Замысел настоящего исследования заключается в том, чтобы дать характеристику отдельных вопросов истории повседневности в Великом княжестве Литовском в конце XVI в.

Введение

В современной исторической науке среди широкого круга специалистов разных стран оживлённо обсуждаются вопросы, связанные с историей повседневности разных эпох. Выбор темы настоящего исследования был обусловлен отсутствием систематизированных работ обобщённого характера по истории развития и организации госпитальной и медико-хирургической помощи населению ВКЛ во второй половине XVI в. Именно эти обстоятельства побудили автора привлечь латиноязычные источники и малоизученные материалы по данной теме.

История повседневности начального периода Нового времени составляет неотъемлемую часть истории феодального общества. Поэтому изучение данной темы и отдельных вопросов общественной жизни необходимо историку для лучшего понимания разноплановых процессов, протекающих в этом обществе. Это и многое другое объясняет выбор такого аспекта исследования, который до недавнего времени оставался недостаточно изученным в истории Беларуси периода ВКЛ. Однако некоторые нюансы данной проблемы нуждаются в дополнительной научной доработке. Так, например, неясным остаётся вопрос, какое количество госпиталей и приютов было в пределах белорусских земель в конце XVI в., на какие средства они существовали, кто был в числе пациентов и т.д.

К середине XVI в. в ВКЛ продолжают укрепляться позиции католической церкви. Это привело к увеличению количества случаев перехода представителей разных конфессий в католицизм. Таким образом, начинает увеличиваться фонд земельной собственности духовных феодалов, которые находились под юрисдикцией Папы Римского. При этом ортодоксы католического мира не только стремились к привлечению на свою сторону большего числа верующих, но и всячески старались демонстрировать своё гуманное отношение к простым людям. Одним из благородных поступков высших иерархов католицизма было открытие госпиталя в Гродно 24 марта 1553 г. Однако подлинная цель этих благих намерений отражала истинный интерес высшего духовенства: путём воздействия на простейшие чувства верующих увеличивать католическую паству в пределах ВКЛ [1, с. 96]. Из ранних свидетельств о существовании госпиталя, открытого влиятельным человеком из духовного сословия, мы находим в письменном памятнике исторической и богословской мысли «Хроника земли Прусской». Там сказано, что в конце первой трети XIV в. во главе госпиталя Пресвятой Марии Иерусалимского Тевтонского дома стоял магистр, брат Пётр из Дусбурга [2, с. 2].

Открытие госпиталя в Гродно было связано с активной благотворительной деятельностью королевы Боны Сфорца, которая способствовала укреплению позиций католической церкви и переселению в ВКЛ польской шляхты. Подобные акты доброй воли со стороны королевской особы могли послужить для верующих как внушение им всеобщей значимости католического мироустройства, его доминирование над другими религиями, в том числе над православием. Как было отмечено в латиноязычном тексте опубликованного документа, открытие госпиталя с приютом необходимо «для всеобщего нашего блага в соответствии с христианскими принципами и ради избавления от болезней и для лечения местных жителей, а также для бедных и попавших в беду людей». Как свидетельствует источник, «в госпитале должны быть созданы необходимые условия для содержания больных и всех нуждающихся в получении помощи». Этот госпиталь был рассчитан на пребывание в нём тридцати человек из числа людей бедного сословия. Все поступившие получали верхнюю одежду и комплект нательного белья, обувь и войлочную шляпу с круглыми полями. Эти приобретения осуществлялись из финансовых средств, выделенных монастырём. Находящиеся на попечительстве люди должны были ощущать на себе постоянную заботу отцов церкви. Чтобы разнообразить их монотонный ритм жизни, каждую субботу и воскресенье совершались торжественные мессы в сопровождении многоголосого хорового пения по мотивам произведений музыкальных текстов, используемых в церковном богослужении [3, с. 174].

Однако дальнейшая работа этого учреждения требовала регулярных денежных пожертвований и снабжения всех обитателей продуктами питания, одеждой и прочим имуществом. Как это осуществлялось, видно из очередного документа, в котором сказано, что 5 апреля 1584 г. король Речи Посполитой Стефан Баторий, находясь в Гродно, издал документ, в котором предписывалось виленскому каштоляну и канцлеру ВКЛ Астафию Воловичу отчислить от прибыли с аренды феодальных владений в пользу госпиталя и костёла триста золотых польских дукатов [3, с. 174–175]. Для организации снабжения госпиталя католическое духовенство выбрало пресвитера, старшего священника Бартоломео, который должен был следить за поступлением десятой части от собранного урожая пшеницы, бобовых и овощей, выращенных на монастырских полях в Перштыне. Кроме этого еженедельно из мясной лавки на нужды госпиталя поступала свежая говядина. Поставщиками продуктов питания в госпиталь должны были быть специально избранные для этой работы честные и богобоязненные люди из числа верноподданных католической церкви Гродненской экономии сроком на один год. Прямой их обязанностью была еженедельная закупка всех необходимых товаров для нужд обитателей госпиталя [3, с. 175].

Непосредственными кураторами монастыря и госпиталя были высокопоставленные особы католического вероисповедания. Это «отец Венсслав, почётный епископ Саможитский, и почётный Иоаннис Пржерембски, настоятель Краковского монастыря и заместитель начальника королевской канцелярии, вице-канцлер, а также благородный Иоаннис Пекароки, наш праведник». Присутствие среди этих людей итальянца можно объяснить наличием официального представителя высшего духовенства католической церкви. Это свидетельствует, что итальянцы из числа подданных королевы Боны, когда она была миланской герцогиней, являлись проводниками религиозной политики Ватикана в ВКЛ. Так, например, большое влияние на титулованную особу оказывал придворный медик Джовани Андреа Валентино, ставший ещё в 1520 г. личным секретарём Боны [4, с. 58–63].

Проведённый анализ не изученного ранее источника по истории организации, управления и содержания данного госпиталя позволяет говорить о целесообразности подобных исследований для получения более полной информации о развитии социальной сферы и медицинской помощи жителям белорусских городов в период ВКЛ. Про-

долгая развивать эту тему, мы выявили ещё один документ; это привилей виленских хирургов и цирюльников 1584 г., выданный монархом Речи Посполитой с целью сохранения единства в этом цеховом сообществе и поддержания порядка при совместной деятельности всех членов цеха [3, с. 156].

Текст данного привилея был написан на латинском языке. Это был своего рода законодательный акт, который определял правовую регламентацию его основных положений: он закреплял интересы отдельных личностей на право заниматься врачебной деятельностью и другими медицинскими манипуляциями. Одной из главных задач медиков XVI в. был поиск новых путей усовершенствования методов лечения и проведения экспериментов в хирургии. Из имеющихся материалов по данной теме известно, что первый доктор медицины проживал в Вильно в 1518–1527 гг. Это был выпускник Краковского университета Мартин Дуснинский [5, с. 475]. Как свидетельствуют факты, те, кто проходил полный курс обучения, становились дипломированными специалистами. Так, например, Георгий Петкевич Эйшишкский в 1556 г. был удостоен диплома доктора медицины коллегией искусств и медицины в городе Ферраре. В заглавии этого документа была отпечатана надпись на латинском языке «NCHRISTI NOMINE AMEN» и далее 31 строка рукописного латиноязычного текста, содержащего информацию о том, что обладатель этого диплома получил знания в области медицины и может осуществлять врачебную практику [5, с. 610]. Имеющийся материал из более поздних источников свидетельствует, что врачи жили и в других городах ВКЛ. В 1648 г. доктор Крыштор Винк, «кандидат медицины», получил специальный королевский привилей на право открытия аптеки в Слуцке [6, с. 60].

Сам цех виленских хирургов и цирюльников был открыт в 1552 г., о чём свидетельствует дата, отчеканенная на печати этого цеха, «1552 SICIL·FRAT·CHIRVRGO·RVM·VILNENSIVM». Популярность и признанность виленских хирургов была настолько велика, что статусом их цеха руководствовались хирурги в Полоцке [8, с. 163]. Основные положения этого привилея были также распространены и на корпорацию хирургов и цирюльников в городе Ковно. В наши дни алфавитные книги виленского цеха хирургов и цирюльников с указанием поимённого списка членов цеха и их социального статуса и происхождения хранятся в Центральном историческом архиве Литвы и отделах рукописей центральных библиотек Вильнюса.

Как было принято в то время считать, медицина, данная богом, нужна людям, «если только она правильно используется, справедливо и разумно» [3, с. 156]. Настоящим привилеем король стремился не допустить причинения ущерба пациентам при неправильных действиях со стороны хирургов и брадобреев, осуществлявших практическую деятельность. Поскольку эта цеховая корпорация находилась в столице ВКЛ городе Вильно, то к членам этой организации предъявлялись высокие требования. Представители указанных профессий должны были соблюдать все правила врачебной и медицинской этики. Нравственное поведение врача должно было сочетать следующие качества: совесть, скромность, решительность, опрятность и знание того, что полезно и необходимо для жизни человека. Как говорили древние греки, «врач-философ равен богу» [7, с. 121]. Врач обязан был уважать своих учителей и товарищей по цеховой корпорации. Действия хирургов не должны подвергаться сомнению и не представлять какой-либо опасности для нуждающихся в медицинской помощи. В отношении соблюдения норм врачебной этики и деонтологии в этом документе было сказано, что врачи должны свято блюсти правила профессиональной морали и «не выказывать презрения к своему искусству».

Таким образом, государь предупреждал хирургов и цирюльников избегать всяких проявлений ненормативных отношений. Если кто-то посмеет нарушить врачебный этикет, то его ждёт суровое королевское предупреждение [3, с. 156]. Из вышеизложен-

ного видно, что представители власти принимали активные меры, направленные на недопущение всякого рода нарушений.

В отношении управления цехом виленских хирургов и цирюльников следует отметить тот факт, что, как и другие цехи, он находился под юрисдикцией виленского магистрата, который осуществлял непосредственное руководство в рамках правовой базы. На цирюльников, как и на хирургов, возлагалась такая же ответственность, поскольку их работа периодически была связана с заживлением ран и в некоторых случаях нуждалась в консультации компетентных докторов. Если из-за нарушений в этой практике дела могли дойти до судебных разбирательств, то хирурги и цирюльники несли одинаковую ответственность и имели право на адвокатскую защиту. Однако при совершении явных нарушений в ходе врачебной деятельности неквалифицированные специалисты могли быть исключены из числа членов цеховой корпорации. Если вследствие некомпетентного врачебного вмешательства и неправильно назначенного лечения больным наносился ущерб, то по требованию магистрата виновных в этом лиц наказывали конфискацией у них инструментов.

Следует отметить, что в XVI в. как в Европе, так и в ВКЛ профессия врача стала востребованной среди привилегированных особ. Получить престижное образование с дипломом доктора медицины в университетах Европы могли и выходцы из белорусских, или, как тогда говорили, русских, земель ВКЛ. Основными учебными заведениями по подготовке специалистов такого профиля были Краковский, Падуанский, Лейпцигский, Витенбергский университеты. На медицинских факультетах студенты серьёзно изучали естественные науки, ботанику и астрономию. В стенах Падуанского университета господствовали идеи средневекового мыслителя Аверроэса (1126–1198). Студенты изучали его «Великий комментарий» к Аристотелю и медицинские труды. Это способствовало развитию у обучающихся антидогматических, материалистических взглядов [9, с. 26]. Обучение на врача со степенью доктора медицины зависело оттого, за какой период студент осваивал курс учебных дисциплин и сдавал экзамен. К примеру, Ф. Скорина в 1506 г. был удостоен учёной степени бакалавра, а звание доктора медицины получил в 1512 г. [10, с. 15].

Если человек, знавший основы своего ремесла, желал вступить в сообщество виленских хирургов и цирюльников, то в соответствии с законом и положением о данном ремесле он должен был быть записан в алфавитную книгу цеха. Однако члены магистрата требовали не включать нового мастера в состав сообщества, пока тот не подтвердит своё умение на практике по своей специальности в течение одного года и шести месяцев. По истечении этого времени и получении положительной рекомендации одного из мастеров, претендент имел право работать в цехе. Однако получить полное право на медицинскую практику было возможно только после того, как кандидат сдавал специальный экзамен в присутствии членов комиссии, которые определяли опытность и знания экзаменуемого.

При экзаменации в области врачебной науки и знаний хирургии испытуемый должен был демонстрировать понятливость, рассудительность и сметливость в области обсуждаемых вопросов. В числе предлагаемых вопросов были такие, как ранения различной степени тяжести, изъязвление кожи, переломы конечностей, а также реабилитация пациентов, ослабленных продолжительным заболеванием. Правильные варианты ответов характеризовали опытность практикующего хирурга. В случае успешной сдачи экзамена члены комиссии составляли и подписывали специальный документ, по которому испытуемый окончательно получал право на занятие хирургической деятельностью [3, с. 156].

В качестве учебной литературы во второй половине XVI в. врачи использовали ещё труды античных авторов [7, с. 137]. Однако следует помнить, что хирурги, жившие

в конце XVI в., осуществляли свою практику без представления о системе кровообращения человека. Учение о малом круге кровообращения было изложено в середине XVI в. испанским учёным М. Серветом в труде «Возрождение христианства». За своё открытие он был сожжён Ж. Кальвином в 1553 г. Научное обоснование кругового движения крови было дано через сто лет английским учёным У. Гарвеем 1578–1657 гг.

В рассматриваемом привилее отдельно было сказано о хирургическом инструменте. В качестве основного режущего инструмента в источнике упомянута хирургическая бритва, которая широко использовалась в медицинских целях. Сделана она была из твёрдого металла, украшена слоновой костью и заточена на точильном камне. О качестве медицинского инструмента говорили ещё врачи Древнего Египта. В XIII в. о необходимости медицинских инструментов писал в своих научных трудах профессор Оксфордского университета Рожер Бэкон (1214–1294).

Эпоха Возрождения, как известно, была ознаменована всеобщим культурным и научным подъёмом. В этот период врачи ищут и находят новые способы эффективной работы. Одним из открытий стал этиловый алкоголь, который стал известен в XV в. С его помощью осуществлялось обезболивание, обработка инструментов и операционного поля. Разработка новых медикаментов стала возможна благодаря ряду химических открытий Андреаса Лейбау в 1597 г. [11, с. 20].

Особое внимание в хирургической практике уделялось искусству десмургии – наложения повязки и пластыря. Виленские хирурги придавали большое значение качеству перевязочного материала как эффективному способу заживления ран. В эпоху, когда практикующие врачи были далеки от представлений в области септики и антисептики, качество повязки и умение обработать операционное поле выполняли важную роль в лечебном процессе [3, с. 156]. Благодаря трудам Парацельса 1493–1541 гг. был получен ряд лекарственных средств, созданных путём механической и химической обработки природных минералов.

Несмотря на развитие медицинских знаний, профессия врача, а тем более хирурга в ВКЛ оставалась большой редкостью. В 1541 г. в Краковском университете получил степень бакалавра уроженец Вильно Бонавентура, позже он стал доктором медицины [12, с. 236]. О приезде европейских врачей в Вильно свидетельствует письмо прусского герцога Альбрехта виленскому воеводе Гаштольду от 26 мая 1530 г., из которого видно, что Ф. Скорина едет из Кёнигсберга в Вильно, сопровождая придворного лекаря, который будет осуществлять врачебную практику в столице ВКЛ [9, с. 41].

О том, что профессия врача давала возможность разбогатеть, свидетельствует ещё один привилей Стефана Батория, данный 12 января 1584 г. придворному врачу Сымону Бутримусову из Гродно. Посредником в этом деле выступил канцлер ВКЛ, староста Брестский и Кобринский, пан Остафий Волович. Он ходатайствовал перед господарём о наделении С. Бутримусова участком земли в десять волок и пять волок леса, а также селом Грыцевичи в местности Довгавской. Чтобы он отбывал за границу для изучения медицинских наук и мог иметь полное самообеспечение. А после обучения мог вернуться назад в ВКЛ и продолжать служить господарю. С положенного ему феодального владения он мог «пожитков всяких оттуль приходячых ужывати и примножати водлуг баченья своего до живота своего, ничого оттуль до скарбу нашего довати и личбы чынити не будучи повинен». Таким образом, видно, что упомянутый доктор владел данным ему феодалом пожизненно, имея полное королевское подтверждение на освобождение от всяких повинностей [3, с. 111].

Заключение

Следует отметить, что пока достаточно сложно дать основательный ответ на ряд вопросов этой актуальной темы. Остаётся не совсем ясным, кто из знатных людей вто-

рой половины XVI в. принимал участие в финансировании мест пребывания для старых и больных людей, какое количество этих учреждений насчитывалось в разные периоды в белорусских, украинских и литовских городах. Пока можно полагать, что в этот период процесс открытия госпиталей протекал крайне медленно и неоднородно. Проведённый анализ не изученных ранее источников по истории организации госпиталя и цеха хирургов и цирюльников г. Вильно позволяет говорить о целесообразности подобных исследований для получения более полной информации о развитии социальной сферы и медицинской помощи жителям городов ВКЛ в период XVI и последующих столетий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уваров, И. Ю. Проявление принципов католицизма на примере функционирования госпиталя в Гродно во второй половине XVI в. / И. Ю. Уваров // Религия и общество – 8 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилёв : Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2014.
2. Пётр из Дусбурга. Хроники земли Прусской. – М. : Ладомир, 1997. – 384 с.
3. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 70 (1582–1585) : кн. запісаў № 70 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А. А. Мяцельскі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 354 с.
4. Pocięcha, W. Królowa Bona (1497–1557). Czasy i ludzie Odrodzenia / W. Pocięcha. – Poznań, 1947. – Т. 2. – S. 492.
5. Гудавичус, Э. История Литвы с древнейших времён до 1569 года / Э. Гудавичус / Фонд им. И. Д. Сытина ; VALTRUS. – М. : Перв. образц. тип., 2005. – 680 с.
6. Грицкевич, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: социально-экономическое исследование истории города / А. П. Грицкевич. – Минск, Наука и техника, 1975. – 248 с.
7. Сорокина, Т. С. Атлас истории медицины. Первобытное общество. Древний мир / Т. С. Сорокина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во УДН, 1987. – 168 с.
8. Арлоў, У. Таямніцы Полацкай гісторыі / У. Арлоў. – 2-е выд., дап. – Мінск : Палымя. – 2002. – 464 с.
9. Анушкин, А. И. Во славном месте Виленском: очерки из истории книгопечатания / А. И. Анушкин. – М. : Искусство, 1962. – 172 с.
10. Бярозкіна, Н. Ю. Гісторыя кнігадрукавання Беларусі (XVI – пачатак XX ст.) / Н. Ю. Бярозкіна. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 199 с.
11. История Европы. От средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М. : Наука, 1993. – Т. 3. – 656 с.
12. Голенченко, Г. Я. Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете XV–XVI вв. / Г. Я. Голенченко // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / под ред. акад. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1976. – С. 228–240.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.03.2016

Uvarov I.Yu. Organisation of Hospital, Medical and Surgical Care to the Population of Grand Duchy of Lithuania in the Second Half of the XVI century

This article is dedicated to the organization and functioning of hospital in Grodno opened in 1553 with the help of Catholic clergy as well as the work of surgeons and barbers in Vilno on the base of privileges of 1584, given by Steven Bator. The intention of this investigation is to characterize of separate questions of everyday history in Grand Duchy of Lithuania in the second half of the XVI century.

УДК: 94(438):94(430)«1970/1989»

Л.В. Гавриловец

*канд. ист. наук, доц. каф. истории и методики преподавания истории
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина*

ЭМИГРАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПНР В ФРГ И ГДР В 1970–1989 гг.

В статье обращается внимание на то, что эмиграция германского населения в рамках акции «воссоединения семей» проходила довольно медленными темпами, т.к. правительство ПНР не признавало существования на своей территории немецкого меньшинства. В свою очередь, западногерманское правительство считало, что необходимо предусмотреть более свободный выезд в ФРГ граждан ПНР немецкой национальности. Польская сторона была убеждена, что эмиграция в рамках акции «воссоединения семей» принадлежала лишь к специфическому виду странствования населения, и если бы не репатриация польского населения из СССР, то она не достигла бы таких размеров, в каких существовала. Решение проблемы немецкого меньшинства в Польше стало одной из предпосылок нормализации польско-западногерманских отношений в 1970 г.

Введение

Одним из центральных пунктов политических переговоров ПНР и ФРГ в декабре 1970 г. стало решение проблемы немецкого меньшинства в Польше и опеки над ним со стороны ФРГ. Проблема немецкого меньшинства в Польше интересовала и правительство ГДР, что привело к заключению соответствующих соглашений между восточногерманским и польским правительствами. В начале 1970-х гг. после признания ФРГ западной польской границы по Одеру – Нейсе (договор от 7 декабря 1970 г.) правительства ГДР и ПНР с целью интеграции и сближения народов двух стран 25 ноября 1971 г. подписали Соглашение о безвизовых взаимных поездках граждан двух государств [1, s. 357]. В соответствии с постановлением правительства ПНР Соглашение вступило в силу 1 января 1972 г. [2, s. 360]. Выезды в ГДР немецкого меньшинства из Польши, равно как и польских граждан, происходили при наличии паспорта со штампом о разрешении на выезд, который можно было получить в паспортном отделе милиции после рассмотрения заявления на выезд в германское государство.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить роль и место проблемы немецкого населения в Польше в развитии ее отношений с ФРГ и ГДР. Важнейшими задачами, которые необходимо решить для достижения поставленной цели, являются:

- 1) определить отношение польских властей к акции «воссоединения семей»;
- 2) на основе количественных показателей рассмотреть, как протекал процесс переселения немцев из Польши в ФРГ и ГДР на протяжении 1970–1989 гг.

Акция «воссоединения семей»

Предпосылкой нормализации польско-западногерманских отношений стало решение вопроса немецкого меньшинства в форме акции «воссоединения семей». Согласно информации правительства ПНР от 18 ноября 1970 г., которая легла в основу проведения акции «воссоединения семей», значилось, что на территории Польши проживали еще несколько тысяч лиц немецкой национальности либо смешанных супружеских пар. Следовательно, несмотря на первую фазу эмиграции, которая проходила в середине 1950-х гг., еще осталось достаточное количество польских граждан немецкого происхождения, желавших уехать к родственникам в ФРГ или ГДР. Так, из 70 тыс. немцев, проживавших в Вармии и Мазурах (Варминско-Мазурское воеводство), в 1960–1970 гг. выехали около 18 тыс. человек, а в 1970–1986 гг. – 50 тыс. лиц немецкого происхождения [3, s. 104].

В 1971–1972 гг. в ФРГ выехали около 39 тыс. лиц, однако в последующие три года число выезжавших с каждым годом уменьшалось, и в 1975 г. на постоянное место жительства в ФРГ выехали только 7 тыс. лиц немецкого происхождения. Практика сокращения числа выезжавших была связана с политикой местных органов власти, которые не всем желающим эмигрировать в ФРГ давали разрешение на выезд. Например, в Катовицком воеводстве в 1971 г. было подано 26 981 заявление на выезд из страны, и только 6 855 заявителей получили положительный ответ. Таким образом, в период с 1970 по 1975 гг. в ФРГ из Польши выехали около 65 тыс. лиц немецкого происхождения (согласно немецкой статистике – 62,5 тыс. человек), среди которых около 12,5 тыс. из Опольского воеводства [4, s. 45; 5, с. 95].

Во время переговоров между правительствами ПНР и ФРГ по вопросу эмиграции немецкого населения со стороны западногерманского правительства была озвучена цифра в 200 тыс. лиц немецкого происхождения, которые должны покинуть территорию Польши. Однако с польской стороны возникли трудности в решении данной проблемы, так как Польша решение вопроса о выезде немецкого меньшинства из страны связывала с выделением правительством ФРГ компенсаций пострадавшим во время военных действий или кредита на выгодных для ПНР условиях. Это привело к охлаждению польско-западногерманских отношений в первой половине 1974 г. Так, предложенный правительством ФРГ кредит в размере 1 млн немецких марок был отклонен правительством ПНР на том основании, что оно желало получить 3 млн марок и поэтому не согласилось на выезд 50 тыс. немцев в ФРГ [6, s. 402]. Ситуация изменилась после переговоров Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека с канцлером ФРГ Г. Шмидтом, которые состоялись с 1 на 2 августа 1975 г. в Хельсинки, куда они прибыли для участия в конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. После многочасовой беседы оба политических деятеля договорились о переселении немцев из Польши в ФРГ.

На конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе между ПНР и ФРГ были подписаны два соглашения. Первое соглашение предусматривало, что правительство ФРГ вернет Польше 1,3 млрд марок как эквивалент сумм, выплаченных до 1945 г. польским государством гражданам в виде пенсий, а также предоставит на выгодных условиях кредит в размере 1 млрд марок. Согласно второму соглашению правительство Польши согласилось на выезд в ФРГ на протяжении ближайших четырех лет (1976–1979 гг.) 120–125 тыс. польских граждан немецкого происхождения в рамках акции «воссоединения семей». Взамен польские власти также пожелали получить компенсацию для жертв концлагерей. Соглашения были ратифицированы 7 августа в Бонне, а 9 октября 1975 г. в Варшаве их подписали министры иностранных дел Польши и ФРГ [7, s. 46]. Несколько месяцев спустя (с 10 на 11 марта 1976 г.) министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер договорился с польскими властями о том, что через четыре года лицам немецкого происхождения вновь дадут разрешение на выезд. На этот раз речь шла о выезде из Польши около 180 тыс. человек [8, s. 241]. Фактически «эквивалентом» для получения разрешения на выезд были не только компенсация, но и денежные выплаты участникам акции «воссоединения семей». В начале 1970-х гг. 150 тыс. лиц немецкого происхождения подали прошения на выезд в ФРГ, но многим из них пришлось ждать разрешения на выезд 15 и более лет. Кроме того после подачи заявления на выезд многих из них сразу же увольняли с работы, а перед выездом они также вынуждены были отказаться от польского гражданства и продать свою недвижимость.

Выезд немецкого меньшинства из Польши начался в 1976 г. и совпал с экономическим кризисом, который разразился в стране. Именно в этот период, когда возникли материальные трудности, увеличилось число желающих выехать в ФРГ. Особенно сильным желание выехать за пределы польского государства было у жителей Вармии. В Вармии фермеры были готовы продать свое хозяйство за бесценок государству лишь

бы получить разрешение на выезд в одно из двух германских государств. Среди причин выезда населения Польши в ФРГ и ГДР можно отметить, во-первых, воссоединение семей (супругов, родителей и детей, братьев и сестер). Во-вторых, материальный характер выезда (отсутствие перспектив карьерного роста, возможность переехать жить в город, более высокая пенсия); в-третьих, этнический характер эмиграции (выезжали супружеские пары, когда один из супругов являлся немцем по происхождению, а также выезд к близким родственникам). В начале 1980-х гг. на первом месте среди причин эмиграции немецкого меньшинства в германские государства было улучшение материального положения, на втором – родственные связи, т.е. воссоединение родителей с детьми и наоборот, на третьем – национальность (около 10% всех выездов произошли по причине принадлежности к германской общности) и только потом отсутствие каких-либо перспектив в Польше.

В наибольшей степени та или иная причина выезда граждан Польши в ФРГ и ГДР зависела от их возрастной категории. Так, до 17 лет все зависело от желания родителей переезжать или остаться в стране; 17% граждан Польши 18–24 лет желали улучшить свое материальное положение, около 30% стремились к воссоединению семей и только 2,5% граждан желали выехать, так как они являлись лицами немецкой национальности. В возрастной группе от 25 до 49 лет 30% выезжавших интересовали материальные условия жизни; около 20% хотели воссоединения разобценных семей и 9,7% – это было немецкое население Польши, желавшее выехать в Германию. В возрастной группе 50–54 лет основной показатель выездов – это принадлежность к германскому народу, отождествление себя с этническими немцами (22,8%); около 20% желали восстановления родственных связей и 26% граждан интересовали материальные условия проживания в Германии. В группе 55–59 лет выезжавших в ФРГ или ГДР этнические немцы составляли 12,1%; 30% были лица, желавшие воссоединиться со своими родственниками, и 18,2% преследовали материальную выгоду. В группе от 60 до 64 лет одной из важных причин выезда в германское государство являлось восстановление родственных связей, но количество выезжавших этнических немцев не превышало 15,4%, а среди лиц в возрасте 65 лет – 11,4% [3, s. 105].

В 1976–1979 гг. из Опольского воеводства выехали свыше 47 тыс. лиц, считавших себя этническими немцами. Более всего польских граждан немецкого происхождения выезжали из таких городов Опольского воеводства, как Ополе, Кендзежин-Козле, Прудника, Крапковице, Стшельце-Опольске и Ключборка. За 1976–1979 гг. из Польши в ФРГ выехали 134,6 тыс. человек.

В августе 1979 г. истек срок действия польско-западногерманского соглашения от 1975 г. о выезде лиц немецкого происхождения, поэтому в г. Хеле во время встречи Э. Герека с Г. Шмидтом вновь был поднят вопрос выдачи польскими органами власти разрешений на выезд лицам немецкой национальности. В этот раз речь шла о выезде из Польши в ФРГ 105 тыс. человек [3, s. 106]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в 1970–1979 гг. акция «воссоединения семей» не носила столь массового характера, как во время первой фазы эмиграции (1955–1970 гг.), когда из Польши в ФРГ и ГДР (в основном в ФРГ) выехали более 400 тыс. граждан [9, с. 51]. Во время же второй фазы эмиграции (1970–1979 гг.) из Польши выехали 202 тыс. лиц немецкого происхождения.

Процесс переселения немецкого меньшинства Польши в 1980–1989 гг.

Эмиграция в ФРГ в рамках соглашения 1975 г. завершилась в начале 1980-х гг. (формально 15 августа 1983 г.). В мае 1985 г. польские власти заявили о том, что полностью выполнили все условия протокола от 1975 г. и, следовательно, в Польше больше не существует проблемы немецкого меньшинства [10, s. 95]. Однако польские власти

продолжали выдавать разрешения на выезд из страны. Кроме того на территории Польши еще осталось проживать немецкое население, идентификация которого была очень затруднена. Так, немецкое меньшинство г. Валбжиха (Нижнесилезское воеводство) в 1980 г. составляло 70 человек. В наиболее трудной ситуации находилось немецкое меньшинство в Вармии и Мазурах. Количество мазуров в начале 1980-х гг. составляло около 10–15 тыс. человек, но не все считали себя немцами [11, s. 229].

Тем не менее процесс переселения немецкого меньшинства Польши в ФРГ продолжался, но уменьшилось число выезжавших, и изменился характер выезда. Вначале население Польши выезжало по туристическим визам, а по прибытии на территорию ФРГ обращалось к германским властям с просьбой остаться проживать в стране. Лица, прибывшие в ФРГ таким способом, получали право на постоянное пребывание в стране, а если могли подтвердить свое немецкое происхождение, то становились немецкими гражданами. В результате начался обратный процесс – «разделение семей».

В 1981 г. увеличилось количество эмигрирующих в ФРГ лиц немецкой национальности. Ежедневно в г. Фридланд (Нижняя Саксония) прибывало около 300 человек в большинстве своем с туристическими визами, и только 10–15 из них являлись лицами немецкого происхождения [3, s. 108]. Таким образом, в первой половине 1980-х гг. в ФРГ эмигрировали из Польши не только те, кто могли получить статус «переселенца», но и многочисленные группы поляков, желавших улучшить условия своего проживания в связи с установлением в декабре 1981 г. – январе 1982 г. в Польше военного положения. Согласно законодательству ФРГ немецкими гражданами считаются те лица, которые проживали на территории Германии в границах 1937 г., а статус «переселенца» получали те, кто, выезжая из ПНР, оформили соответствующие документы в консульстве ФРГ в Польше. В общей сложности из Польши в 1988 г. эмигрировало на постоянное место жительства 200 тыс. человек, при этом в ФРГ – 170 тыс. человек. Однако только 140 226 человек были признаны германскими властями и получили статус «переселенца», а 29 023 человека – статус «беженца» [12, s. 418]. В 1980–1989 гг. половина эмигрировавших из Польши граждан (а это около 500 тыс. человек, по другим данным, более 600 тыс.) выехали в ФРГ как в экономически мощное, высокоразвитое государство. Статистика эмиграции в ФРГ в 1970–1989 гг. представлена в таблице.

Таблица. – Эмиграция немецкого населения Польши в ФРГ в 1970–1989 гг. [13]

Год	Количество переселенцев	Год	Количество переселенцев
1970	5 624	1980	26 637
1971	25 245	1981	50 983
1972	13 476	1982	30 355
1973	8 902	1983	19 122
1974	7 825	1984	17 455
1975	7 040	1985	22 075
1976	29 366	1986	27 188
1977	32 861	1987	48 419
1978	36 102	1988	140 226
1979	36 274	1989	250 340
1970–1979	202 715	1980–1989	632 800

Как видно из данных, приведенных в таблице, все большее число выезжающих граждан немецкого происхождения покидало Польшу в период политических и экономических кризисов, обрушивавшихся на страну в декабре 1970 г., июне 1976 г., августе 1980 г., декабре 1981 г.

Временные выезды граждан ПНР в ГДР

Открытие границы между ПНР и ГДР на Одере 1 января 1972 г. было использовано польскими гражданами в первую очередь с целью приобретения восточногерманских товаров, а уже потом как возможность «воссоединения разобщенных семей». Так, еще в 1971 г. границу с ГДР пересекли 197 тыс. поляков, а в обратном направлении 537 тыс. немцев. В 1972 г. поляки пересекли границу 9,5 млн раз, а немцы из ГДР – 6,8 млн раз. Взаимные поездки граждан двух государств быстро приобрели массовый характер. Произошел непривычный рост количества взаимных визитов и установления контактов. Это привело к тому, что польские власти ввели валютные счета и наладили обмен денег, а власти ГДР в январе 1973 г. ввели таможенные ограничения, прежде всего на вывоз детских товаров. Данные меры привели к сокращению выездов польских граждан в ГДР на 1/3, а с августа 1980 г. в связи с деятельностью профсоюза «Солидарность» временно была приостановлена выдача разрешений на выезд в восточногерманское государство, фактически же эта приостановка просуществовала до конца ГДР. Выехать из ПНР в ГДР в начале 1980-х гг. можно было только по приглашениям, а также при наличии туристической визы [13, с. 482].

Таким образом, в 1970–1980-х гг. среди немецкого меньшинства Польши не было желающих выехать в ГДР (в сравнении с 1955–1968 гг., когда в рамках акции «воссоединения семей» из ПНР в ГДР выехали 28,2 тыс. человек). В основном развивалось экономическое и культурное приграничное сотрудничество двух стран. Однако на этой основе в приграничных районах было заключено около 10 000 смешанных браков, что стало свидетельством дальнейшего существования проблемы немецкого меньшинства на территории Польши [14, с. 105]. Кроме того огромное значение при выборе страны, в которую собирались переселиться польские граждане немецкого происхождения, сыграла политика правительства по отношению к эмигрантам. Так, в отличие от восточногерманского правительства политика ФРГ была направлена на развитие национального самосознания, что очень отчетливо проявилось по отношению к населению Верхней Силезии, Опольского и Катовицкого воеводств. Например, в Верхней Силезии и Опольском воеводстве росло число желающих выехать именно в ФРГ, так как несколько десятков жителей Силезии систематически получали из ФРГ гуманитарные посылки, а лица, которые служили в вермахте либо родственники погибших солдат получали германскую пенсию. Правда, суммы денежных выплат польским гражданам были невысоки, но сам факт их перечисления оказывал влияние на становление национального самосознания и чувства принадлежности к германскому народу [15, с. 248].

Но были и иные причины эмиграции немецкого населения Польши в ФРГ. Так, в середине 1980-х гг. особенно сильно обострилась политическая ситуация в Опольском воеводстве, где в отношении активных деятелей немецкого меньшинства, которые требовали возвращения в Польшу немцев, выселенных после войны в ФРГ, власти приняли репрессивные меры, в результате которых одни представители немецкого меньшинства были арестованы, другие уволены с работы и вынуждены эмигрировать в ФРГ [16, с. 89].

Заключение

Польско-германские отношения являются одной из стержневых проблем польской историографии. Нормализация отношений между ПНР и ФРГ вышла далеко за рамки двусторонних связей между этими странами. Она являлась важным элементом процесса разрядки напряженности между государствами Восточной и Западной Европы. Польская сторона создала условия для соблюдения конституционных прав немцев, оставшихся на территории Польши, для развития их национальной культуры, разрешила репатриацию всех граждан немецкого происхождения, которые пожелают выехать

из страны. Однако для большинства выезжавших акция «воссоединения семей» была не чем иным, как скрытой формой «заработной эмиграции», и только незначительная часть эмигрантов выехали с целью восстановления родственных связей.

Проблема немецкого населения в Польше оказалась одной из наиболее сложных в польско-западногерманских отношениях и длительное время оказывала отрицательное влияние на их состояние, так как польская сторона не признавала факта существования в стране немецкого меньшинства. Для урегулирования этой проблемы потребовалось много времени: начиная с 1950 г., когда обозначился вопрос о существовании немецкого меньшинства в Польше, до подписания 17 июня 1991 г. Договора о добрососедстве и сотрудничестве между ФРГ и Польшей. За это время из Польши в ФРГ и ГДР выехали 1 391,7 тыс. человек, имевших польское гражданство. Однако в связи с фактическим завершением акции «воссоединения семей» в феврале 1959 г., когда действительно выезжали лица немецкой национальности, в последующие годы выезд в ФРГ и ГДР все меньше был мотивирован и связан с национальным аспектом, а в большей степени с социально-экономическими условиями жизни в Польше. В 1989 г. в связи с экономической стабилизацией и признанием существования в Польше национальных меньшинств процесс эмиграции немецкого населения в ФРГ завершился.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Umowa między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Niemieckiej Republiki Demokratycznej o wzajemnych podróżach obywateli obu państw, podpisana w Warszawie dnia 25 listopada 1971 r. // Dziennik Ustaw. – 1971. – № 35. – Poz. 306. – S. 357–360.
2. Oświadczenie Rządowe z dnia 7 grudnia 1971 r. w sprawie wejścia w życie Umowy między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Niemieckiej Republiki Demokratycznej o wzajemnych podróżach obywateli obu państw, podpisanej w Warszawie dnia 25 listopada 1971 r. // Dziennik Ustaw. – 1971. – № 35. – Poz. 307. – S. 360.
3. Mniejszości narodowe w Polsce. Państwo i społeczeństwo polskie a mniejszości narodowe w okresach przełomów politycznych (1944–1989) / pod red. P. Madajczyka. – Warszawa : ISP PAN, 1998. – 295 s.
4. Bielski, J. Emigranci ze Śląska Opolskiego do Republiki Federalnej Niemiec. Realizacja Zapisu protokolarnego z Helsinek w Województwie Opolskim (1975–1979) / J. Bielski. – Opole : Inst. Śląski w Opolu, 1986. – 245 s.
5. Липский, А. Е. Политика Польши в области нормализации двусторонних отношений с ФРГ / А. Е. Липский // Борьба социалистических стран за дальнейшую разрядку международной напряженности в Европе. – М. : ИЭМСС АН СССР, 1977. – С. 79–110.
6. Sowa, A. L. Historia polityczna Polski 1944–1991 / A. L. Sowa. – Kraków : Wydaw. literackie, 2011. – 769 s.
7. Polska i Niemcy w XX wieku / pod. red. U. A. J. Becher, W. Borodziej, K. Ruchniewicz. – Poznań : Wydaw. Poznańskie, 2001. – 150 s.
8. Matelski, D. Niemcy w Polsce w XX wieku / D. Matelski. – Warszawa – Poznań : PWN, 1999. – 464 s.
9. Гавриловец, Л. В. Эмиграция немецкого населения Польши в рамках акции «воссоединения семей» в 1955–1970-х гг. / Л. В. Гавриловец // Весн. Гродз. дзярж. унта ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2010. – № 3(101). – С. 47–53.

10. Urban, T. Niemcy w Polsce: historia mniejszości w XX wieku / T. Urban ; tłum. P. Żwak. – Opole : Inst. Śląski, 1994. – 226 s.
11. Sakson, A. Mazurzy, społeczność pogranicza / A. Sakson. – Poznań : Inst. Zachodni, 1990. – 341 s.
12. Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945–1989 / pod red. A. Wolff-Powęskiej. – Poznań : Inst. Zachodni, 1993. – 463 s.
13. Gawryszewski, A. Ludność Polski w XX wieku / A. Gawryszewski. – Warszawa : IGiPZ PAN, 2005. – 623 s.
14. Niemcy i Polacy, 1945–1995 / oprac. red. K. Kanecka. – Warszawa : RYTM, 1996. – 199 s.
15. Mironowicz, E. Polityka narodowościowa PRL / E. Mironowicz. – Białystok : BTH, 2000. – 284 s.
16. Ганцкая, О. А. Проблемы меньшинств в государственной политике Польши (1945–1997 гг.) / О. А. Ганцкая // Этнос. Общество. Государство. – 2000. – № 1. – С. 88–100.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.03.2016

Gavrilovets L.W. Emigration of the German Population from the Polish National Republic in Federal Republic Germany and the German Democratic Republic in 1970–1989

In article the attention that emigration of the German population within the limits of the action took place «reunions of families» slow enough rates as the government of the Polish National Republic did not recognize existence in the territory of German minority is paid. In turn the West German government considered that it is necessary to provide more free departure in Federal Republic Germany of citizens of the Polish National Republic of a German nationality. The Polish party has been convinced that emigration within the limits of the action of «reunion of families» belonged only to a specific kind of wandering of the population, and if not repatriation of the Polish population from the USSR it would not reach such sizes in what existed. The solution of a problem of German minority in Poland became one of preconditions of normalization of the Polska-West German relations in 1970.

УДК 811.161.3'0(410)

А.Д. Дудько*магістр філол. наук, ст. прапедаватэль каф. англійскай філологіі
Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы***БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВИСТОВ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.
(У. МЭЙ, В. РИЧ, Ш. АКИНЕР, А. МАКМИЛЛИН)**

Статья посвящена деятельности ученых-славистов Великобритании, которые специализировались на изучении истории белорусской литературы как органичной части культуры Беларуси. Работы этих исследователей выделяются прежде всего детальным учетом широкого историко-культурологического контекста и глубоким знанием специфики белорусской культуры. Актуальность изучения этих аспектов зарубежного белорусоведения обусловлена отсутствием комплексной оценки их вклада в изучение и популяризацию белорусской культуры на Западе. Определяются причины интереса британских славистов к белорусской проблематике, выделяются основные направления и проблематика их исследований. Делаются выводы о том, что труды этих ученых, несмотря на неоднозначные их оценки в официальной историографических и историко-культурологических работах во времена БССР, сыграли существенную роль в ознакомлении западноевропейского англоязычного читателя с белорусским языком, литературой, культурой, историей.

Введение

Вторая половина XX – начало XXI в. стали для западноевропейской славистики в целом и белорусоведения в частности периодом наиболее интенсивных и масштабных попыток формирования системного образа белорусской культуры в ее прошлом и настоящем. Это было связано с геополитическими и социокультурными процессами, которые были характерны для западноевропейского региона после Второй мировой войны (в том числе с деятельностью в Западной Европе немногочисленной и активной группы славистов, стремившихся познакомить западноевропейское научное сообщество со своим видением прошлого Беларуси и ее богатой многовековой культурной традицией). За более чем полувековой период они сумели сформировать мотивационный механизм интереса западных ученых к белорусской культуре и ее истории, принять участие в деятельности институциональных центров белорусоведения на Западе, определить «силовое» поле историко-культурологической и филологической проблематики, а также сформировать образ Беларуси и ее культуры у интеллектуальных элит. Несмотря на зародившийся в 90-е гг. XX в. интерес к изучению этого феномена в Беларуси, глубокого, системного и цельного представления о роли западноевропейской славистической традиции в исследовании истории Беларуси зарубежными славистами, в частности славистами-белорусоведами Британии, до сих пор нет. Все это говорит об актуальности обозначенной проблемы для современного белорусоведения.

Рассматриваемая проблема находится в фокусе достаточно актуального направления современной исторической культурологии Беларуси – изучения становления и развития зарубежного белорусоведения как одной из отраслей интегративной белорусистики. Белорусские лингвистические и литературоведческие исследования являются на протяжении более чем полувекового периода одним из элементов британской традиции исследования обществ и культур восточнославянских народов во второй половине XX – начале XXI в. Это направление в системе гуманитарных наук Великобри-

---

Научный руководитель – Н.Н. Беспамятных, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

тании наработало уже определенные традиции и методологические подходы. В нашей статье акцент делается на оценке роли ведущих британских славистов в зарождении и развитии белорусоведения в Великобритании и определении весомости литературоведческих исследований в контексте британского белорусоведения послевоенного времени. Научная актуальность проблемы обусловлена отсутствием комплексной оценки данного направления в британском белорусоведении в целом, вклада британских славистов и в британскую, и в белорусскую исследовательскую традицию. Восполнение этого ощутимого пробела в современном белорусоведении – актуальная задача для сферы научно-академического знания.

Проблема разработки литературоведческого направления в белорусоведении Великобритании недостаточно отражена в отечественной историографии, как и сама проблема генезиса белорусоведения на Британских островах. О ведущих британских литературоведах упоминали в своих работах Н. Гордиенко [1] и В. Соколовский [2]. Ряд статей отечественных исследователей посвящен биографии и творчеству отдельных представителей британской славистики [3; 6; 9]. При этом стоит отметить, что для изучения их творческого наследия имеется достаточно хорошая источниковая база (работы славистов и биографические сведения о них в справочных изданиях) [4, с. 712; 5, с. 539].

Исходя из важности разработки данной проблемы и недостаточной ее изученности отечественными и зарубежными учеными мы считаем целесообразным уделить внимание следующим ее аспектам:

- 1) выявлению персоналий – ведущих славистов-литературоведов Великобритании второй половины XX в., внесших существенный вклад в развитие белорусоведения в этой стране, и определению причин их интереса к белорусской проблематике;
- 2) определению основных направлений и доминантной проблематики их исследований в эти годы на основе анализа специфики их главных работ (ключевые проблемы, источники, степень новизны);
- 3) определению роли анализируемых исследователей в разработке литературоведческого направления белорусоведения в Великобритании.

Лингвистические исследования занимали определяющее место в интеллектуальном наследии славистов-белорусоведов в Великобритании. Популяризация знаний о Беларуси, ее истории, языке и культуре была одной из главных целей зарубежных белорусских организаций. Из-за невозможности в советское время (прежде всего, по идеологическим причинам) пользоваться значительной частью разработок гуманитариев-филологов БССР белорусским интеллектуалам за рубежом приходилось заниматься собственными историческими и филологическими исследованиями и создавать свою традицию исследования белорусской проблематики, соответствующую их национальным, идеологическим, политическим потребностям, что отразилось в многочисленных статьях и монографиях, опубликованных за пределами Беларуси.

Тематика работ британских филологов затрагивала как традиционные проблемы белорусского литературоведения (история белорусской литературы, белорусская литература в контексте европейского культурно-исторического процесса), так и современные направления белорусского языкознания и литературоведения (состояние современного литературного языка, специфика генезиса и эволюции белорусской литературы, изменения отечественных литературных канонов, современная белорусская литература, литература диаспоры, значение литературных журналов в социально-политических изменениях в Беларуси XX в. и др.).

В Великобритании в XX в. значимые литературные работы появились в послевоенный период. Наиболее существенный вклад в исследование белорусской литературы внесли английские слависты Уолтер Мэй, Вера Рич, Ширин Акинер, Арнольд

Макмиллин, первые серьезные шаги исследовательской деятельности которых относятся к началу 1970-х гг.

Активное изучение белорусской литературы началось уже в 1960-ых гг. XX в. Одним из пионеров в этой области явился английский поэт, переводчик, автор девяти книг переводов белорусской лирики, создатель англоязычной антологии современной белорусской поэзии Уолтер Мэй (1912–2002). Работая преподавателем колледжа в Саусвике, У. Мэй заинтересовался поэзией Пушкина, а вслед за ней и всей русской классической поэзией. Более тысячи стихотворений и поэм, переведенных Мэйем, вошли в его первую «Антологию русской классической поэзии». В 1967 г. вышла вторая антология – «Избранное из советской поэзии на английском языке», в которую наряду с русскими советскими поэтами были включены и появились первые переводы У. Мэя стихотворений белорусских поэтов П. Бровки, А. Кулешова, П. Панченко, Е. Лось. Самые первые переводы Мэя (два стихотворения М. Танка) в 1968 г. опубликовал журнал Общества культурных связей «Англия – СССР». Затем переводчик обратился к произведениям классиков литературы – Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича [6, с. 4]. Среди работ У. Мэя следует отметить переводы белорусских сказок «Сидит медведь на колоде», детских стихотворений белорусских поэтов («Поход в зоопарк» А. Вольского, «Былина о космическом путешествии Муравья Бадини» М. Танка), книги В. Короткевича «Земля под белыми крыльями», поэмы К. Вереницына «Тарас на Парнасе».

Беларусь привлекла английского исследователя своей драматической историей, богатым культурным наследием, мужеством народа, которое он проявлял в нелегкие для своей земли исторические времена. В подготовке сборника «Моя прекрасная Белоруссия. Антология современной белорусской поэзии» («Fair Land of Byelorussia: An Anthology of Modern Byelorussian Poetry») – одной из самых полных антологий белорусской поэзии на иностранном языке – автору помог белорусский поэт Анатолий Вертинский, с которым Мэй тесно сотрудничал и поддерживал дружеские отношения [7]. Целью книги, как отмечал автор, была попытка донести до читателя яркость, красоту, правду, простоту и искренность, мужество и страдания, веру в будущее, отразившиеся в белорусской поэзии и белорусских людях – основных персонажах белорусской литературы [7, с. 354]. В антологии помещены стихотворения Э. Огнецвет, Н. Орочко, А. Острейко, Н. Аврамчика, А. Бачилы, М. Богдановича, Г. Бородулина, Д. Бичель-Загнетовой, П. Бровки, Г. Буравкина, А. Белевича, С. Дергая, В. Дубовки, Н. Гилевича, П. Глебки, С. Граховского, О. Ипатовой, В. Короткевича, 10 стихотворений Я. Коласа, К. Крапивы, А. Кулешова, 11 стихотворений Я. Купалы, О. Лойко, Е. Лось, М. Лужанина, П. Макаля, Н. Матяш, А. Пысина, А. Русецкого, Я. Сипакова, М. Танка, Е. Янищиц и др. Всего в книге представлены переводы произведений 59 авторов, даются краткие сведения о их жизни и творчестве. В 1986 г. в переводе У. Мэя выходит сборник стихотворений «The torch of fire» М. Танка, «великого поэта, с которым очень важно познакомить английского читателя» [8]. Во всех переводах Уолтер Мэй старался сохранить аутентичность авторской мысли, придерживаться стиля и средств выразительности белорусских поэтов.

Основным объектом переводческой деятельности У. Мэя стали произведения классиков белорусской литературы Я. Купала и Я. Колас. Еще в 1967 г. он мечтал донести до англоязычной аудитории чудесный дар слова Янки Купалы, «великого сына белорусского народа и всего человечества» [6, с. 3]. Именно Я. Купалу Мэй считает наиболее близким его сердцу поэтом, стихотворения которого в некоторой степени похожи на стихи шотландского поэта Роберта Бернса. Гуманизм купаловских стихов близок Мэю как поэту и как переводчику, поэтому он стал переводить произведения белорусского классика, чтобы познакомить с ними английских читателей [9, с. 4]. В книге «Стихотворения Only by Song» (М., 1982) помещены переводы 62 стихотворений Я. Ку-

палы; это и теперь самое полное собрание английских переводов классика белорусской литературы. Вторая книга переводов произведений Я. Купалы «Song to the Sun» (Minsk, 1982) включала в себя много купаловских стихотворений с параллельным переводом на русский язык.

В 1982 г. в Минске вышла переведенная У. Мэйем книга из 85 стихотворений Я. Коласа «Голос земли» («The voice of the land»). Возможно, под влиянием поэзии белорусских классиков книгу своих стихотворений (в переводе О. Лойко) автор назвал «Позняе жніво» (1982) [10]. Многие стихотворения в этом сборнике автор посвятил Беларуси («Нарочь», «Минску – 900», «Хатынь»), теме творчества («Игра и есть искусство», «Поэзия», «Переводческое кредо»), философским размышлениям о жизни («Счастье», «Песочные часы жизни»), любви («Первая любовь», «Любовь – это плод», «Сонет Венеры»). Достоинством переводов У. Мэя являются простота языка, ясность и четкость образов, сохранение их аутентичности.

При анализе переводов У. Мэя белорусский исследователь С.А. Скоморохова отмечает, что при всей уникальности творчества английского поэта и переводчика имеется ряд недостатков: отсутствие комментариев при передаче интертекста, не позволяющее англоязычному читателю понять некоторые импликации аллюзий; поэт, используя принципы реалистичного перевода, некоторые образы интерпретирует неправильно или передает посредственным поэтическим языком, искажая, таким образом, замысел автора произведения-оригинала; некоторые ошибки возникают из-за недостаточного знания У. Мэя белорусской культуры. Несмотря на эти минусы нельзя не отметить высокое качество переводов купаловских стихотворений, стремление автора к максимальной адаптации оригинала, ориентацию на англоязычную аудиторию и современный литературный процесс [11]. При всех недочетах переводы У. Мэя, пронизанные глубокой любовью к белорусской литературе, имеют большое значение в ознакомлении английских и англоязычных читателей с богатым литературным наследием Беларуси.

Переводами и исследованием белорусской литературы с конца 1950-х гг. стала заниматься Вера Рич (1936–2009). Она родилась и выросла в Англии в католической семье. В 1953 г., будучи учащейся католического лицея, В. Рич на экскурсии в белорусской каплице в Лондоне познакомилась с белорусским священнослужителем (позже епископом) Чеславом Сиповичем, ректором Белорусской католической миссии восточного обряда в Великобритании. Позже В. Рич познакомилась с о. А. Надсоном, Л. Горошко и другими религиозными деятелями, интересовавшимися белорусской культурой и языком. В Оксфордском университете Вера Рич изучала английскую литературу, тогда же под влиянием своего коллеги-украинца стала интересоваться украинским языком, перевела стихотворение Т. Шевченко на английский язык. Одновременно она стала переводить и белорусскую поэзию. В 1957 г. в газете «Бацькаўшчына» В. Рич опубликовала свой первый перевод – стихотворение Я. Купалы «На чужыне», а в 1958 г. свое стихотворение «На ўгодкі Слуцкага паўстанья». Так началась ее практически пятидесятилетняя работа как переводчика белорусской поэзии. Вера Рич принимала активное участие в жизни белорусской католической parrochii в Лондоне, мероприятиях Объединения белорусов в Великобритании, деятельности Англо-белорусского общества, Белорусской библиотеки и музея имени Ф. Скорины [12].

В 1960 г. в Лондоне вышел первый сборник поэзии В. Рич «Outlines» («Очертания»), в котором опубликованы 21 ее стихотворение, черыре песни, два перевода: «Песня званоў» (отрывок из поэмы Я. Коласа «Сымон-музыка») и поэма Т. Шевченко «Кавказские горы». В 1963 г. также в Лондоне вышел в свет второй сборник поэзии – «Portents and Images» («Знаки и образы»). В нем можно найти ее известное стихотворение «On the Anniversary of the Slucak Uprising» («На ўгодкі Слуцкае бітвы»), более ранняя версия которого была опубликована в первом сборнике. В книге можно найти ран-

ние переводы из М. Богдановича «Романс» («Зорка Венера») и «Посвящение» Я. Коласа (отрывок из поэмы «Сымон-музыка»).

В 1962 г. в основанном В. Рич литературном журнале «Manifold» (1962–1969, 1998) были опубликованы ее переводы стихотворений Я. Купалы «Устань» («Come, thou, then»), «Жня» («Reaping girl»), «Перад бурай» («Prelude to Storm»), «У начным царстве» («In the Kingdom of the Night»), «А хто там ідзе?» («Answer: Who Goes There?»), «Песня» («Song»). Во время редакторской деятельности В. Рич журнал заслужил репутацию одного из шести главных «маленьких» поэтических изданий в Великобритании.

В 70–80-е гг. XX в. поэтесса и переводчик писала многочисленные рецензии в англоязычные издания на произведения, связанные с белорусской историей и культурой. Вера Рич активно участвовала в поддержке диссидентов, антикоммунистических и антисоветских движений в странах Восточной Европы. Около 20 лет она была корреспондентом научно-популярного еженедельника «Nature» по СССР и Восточной Европе. Она освещала положение свободы слова в коммунистических и посткоммунистических странах. В. Рич одной из первых познакомила англоязычного читателя с независимой Республикой Беларусь, ее литературой, культурой, историей [12, с. 15].

В 1971 г. под эгидой ЮНЕСКО В. Рич подготовила книгу англоязычных переводов белорусской поэзии – первую в мире антологию белорусской поэзии на иностранном языке «Як вада, як агонь: Анталогія беларускай паэзіі ад 1828 г. па сённяшні дзень» («Like Water, Like Fire: An Anthology of Byelorussian Poetry from 1828 to the Present Day» [13]. Но в Советском Союзе по причине «неполиткорректности» эту книгу сняли с продажи. В работе представлено лучшее из белорусской поэзии: стихотворение П. Багрима, лирика М. Богдановича, творчество современных поэтов (Е. Лось, С. Граховского, Л. Гениуш, Н. Гилевича и др.). В книге было собрано наибольшее на то время количество переведенных произведений белорусских поэтов (Я. Купалы Ф. Богушевича, Тетки, М. Богдановича, З. Бядули, К. Крапивы, У. Дубовки и др.). В сборнике рассматривалось творчество и личность еще одного классика белорусской литературы – Я. Коласа. Вера Рич перевела многие его произведения: стихотворения «Да працы», «Рэзананс», «Голас зямлі», «Адлет журавоў», «Асадзі назад», «Вясна», «Наш родны край», «Мужык», «Родныя вобразы», «Тры жаданні», «Не бядуй», отрывки из поэм «Сымон-музыка», «Новая зямля». По ее словам, наибольшее впечатление произвела на нее поэма «Новая зямля», которую она сравнивала с древнеримскими трагедиями, с драмами и трагедиями У. Шекспира. Однако закончить перевод «Новай зямлі», всех поэтических произведений Я. Коласа В. Рич не успела.

В книге «Как вода, как огонь» прослеживается развитие белорусской поэзии с начала XIX в. до периода после «оттепели», выделяются основные этапы ее эволюции: 1) ранний период (1828–1905), когда белорусский язык подвергался жестоким репрессиям; 2) «Нашенивский» период (1906–1914) – плодотворный этап, когда поэзия становится разнообразной тематически и структурно (раннее творчество Я. Купалы и Я. Коласа, позднее творчество Тетки, короткий, но богатый творческий путь М. Богдановича); 3) годы приспособления (1917–1939), характеризующиеся тем, что литература переживала сложный исторический период революций, Первой мировой войны, сталинизма, когда поэты и писатели вынуждены были «приспосабливаться» к постреволюционной ситуации; 4) Западная Беларусь (1921–1939) (среди западнобелорусских авторов В. Рич отмечает В. Тавлая, М. Танка, Ф. Пестрака); 5) унификация и война (1939–1945) – новый расцвет поэзии, вызванный атмосферой волнения в объединенной в 1939 г. стране и трагическими военными событиями Второй мировой войны; 6) годы реконструкции (1945–1953), когда поэты играли важную роль в восстановлении страны в поствоенный период (А. Кулешов, М. Лужанин, А. Пысин, П. Макаль, К. Крапива, В. Витка и др.); 7) «оттепель» и период после 1954 г.: некоторые поэты (Я. Пуца,

В. Дубовка), бывшие в 1930-е гг. под запретом, вновь печатаются; в белорусскую поэзию приходят новые имена, она отличается тематическим разнообразием, а также новыми формами и приемами [13, с. 235–317]. Особую ценность в книге представляют комментарии, составленные переводчиком к каждому произведению, в научный аппарат своих исследований она включает зарубежные источники. Книга В. Рич не только способствовала распространению знаний о Беларуси, но и знакомила читателей со свежими идеями, новыми стихотворениями на белорусском языке наряду с английскими их эквивалентами и представляла собой профессиональный комплексный подход к переводу и анализу произведений белорусских писателей.

Как отмечает В. Рич, белорусская поэзия, родившаяся и процветающая в сложных условиях, достигла европейского уровня. «Силы белорусской поэзии – вода жизни, воды белорусских болот, рек и озер, воды жизни и смерти, ночные костры летних пастбищ, духовный огонь патриотической любви к родине» [13, с. 21–22]. Но именно переводчик должен эти «лирические воды» и «патриотический национальный огонь» показать в правильных словах и формах другого языка.

В 1971 г. в «Журнале белорусских исследований» был опубликован перевод поэмы «Тарас на Парнасе» В. Рич и Арнольда Макмиллина. А в 1982 г. Англо-белорусское общество издало двуязычную антологию («Снуецца зданяў рой»), куда были включены произведения трех выдающихся поэтов в переводе В. Рич, внесших огромный вклад в становление и развитие белорусской литературы XX века: А. Гаруна, М. Богдановича и З. Бядули [14]. Выбор этих трех авторов объясняется не только их талантом, индивидуальным творческим вкладом в литературную сокровищницу нашей страны, но и глубокой привязанностью к Беларуси, ее прошлому, настоящему и будущему. Как отметил А. Макмиллин в предисловии к книге, Беларусь заслуживает почетного места в европейской культуре именно благодаря своей богатой и живой поэзии, ярким и неповторим образам, которые «свободно роятся». Заслуга Веры Рич в этой работе в мастерской передаче форм и содержания оригинальных текстов с учетом авторского стиля, стремление как можно точнее передать идеи, мысли, переживания этих трех заслуженных писателей и поэтов [14, с. 16].

В 2002 г. в честь юбилея Купалы и Колоса в Минске в издательстве «Мастацкая літаратура» вышла книга сонетов Янки Купалы в оригинале и в переводе на семь европейских языков «Yanka Kupala. Sanety. In Belarusian, English, Spanish, German, Polish, Russian, Ukrainian and French». Все 22 сонета по просьбе составителя книги В. Рогойши перевела на английский язык Вера Рич. Ее переводы получили высокую оценку специалистов-филологов в Беларуси [15, с. 119–127].

В 2004 г. вышел новый сборник белорусской поэзии в переводе В. Рич – «Poems on Liberty: Reflections for Belarus» («Стихи свободы: Размышления о Беларуси») [16]. Книга состоит из 122 стихотворений: белорусском на языке и в английском переводе. Эти стихотворения были присланы в 2001 г. на Радио Свобода в рамках программы «Верш на Свабоду». В обзоре-предисловии «Песни – Вздохи – Свободы», адресованном прежде всего иностранному читателю, Вера Рич останавливается на некоторых вопросах поэтического перевода с белорусского языка на английский, отмечая, что Беларусь разделяет с другими европейскими народами наследие общеевропейской культуры (символическое использование природных циклов, библейские образы и т.д.). Она знакомит читателя с некоторыми элементами белорусского национального мировоззрения, объясняет значимость для белорусской истории г. Вильно и таких фигур, как, например, Ф. Скорина. Также В. Рич рассказывает об особенностях семантики и этимологии таких слов, как «свабода», «воля», «Радзіма», «Бацькаўшчына», поясняет дуализм «царква – касцёл» [16, с. 5–12]. Среди авторов, воспевающих Беларусь и ее стремление к свободе, чьи стихотворения вошли в книгу, можно увидеть как классиков бело-

русской литературы: В. Орлова, Д. Бичель, Г. Буравкина, Н. Гилевича, М. Лужанина, Г. Бородулина, – так и более молодых и не менее талантливых поэтов. В. Рич справедливо считала перевод не механическим воспроизведением, а искусством. Поэтому она старалась, тщательно анализируя индивидуальный стиль каждого автора, сохранить форму оригинала, рифму, что является ее несомненной заслугой и свидетельством ее переводческого и литературоведческого мастерства.

В. Рич активно исследовала белорусскую литературу, что нашло отражение и в ряде литературоведческих статей. Например, в статье «М. Багдановіч у беларускай літаратуры» она высказывает свое убеждение в том, что именно молодой поэт М. Богданович дал новый, «европейский» толчок в развитии белорусской литературы [17]. В статье «Права – асліная справа: “Пінская шляхта” як прыклад жанру камічнага перасуду» автор описывает некоторые характерные черты «комического пересуда» в английской литературе и пытается найти параллели с комедией В. Дунина-Марцинкевича [18].

Литература белорусской эмиграции, которая до сих пор остается не до конца изученной страницей литературного процесса XX в., но чья роль в развитии национальной идеи и проблематики была весьма значима, привлекала многих исследователей-белорусоведов. В. Рич была одним из пионеров ее исследования за рубежами нашей страны. В статье «Белорусская поэзия в эмиграции, 1945–1990» она дает краткий обзор белорусской литературы послевоенной эмиграции и творчества наиболее видных ее представителей [19]. При этом автор отмечает, что на протяжении нескольких десятилетий литература послевоенной эмиграции развивалась отдельно, а не как составная часть литературного процесса Беларуси, долгое время находившегося под идеологическим прессингом. В. Рич делает попытку прогноза развития поэзии белорусского зарубежья на столетие, предполагая, что ряд поэтов могут стать частью классики белорусской литературы [19, с. 62–70].

Многочисленные стихотворения В. Рич хранятся в виде рукописей в Библиотеке имени Ф. Скорины в Лондоне. Переводы белорусской поэзии на английский язык, лекции по славянским языкам в Бирмингемском университете, подробные комментарии к сборникам стихотворений, в которых представлены творческие портреты талантливых и значимых фигур белорусской литературы, создание антологии белорусской поэзии на английском языке, исследования в области белорусской литературы и ее истории – вот неполный список заслуг, свидетельствующий, что Веру Рич, поэта, переводчика, литературоведа, можно по праву назвать популяризатором белорусской культуры, в частности литературы, на Западе. Талант В. Рич как переводчика особо отмечает британский славист Арнольд Макмиллин: «Яна адзіны чалавек, які меў талент перакладаць паэзію так, каб атрымалася таксама паэзія» [20].

Значительный вклад в развитие белорусоведения в Великобритании, в частности филологического его направления, внесла Ширин Акинер – британский исследователь, преподаватель Университетского колледжа в Лондоне, член Англо-белорусского общества. Она научный сотрудник Королевского института международных отношений, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, директор Центральноазиатского форума в Школе изучения стран Востока и Африки Лондонского университета. Родилась Ш. Акинер в Декке (Бангладеш) – исторической столице Бенгалии. В детстве с семьей много путешествовала, училась в школах нескольких стран. После переезда в Москву она стала больше интересоваться академической работой, начала изучать русский язык и литературу и турецкий язык как дополнительный. Получив степень бакалавра, Ш. Акинер занялась написанием докторской диссертации «Религиозный словарь белорусских татар», которую защитила в 1980 г. Она автор нескольких белорусоведческих публикаций, большая часть из которых посвящена белорусским аль-китабам. В 1975–1983 гг. Ш. Акинер читала лекции по белорусове-

дению, организованные Англо-белорусским обществом: «Татарскія пасяленьні ў Беларусі», «Сучасныя беларускія пісьменьнікі ў Польшчы», «Новыя беларускаведныя публікацыі ў СССР», «Парадак лічэбнікаў у беларускай мове» и др. [1, с. 436–437, 495–498].

Творчеством белорусских писателей Польши, литературного объединения «Беловежа» Ш. Акинер заинтересовалась во второй половине 1970-х гг. Она исследовала литературное и социологическое значение белорусской литературы Польши в сохранении белорусского языка. Автор представляет историко-культурологические предпосылки и направления развития белорусскоязычной литературы Польши, отмечает, что отличительными чертами литературы польских белорусов было большое разнообразие художественных форм и тем, развитие индивидуального стиля. Однако, по ее мнению, можно выделить две доминантные темы в творчестве большинства авторов: гордость за свое культурное и национальное наследие и разрыв между городской и сельской жизнью, который представляет собой социально-интеллектуальный барьер между младшим и старшим поколениями. Село олицетворяет для писателей и поэтов красоту, традиционные этнические ценности – город воспринимается как угроза, чужая культура. Это разделение авторы воспринимают как личный внутренний конфликт: переехав из села в город, они чувствуют потерю своих корней и разрыв с родной землей [21, с. 8].

Среди польских белорусов, которых Ш. Акинер выделяет в своей книге, оказались как представители старшего поколения (А. Борщевский, Я. Бурш, В. Швед, С. Янович, Я. Чиквин, В. Гайдук, Д. Шатылович), так и писатели, чье творчество не так широко известно, однако не менее значимо для развития белорусской литературы в Польше (М. Гайдук, В. Павлючук, С. Вахурка, Ю. Гениуш, В. Сclubовский и др.) [21]. Все эти писатели начали новый этап в истории белорусской литературы. Вторая волна белорусской литературы Польши представлена молодым поколением поэтов и писателей, которые дебютировали в 1970-х гг. Ш. Акинер говорит о различиях между молодыми белорусскими советскими и белорусскими польскими писателями. Белорусских писателей Польши отличает отражение в творчестве индивидуального восприятия жизни, внутреннего мира и влияние на их профессию традиций польской литературы. Наиболее известными среди них являются Н. Артимович, М. Сакович, К. Бондарук, Ю. Баена, З. Сачко, И. Киризюк. Они смело экспериментировали с формой и языком, используя вместо литературного языка местные диалекты. По мнению Ш. Акинер, некоторые белорусские писатели в Польше заслуживают большего признания, «их вера в родное наследие не имеет легкого успеха», «их непреклонность в своих взглядах и позиции увеличивает ценность собственных творческих достижений» [21, с. 23].

Книга Ш. Акинер «Современные белорусские писатели в Польше» – удачная попытка анализа истории появления, развития и значимости такого явления в белорусской культуре, как литература польских белорусов, содержательного обзора творчества наиболее ярких и талантливых представителей того течения, которое во многом способствовало сохранению белорусской культуры за рубежом.

Интерес исследователя к белорусским писателям в Польше не ограничился этим исследованием. В 1984 г. была опубликована книга талантливого писателя Белосточкины Сократа Яновича «Миниатюры», которую она перевела и редактировала. Во введении Ш. Акинер помещает сведения из биографии, рассказывает о творческом пути и достижениях польского белоруса, рассматривает жанры, которые стали его «личными», и темы, которые он наиболее часто затрагивал в своих произведениях. Ш. Акинер пишет о широком признании С. Яновича в белорусских и польских литературных кругах. Она отмечает, что С. Янович по праву считается именно белорусским писателем не только потому, что пишет на белорусском языке, но и потому, что он искренне осознает свою белорусскую идентичность и повествует о людях не из чувства долга, а из своих внутренних убеждений [22, с. 10–15]. Не обошла вниманием исследователь

и значительную роль, которую сыграло Белорусское общественно-культурное общество в Польше, основанное в 1956 г., в «развитии белорусского культурного и лингвистического сознания» в этой стране [22].

Арнольд Макмиллин занимает, пожалуй, наиболее видное место в когорте британских славистов этого поколения. Профессор Арнольд Макмиллин – доктор славянской филологии (1971), один из самых уважаемых, продуктивных исследователей белорусской литературы на Западе. Еще Р. Бородулин назвал его «английским белорусом» [23, с. 13]. Он известен как специалист во многих областях белорусской культуры: языкознании, истории, литературе, переводе. А. Макмиллин принадлежит к ряду активных популяризаторов белорусской культуры на Западе, в частности нашей белорусской литературы. Свою научную деятельность ученый посвятил главным образом исследованию путей развития белорусской литературы. В 1964 г. он окончил Лондонский университет по специальности «Русский язык и литература», и в том же году он приступил к докторской диссертации «Лексика белорусской литературы и языка в XIX в.». Во время написания диссертации в 1964–1965 гг. английский ученый впервые посетил Минск, в частности, Институт языкознания Академии наук. В Минске А. Макмиллин познакомился с А. Мальдисом и Г. Киселевым. С первых дней знакомства с тогда еще Советской Белоруссией А. Макмиллин был впечатлен белорусскими людьми, их добротой. Впоследствии ученый неоднократно приезжал в Минск, познакомился и подружился с многими белорусскими писателями, например, с В. Быковым и Р. Бородулиным.

С 1987 г. Арнольд Макмиллин был профессором русского языка Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, в 1976–1987 гг. – заведующим отделением русской филологии Ливерпульского университета (читал лекции по белорусоведению в сравнительном курсе славянской филологии), в 1970–80-е гг. членом комитета Британской университетской ассоциации славистов, представителем Международного комитета славистов от Великобритании, вице-президентом Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур, с 1981 г. – вице-президентом Англо-белорусского общества.

Он участвовал в работе международных конгрессов славистов (Варшава, 1973; Загреб, 1978; Киев, 1983), международных конференций под эгидой ЮНЕСКО по белорусской тематике: «Славянскія культуры і суветны культурны прагрэс» (Минск, 1982), «Нярускія мовы і літаратуры ў Савецкім Саюзе» (Макмастер, 1976), «Дастаеўскі і суветная літаратура» (Мюнхен, 1981), конференций, посвященных 100-летию со дня рождения Я. Купалы и Я. Коласа (Лондон, 1982), 100-летию со дня рождения З. Бядули и А. Гаруна (Лондон, 1986), 500-летию со дня рождения Ф. Скорины (Лондон, 1985), международных симпозиумов. А. Макмиллина часто с лекциями приглашают многие университеты Европы, Америки, Ближнего Востока.

Известен Макмиллин и как редактор: с 1966 по 1971 г. он возглавлял «Journal of Belarusian Studies» («Журнал белорусских исследований»), в 1979–87 гг. «Modern Languages Review» («Обзор современных языков»), в 1995 г. редактировал «Occasional Papers in Byelorussian Studies» («Непериодические ученые записки белорусских исследований»). Он также входил в состав редакционных коллегий более десяти славистических изданий, является сотрудником Белорусской библиотеки имени Ф. Скорины в Лондоне. Макмиллин много внимания уделяет знакомству англоязычного мира с духовной культурой белорусов, что нашло отражение в его многочисленных выступлениях, лекциях по белорусской тематике во многих университетах мира, статьях, обзорах в различных журналах и других изданиях [5, с. 539]. Сегодня работы Арнольда Макмиллина представляют для белорусской культуры большую ценность и как историко-литературоведческие источники, и как образец независимого видения зарубежным ученым сложных явлений белорусской культуры. Благодаря его исследовательским и на-

учно-популярным работам беларуская літаратура стала вядома не толькі ў Вялікабрытаніі, але і ў іншых краінах свету.

Заклученне

Такім чынам, аналіз творчасці У. Мэя, В. Рыч, Ш. Акінер, А. Макміліна дазваляе гаварыць аб іх значнай ролі ў зародку і развіцці беларусаведання ў Вялікабрытаніі. Яны першымі заняліся аналізам і сістэмнай ацэнкай літаратуры беларускага замежжя, якая па ідэалагічным прычынам заставалася малознамай старонкай гісторыі; удзелілі ўвагу тым пісатэлям і паэтам, якія не знайшлі належнай сістэмнай ацэнкі ў афіцыйным савецкім беларускім літаратыведанні. Іх ацэнкі прадзвіжэнняў прызнаных класікаў былі крытычна жорсткімі, што сапраўды расхілялася з ацэнкамі афіцыйнага літаратыведання ў БССР. І (што больш важна) гэтыя даследчыкі пазнамаклі заходняе (брытанскае) грамадства з беларускай літаратурай як значнай часткай беларускай культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гардзіенка, Н. Беларусы ў Вялікабрытаніі / Н. Гардзіенка ; пад рэд. А. Гардзіенкі. – Мінск : Медысонт, 2010. – 620 с.
2. Сакалоўскі, У. Л. Беларуская літаратура ў даследаваннях заходнеўрапейскіх славістаў / У. Л. Сакалоўскі // Славяне: адзінства і многаствасць : міжнар. канф., Мінск, 24–27 мая 1990 г. : тэз. дакл. і паведамленняў / рэдкал.: М. В. Бірыла (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелНДІНТІ, 1990. – С. 66–67.
3. Арлоў, У. Пра Веру Рыч / У. Арлоў // Крыніца. – 1996. – № 3. – С. 45–47.
4. Казыра, Л. А. Мэй Уолтэр / Л. А. Казыра // Энцыкл. літ. і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1984. – Т. 3. – 751 с.
5. Сакалоўскі, У. Л. Макмілін (McMillin) Арнольд Барат / У. Л. Сакалоўскі // Беларус. энцыкл. : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1999. – Т. 9 : Кулібін – Малаіта. – 560 с.
6. Семяжон, Я. Наш друг з Брытаніі / Я. Семяжон // ЛіМ. – 1967. – 29 жніўня. – С. 3.
7. Fair Land of Byelorussia: An Anthology of Modern Byelorussian Poetry / transl. Walter May. – М. : Progress Publishers, 1976. – 368 p.
8. Tank, M. (1912–1995). The torch of fire / M. Tank / transl. Walter May. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1986. – 143 p.
9. Папоў, Ю. «Прымі маю падзяку, шчодры лес...». Інтэрв'ю з англійскім паэтам і перакладчыкам Уолтэрам Мэем / Ю. Папоў // ЛіМ. – 1984. – 31 жніўня. – С. 4.
10. Мэй, У. Позняя жніво : вершы / пер. з англ. ; праім. А. Лойкі. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 110 с.
11. Скамарохава, С. А. Праблемы перакладу беларускай паэзіі на англійскую мову: В. Рыч, У. Мэй : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.08 ; 18.05.05 / С. А. Скамарохава ; Ін-т літ. ім. Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – 20 с.
12. Зайка, Віталь. Сьв. пам. Вера Рыч (24.04.1936 – 20.12.2009) / Віталь Зайка // Беларус. – Сьнежань 2009 – Студзень 2010 (№ 563–564). – С. 15.
13. Like water, like fire: an anthology of Byelorussian poetry from 1828 to the present day / transl. by Vera Rich. – London : George Allen & Unwin, 1971. – 347 p.
14. The images swarm free: a bi-lingual selection of poetry by Maksim Bahdanovic, Ales Harun and Zmitrok Biadula / transl. from the Byelorussian by Vera Rich ; ed. by Arnold

McMillin ; The Anglo-Byelorussian Society. – London : The Anglo-Byelorussian Society, 1982. – 135 p.

15. Кабржыцкая, Т. В. З удзячнасцю пра Веру Рыч – англамоўнага перакладчыка Купалавых твораў, украінскай і беларускай літаратур / Т. В. Кабржыцкая // Янка Купала: Дыялог з XXI стагоддзем : Х Міжнар. Купалаўскія чытанні, прысвеч. 130-годдзю з дня нараджэння народнага паэта Беларусі Янкі Капалы : матэрыялы навук. канф., Мінск, 20–21 чэрв. 2012 г. / БДПУ ; уклад. А. С. Дражына, А. Р. Ляшковіч ; рэд. кал.: В. П. Рагойша (гал. рэд.). – Мінск, 2013. – С. 119–127.

16. Poems on liberty: Reflections for Belarus / transl. Vera Rich. – Washington : Radio Free Europe ; Radio Liberty, 2004. – 312 p.

17. Rich, Vera. Maksim Bahdanovic in Byelorussian literature / Vera Rich // The Journal of Byelorussian Studies. – 1965. – № 6. – P. 36–50.

18. Рыч, В. Права – асліная справа: «Пінская шляхта» як прыклад жанру камічнага перасуду / В. Рыч // Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч у еўрапейскім кантэксце : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 200-годдзю Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча, Мінск, 5–6 лют. 2008 г. / рэдкал.: В. А. Максімовіч (наук. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – С. 72–76.

19. Rich, Vera. Belarusian poetry in emigration, 1945–1990 / Vera Rich // The Role of the Belarusian Diaspora in Preserving and Developing Belarusian Culture : матэрыялы міжнар. канф., Лондан, 29–30 верас. 2001 г. / уклад.: І. Іваноў, І. Лабацэвіч. – Мінск : БелФранс, 2004. – 109 с.

20. Скобла, Міхась. Арнольд Макмілін: Я згодны быць амбасадарам Беларусі [Электронны рэсурс] / Міхась Скобла // Радые свабода. – 2016. – Рэжым доступа: <http://www.svaboda.org/a/27730409.html>. – Дата доступа: 12 траўня 2016.

21. Akiner, Šyryn. Sučasnyja bielaruskija piśmieńniki ū Polšcy / Šyryn Akiner ; pierakład z anhielskaje movy Jarasłaŭ Janovič. – Bielastok : Haradzki dom kultury, 1982. – 22 s.

22. Janovič, Sakrat. Miniatures / Sakrat Janovič / ed. and transl. by Shirin Akiner. – London : The Anglo-Byelorussian Society, 1984. – 91 p.

23. Шапран, Сергей. Наш человек в Лондоне / Сергей Шапран // Ніва. – 2005. – 15 апр. – С. 13.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2016

Dud'ko A.D. Research in Belarusian studies by the British Slavists of the second half of the XXth – beginning of the XXI cen. (W. May, V. Rich, S. Akiner, A. McMillin)

The focus of our attention – the UK Slavists who specialized in the study of the history of Belarusian literature as an integral part of culture of Belarus (W. May, V. Rich, S. Akiner, A. McMillin). The works of these researchers are distinguished, above all, by a detailed study of a broad historical and cultural context and a good knowledge of Belarusian culture. The topicality of studying these aspects of foreign Belarusian studies is determined by a lack of a comprehensive assessment of their contribution to the study and promotion of Belarusian culture in the West. The causes of their interest in Belarusian issues are defined; the main areas of their literary research in those years are highlighted basing on a thorough analysis of their key works. The conclusion is made that the scientific works of the above-mentioned philologists, despite the skeptical and mixed reviews in the official historiography and historical-cultural traditions of the BSSR, played a significant role in the acquaintance of a West European reader with the Belarusian language, literature, culture and history

УДК 336.761.3

И.М. Граник¹, М.П. Мишкова²

¹канд. экон. наук, доц., доц. каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета

²магистр экон. наук, ст. преподаватель каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ АНАЛИЗ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Проведен анализ показателей рентабельности организации в условиях применения в Республике Беларусь международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Рассмотренные в статье возможности оптимизации рентабельности с использованием МСФО позволят организации повысить свою конкурентоспособности не только на территории страны, но и за ее пределами. На уровень и динамику показателей рентабельности влияет вся совокупность финансово-хозяйственных факторов: уровень организации производства и управления; структура капитала и его источников; степень использования производственных ресурсов; объем, качество и структура продукции; затраты на производство и себестоимость изделий; прибыль по видам деятельности и направления ее использования. По их динамике можно судить о вероятности выживания организации в конкурентной борьбе на рынке.

Введение

Расширение участия Республики Беларусь в мировой экономической интеграции выдвигает новые задачи перед национальной экономической системой и требует принятия системных мер, направленных на обеспечение высокого уровня сопоставимости, надежности и достоверности финансовой информации в различных секторах экономики, с целью привлечения инвестиций, в том числе иностранных.

В качестве основного инструмента реформирования национальной экономической учетной системы приняты международные стандарты финансовой отчетности (МСФО). Применение МСФО определено следующими причинами.

Во-первых, современные рыночные отношения определяют особые условия использования экономической и финансовой информации для получения сведений о реальном составе имущества организации и прежде всего о ее финансовом состоянии.

Во-вторых, для привлечения в экономику страны иностранных инвестиций необходимо создание системы информации, понятной для инвестора, а система МСФО содержит все необходимые инструменты.

В-третьих, МСФО представляет собой систему показателей, принятых в экономике европейских государств, что позволяет использовать ее в качестве международно-го экономического языка.

С учетом указанных причин МСФО представляет собой систему обеспечения достоверной и полезной для принятия экономических решений информации о финансовом состоянии и финансовых результатах деятельности организации с целью обеспечения поступления иностранных инвестиций.

В системе показателей эффективности деятельности организации важнейшее место принадлежит рентабельности. Для инвестора с точки зрения МСФО рентабельность представляет собой такое использование средств, при котором организация не только покрывает свои затраты доходами, но и получает прибыль. Доходность организаций может быть оценена при помощи как абсолютных, так и относительных показателей. Абсолютные показатели выражают прибыль и измеряются в стоимостном выражении, а при использовании МСФО возможно отражение в сопоставимых денежных единицах.

Так, например, если организация рассматривает вопрос привлечения европейского инвестора, то в качестве денежной единицы используется евро.

Показатели рентабельности, являясь показателями относительными, позволяют определить доходность без обязательной привязки к конкретной денежной единице. Таким образом, они представляют собой информационную систему, понятную для инвесторов как внутри страны, так и за ее пределами, т.е. данные показатели являются, на наш взгляд, наиболее важными для адаптации информации по системе МСФО.

Посредством анализа показателей рентабельности возможно оценить влияние уровня организации производства и управления; структуру капитала и его источников; степень использования производственных ресурсов; объем, качество и структуру продукции; затраты на производство и себестоимость конкретных изделий; прибыль по видам деятельности и направления ее использования.

Таким образом, система показателей рентабельности – это информационная система, определяющая итоги деятельности организации и ее место в конкурентном рыночном окружении, позволяющая инвесторам получать достоверную информацию, которая будет способствовать эффективному привлечению и использованию инвестиций без дополнительной системы анализа коэффициентов и показателей, несовместимых с МСФО.

Для оптимизации расчетов с учетом применения МСФО рассмотрим основные показатели, применяемые для анализа рентабельности как в стране, так и за ее пределами. На наш взгляд, возможность анализа данных показателей позволит организации не только создать приемлемую информационную систему для инвесторов различных уровней, но и целенаправленно влиять на финансовые результаты и хозяйственную устойчивость, повысить вероятность ее выживания в конкурентной борьбе на рынке. Такими показателями, на наш взгляд, являются рентабельность производства, рентабельность оборота, рентабельность текущих активов, рентабельность собственного капитала. Проведя анализ этих показателей и определив факторы, оказывающие максимальное влияние на их изменение, получим возможность принятия оптимальных управленческих решений в части адресных инвестиций в конкретное направление деятельности, вид продукции, услугу или работу.

Поэтапный расчет основных показателей с использованием национальных стандартов, адаптированных к стандартам МСФО

Для того чтобы провести анализ рентабельности производства, нам необходимы следующие данные: прибыль предприятия, среднегодовая стоимость основных средств (далее – ОС) и оборотные средства. Эти данные можно взять из отчета о прибылях и убытках, баланса организации.

Определим *рентабельность производства* как отношение прибыли организации к сумме среднегодовой стоимости ОС и нормируемых оборотных средств. Рассчитаем данный показатель для условной организации на 2014 и 2015 гг.

По данным бухгалтерского баланса, стоимость ОС на начало 2014 г. составляла 110 526 млн руб., на конец года – 117 332 млн руб. Средняя величина ОС за 2014 г. составила 113 929 млн руб.: $ОПФ\ 2014 = (110\ 526 + 117\ 332) / 2 = 113\ 929$ млн руб.

Аналогичным образом рассчитывается сумма ОС за 2015 г. Она составит 174 802 млн руб.

Стоимость оборотных средств на начало 2015 г. составляла 1 981 млн руб., на конец года – 2 023 млн руб. Средняя стоимость оборотных средств составит 2 002 млн руб.: $НОС\ 2015 = (1\ 981 + 2\ 023) / 2 = 2\ 002$ млн руб. За 2015 г. средняя стоимость оборотных средств составит 2 292 млн руб.

$$Ri\delta_{2014} = \frac{\dot{I}\dot{i}}{(\dot{I}\dot{I}\dot{O} + \dot{I}\dot{I}\dot{N})} \times 100\% = \frac{898}{(113\,929 + 2\,002)} \times 100\% = 0,78\%, \quad (1)$$

$$Ri\delta_{2015} = \frac{\dot{I}\dot{i}}{(\dot{I}\dot{I}\dot{O} + \dot{I}\dot{I}\dot{N})} \times 100\% = \frac{801}{(174\,802 + 2\,292)} \times 100\% = 0,45\%, \quad (2)$$

где Rnp – рентабельность производства; $Пп$ – прибыль предприятия; $ОПФ$ – среднегодовая стоимость основных производственных фондов; $НОС$ – нормируемые оборотные средства.

На основании произведенных расчетов можно заключить, что в 2015 г. организация снизила уровень использования ОС и оборотных средств по сравнению с 2014 г. на 0,33%. Данное изменение было вызвано увеличением стоимости основных средств организации и снижением прибыли в 2015 г.

Рентабельность оборота определим как отношение прибыли организации к выручке от реализации продукции. Этот показатель характеризует эффективность производственной и коммерческой деятельности организации. Рентабельность оборота можно рассчитывать как в целом по организации, так и по отдельным видам продукции:

$$Ri_{2014} = \frac{\dot{I}\dot{i}}{\dot{A}} \times 100\% = \frac{898}{5\,739} \times 100\% = 15,65\%, \quad (3)$$

$$Ri_{2015} = \frac{\dot{I}\dot{i}}{\dot{A}} \times 100\% = \frac{801}{7\,297} \times 100\% = 10,98\%, \quad (4)$$

где Ro – рентабельность оборота; $Пп$ – прибыль организации; B – выручка от реализации.

Проведя анализ рассчитанных показателей, можно увидеть, что в 2014 г. организация получила 15,65% прибыли с рубля продаж. В 2015 г. данный показатель сократился на 4,67% и составил 10,98% прибыли, получаемой с рубля продаж.

Рентабельность текущих активов определим по формуле как отношение чистой прибыли предприятия к сумме средней величины текущих активов. Текущие активы – это оборотные активы. Сумма текущих активов равна итогу по II разделу актива:

$$R\delta.a_{2014} = \frac{\dot{I}\dot{i}}{\dot{O}\dot{A}} \times 100\% = \frac{682}{2\,002} \times 100\% = 34,07\%, \quad (5)$$

$$R\delta.a_{2015} = \frac{\dot{I}\dot{i}}{\dot{O}\dot{A}} \times 100\% = \frac{657}{2\,292} \times 100\% = 28,66\%, \quad (6)$$

где $Rm.a.$ – рентабельность текущих активов; $Пч$ – чистая прибыль организации; $ТА$ – текущие активы.

Рентабельность текущих активов в 2014 г. по сравнению с 2015 г. снизилась на 5,41%. Это изменение было обусловлено сокращением чистой прибыли организации и ростом среднегодовой стоимости текущих активов. Данный показатель характеризует эффективность хозяйственной деятельности организации, а рассчитанные данные свидетельствуют о менее эффективном ведении деятельности организации в 2015 г.

Рентабельность собственного капитала определяется как отношение чистой прибыли к величине собственного капитала на определенную дату (среднюю за период). Собственный капитал равен итогу по разделу III пассива.

В бухгалтерском балансе организации собственный капитал за 2014 г. на начало периода составлял 115 204 млн руб., на конец – 116 517 млн руб. Средняя величина за 2015 г. составляет 115 860,5 млн руб.: $СК = (115\,204 + 116\,517) / 2 = 115\,860,5$ млн руб. За 2015 г. собственный капитал составит 174 459,5 млн руб.

$$R_{с.к.2014} = \frac{Пч}{СК} \times 100\% = \frac{682}{115860,5} \times 100\% = 0,59\%, \quad (7)$$

$$R_{с.к.2015} = \frac{Пч}{СК} \times 100\% = \frac{657}{174459,5} \times 100\% = 0,38\%, \quad (8)$$

где $R_{с.к.}$ – рентабельность собственного капитала; $Пч$ – чистая прибыль предприятия; $СК$ – собственный капитал.

Полученные данные расчета говорят о снижении показателя рентабельности собственного капитала на 0,21%; в 2014 г. данный показатель составил 0,59%, в 2015 г. – 0,38%. Таким образом, в 2014 г. организация эффективнее использовала собственный капитал.

Рентабельность совокупного капитала исчисляется отношением брутто-прибыли до выплаты процентов и налогов к среднегодовой стоимости всего совокупного капитала. При этом под общим (совокупным) капиталом понимаются средства, которыми располагает субъект хозяйствования для осуществления своей деятельности с целью получения прибыли. Сумма совокупного капитала представляет собой общую стоимость имущества предприятия, сформированного за счет как собственных, так и заемных средств, т.е. общий нетто-баланс. По данным бухгалтерского баланса, средняя величина совокупного капитала за 2014 г. составляет 115 931 млн руб., за 2015 г. – 177 101,5 млн руб.

$$R_{сов}2014 = \frac{БП}{К_{сов}} \times 100\% = \frac{898}{115931} \times 100\% = 0,78\%, \quad (9)$$

$$R_{сов}2015 = \frac{БП}{К_{сов}} \times 100\% = \frac{801}{177101,5} \times 100\% = 0,45\%, \quad (10)$$

где $R_{сов}$ – рентабельность совокупного капитала; $БП$ – брутто-прибыль организации; $К_{сов}$ – совокупный капитал.

Показатель рентабельности совокупного капитала отражает, сколько прибыли зарабатывает организация на рубль совокупного капитала, вложенного в его активы. По данным организации, показатель рентабельности совокупного капитала в 2014 г. составил 0,78%, в 2015 г. – 0,45%. Из этого следует, что в 2015 г. организация имела прибыли на рубль совокупного капитала на 0,33% меньше, чем в 2014 г.

Рассчитав все необходимые показатели, проведем **факторный анализ рентабельности реализованной продукции**. При анализе факторов изменения рентабельности реализованной продукции, определяемой как отношение прибыли к себестоимости; на рентабельность будут влиять прибыль и себестоимость (затраты) реализованной продукции. Для анализа рентабельности продукции необходимы данные баланса организации и отчета о прибылях и убытках (таблица).

Таблица. – Динамика коэффициента ликвидности денежного потока

Наименование показателей	Значение показателей		Отклонение, +, –
	2014 г.	2015 г.	
Выручка от реализации продукции, млн руб.	5 739	7 297	1 558
Полная себестоимость, млн руб.	4 931	6 589	1 658
Цена ед. продукции, тыс. руб.	1 187,953	1 351,797	163,844
Себестоимость ед. продукции, тыс. руб.	1 020,700	1 220,637	199,937
Объем реализованной продукции	4 831	5 398	567
Прибыль от реализации продукции, млн руб.	808	708	–100
Рентабельность продукции	16,4	10,8	–5,6
Рентабельность продаж	14,1	9,7	–4,4

Расчет влияния факторов первого уровня на изменение рентабельности в целом по организации можно выполнить способом цепной подстановки.

$$Ri\delta = \frac{\dot{I}\dot{r}\delta}{C\dot{r}\delta} \frac{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta}, \dot{O}\dot{r}\delta, C\dot{r}\delta)}{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta}, C\dot{r}\delta)} = \frac{808}{4931} \times 100 = 16,4\%, \quad (11)$$

$$Roi\delta = \frac{\dot{I}\dot{o}\dot{n}\dot{e}1}{C\dot{o}\dot{n}\dot{e}1} \frac{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta}, \dot{O}\dot{r}\delta, C\dot{r}\delta)}{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta}, C\dot{r}\delta)} = \frac{902,832}{5509,739} \times 100 = 16,4\%, \quad (12)$$

$$Roi\delta 3 = \frac{\dot{I}\dot{o}\dot{n}\dot{e}3}{C\dot{o}\dot{n}\dot{e}3} \frac{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta}, \dot{O}\dot{r}\delta, C\dot{r}\delta)}{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta}, C\dot{r}\delta)} = \frac{1787,262}{5509,739} \times 100 = 32,44\%, \quad (13)$$

$$Ri\delta \div = \frac{\dot{I}\dot{r}\delta \div}{C\dot{r}\delta \div} \frac{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta \div, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta} \div, \dot{O}\dot{r}\delta \div, C\dot{r}\delta \div)}{(\dot{r}\delta \dot{V}\dot{D}\dot{I}\dot{r}\delta \div, \dot{O}\dot{a}\dot{i}\dot{\delta} \div, C\dot{r}\delta \div)} = \frac{708,002}{6588,999} \times 100 = 10,8\%. \quad (14)$$

Анализ показателя рентабельности продукции на основании факторной модели показывает, что уровень рентабельности в 2014 г. выше уровня рентабельности 2015 г. на 5,6%:

$$\Delta R_{обц} = R_{отч} - R_{np} = 10,8 - 16,4 = -5,6. \quad (15)$$

Это произошло наряду с прочим за счет изменения:

- 1) объема реализованной продукции $\Delta R_{ВП} = R_{усл1} - R_{П} = 16,4 - 16,4 = 0$;
- 2) удельного веса продукции $\Delta R_{уд} = R_{усл2} - R_{усл1} = 16,4 - 16,4 = 0$;
- 3) цены продукции $\Delta R_{ц} = R_{усл3} - R_{усл2} = 32,4 - 16,4 = 16\%$;
- 4) себестоимости продукции $\Delta R_{с} = R_{отч} - R_{усл3} = 10,8 - 32,4 = -21,6\%$.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на уровень рентабельности на +16% повлияло увеличение уровня цен на 163,844 тыс. руб. Отрицательно на уровень рентабельности на -21,6% повлияло увеличение себестоимости продукции на 199,937 тыс. руб. Увеличение объема реализованной продукции, а также удельный вес продукции не оказали влияния на изменение уровня рентабельности продукции.

На основании факторной модели рассчитаем влияние факторов на рентабельность продаж способом цепной подстановки. Данные берем из таблицы.

$$R_{np} = \frac{P_{np}}{B_{np}} \frac{(n_{pV} P_{Пnp}, U_{\partial np}, C_{np}, C_{np})}{(n_{pV} P_{Пnp}, U_{\partial np}, C_{np})} = \frac{808}{5739} \times 100 = 14,1\%, \quad (16)$$

$$R_{усл2} = \frac{P_{усл2}}{B_{отч}} \frac{(n_{pV} P_{Потч}, U_{\partial отч}, C_{отч}, C_{отч})}{(n_{pV} P_{Потч}, U_{\partial отч}, C_{отч})} = \frac{1787,262}{7297} \times 100 = 24,5\%, \quad (17)$$

$$R_{усл1} = \frac{P_{усл1}}{B_{усл}} \frac{(n_{pV} P_{Потч}, U_{\partial отч}, C_{np}, C_{np})}{(n_{pV} P_{Потч}, U_{\partial отч}, C_{np})} = \frac{902,832}{6412,570} \times 100 = 14,1\%, \quad (18)$$

$$R_{отч} = \frac{P_{отч}}{B_{отч}} \frac{(n_{pV} P_{Потч}, U_{\partial отч}, C_{отч}, C_{отч})}{(n_{pV} P_{Потч}, U_{\partial отч}, C_{отч})} = \frac{708}{7297} \times 100 = 9,7\%. \quad (19)$$

Приведенные данные показывают, что уровень рентабельности продаж в 2014 г. был выше уровня рентабельности продаж 2015 г. на 4,4%:

$$\Delta R_{обц} = R_{отч} - R_{np} = 9,7 - 14,1 = -4,4. \quad (20)$$

Это произошло в том числе за счет изменения:

- 1) удельного веса продукции $\Delta R_{уд} = R_{усл1} - R_{np} = 14,1 - 14,1 = 0$;
- 2) цены продукции $\Delta R_{ц} = R_{усл2} - R_{усл1} = 24,5 - 14,1 = +10,4\%$;
- 3) себестоимости продукции $\Delta R_{с} = R_{отч} - R_{усл2} = 9,7 - 24,5 = -14,8\%$.

Общее снижение рентабельности продаж составляет 4,4%.

По результатам проведенного факторного анализа можно сделать вывод, что показатели прибыли и рентабельности организации за 2014–2015 гг. значительно сократились. В большей степени этому способствовало то, что себестоимость единицы продукции увеличивалась более быстрыми темпами, чем цена на единицу продукции.

На наш взгляд, возможность анализа данных показателей позволит организации не только создать приемлемую информационную систему для инвесторов различных

уровней, но и целенаправленно влиять на финансовые результаты и хозяйственную устойчивость, повысить вероятность ее выживания в конкурентной борьбе на рынке.

Заключение

В заключение следует отметить, что рассмотренные возможности анализа с использованием инструментов национальных стандартов и стандартов МСФО позволят организации целенаправленно влиять на финансовые результаты и хозяйственную устойчивость, повысить ее вероятность выживания в конкурентной борьбе на рынке и будут способствовать привлечению новых инвестиций. Построение системы эффективного управления финансовой деятельностью организации, привлечение инвестиций на сегодняшний день относятся к числу наиболее важных задач, стоящих перед руководством организаций. Эффективное управление рентабельностью организации служит залогом его процветания на рынке и условием конкурентоспособности. Организация, свободно манипулируя денежными средствами, способна путем эффективного их использования обеспечить бесперебойный процесс производства и реализации продукции, минимизировать затраты на его расширение и обновление, а также достичь высоких финансовых результатов деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учебник / В. И. Стражев [и др.]. – Минск : Выш. шк., 2014. – 526 с.
2. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник / В. В. Ковалев, О. Н. Волкова. – М. : Проспект ; Велби, 2013. – 420 с.
3. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятий : учебник / Н. Е. Зимин, В. Н. Солопова. – М. : КолосС, 2010. – 382 с.
4. Анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие / В. И. Бариленко [и др.]. – М. : Омега-Л, 2009. – 413 с.
5. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятий : учебник / В. И. Видяпин [и др.]. – М. : Инфра-М, 2009. – 615 с.
6. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учеб. пособие / Л. Л. Ермолович [и др.]. – Минск : Современ. шк., 2010. – 800 с.
7. Елисеева, Т. П. Экономический анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие / Т. П. Елисеева. – Минск : Современ. шк., 2007. – 941 с.
8. Киреева, Н. В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие / Н. В. Киреева. – М. : Социальные отношения, 2007. – 505 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.02.2016

Granik I.M., Mishkova M.P. Profitability and its Analysis in Terms of International Financial Reporting Standards

The analysis of the indices of organization profitability in the condition of the use of international standards of financial accounts in the Republic of Belarus is given. The possibility of profitability optimizing while using ISFA discussed in the article will allow the organization to increase its competitiveness not only within the country but also abroad. The totality of the financial and economic factors: the level of organization of production and management; capital structure and its sources; the degree of utilization of productive resources; volume, quality and structure of production; costs of production and cost price of products; profit by types of activity and directions of its use influence the level and dynamics of profitability indices. According to their dynamics it is possible to judge about the likelihood of the survival of the organization in the competitive market.

УДК 330.43:631.879.3

В.В. Конончук

*канд. экон. наук, доц., ст. науч. сотрудник
Полесского аграрно-экологического института НАН Беларуси*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОКУПАЕМОСТИ ОТХОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ОДНОЭТАПНОЙ СХЕМЫ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются методологические подходы к количественной оценке уровня окупаемости, степени и направленности влияния количества вносимых отходов при формировании результативных показателей в аграрном производстве на основе системы эконометрических моделей. Для оценки влияния количества отходов на результативные показатели использована и адаптирована к почвенно-климатическим условиям юго-запада Беларуси методика одноэтапной схемы эконометрического анализа.

Введение

В настоящее время уровень использования отходов в аграрном производстве находится на достаточно низком уровне, что, в свою очередь, отражается на экономических показателях как промышленной, так и аграрной сферы АПК. Использование отходов в аграрном производстве определяется объективной и насущной необходимостью повышения экономической эффективности природно-хозяйственного потенциала земель. При использовании отходов важно количественно выявить и определить их роль в формировании результативных показателей аграрного производства, а также степень и направленность их влияния на экологические аспекты землепользования.

Результаты и обсуждение

В качестве важнейших эколого-экономических критериев оптимальности эффективного использования органических отходов в аграрном производстве предпочтительными показателями считаются максимум урожайности сельскохозяйственных культур, а также минимум содержания тяжелых металлов (ТМ) в почве и растениях.

Использование отходов в агросекторе включает оптимизацию параметров производственной деятельности и повышение показателей эколого-экономической эффективности. Анализ социально-экономических особенностей применения отходов, выражающийся в низком уровне их использования, длительности действия механизма низкой мотивации применения отходов для повышения эффективности природно-хозяйственного потенциала земель, устойчивости сложившихся стереотипов мышления и поведения, формирует цели использования органических отходов в повышении эффективности сельхозпроизводства:

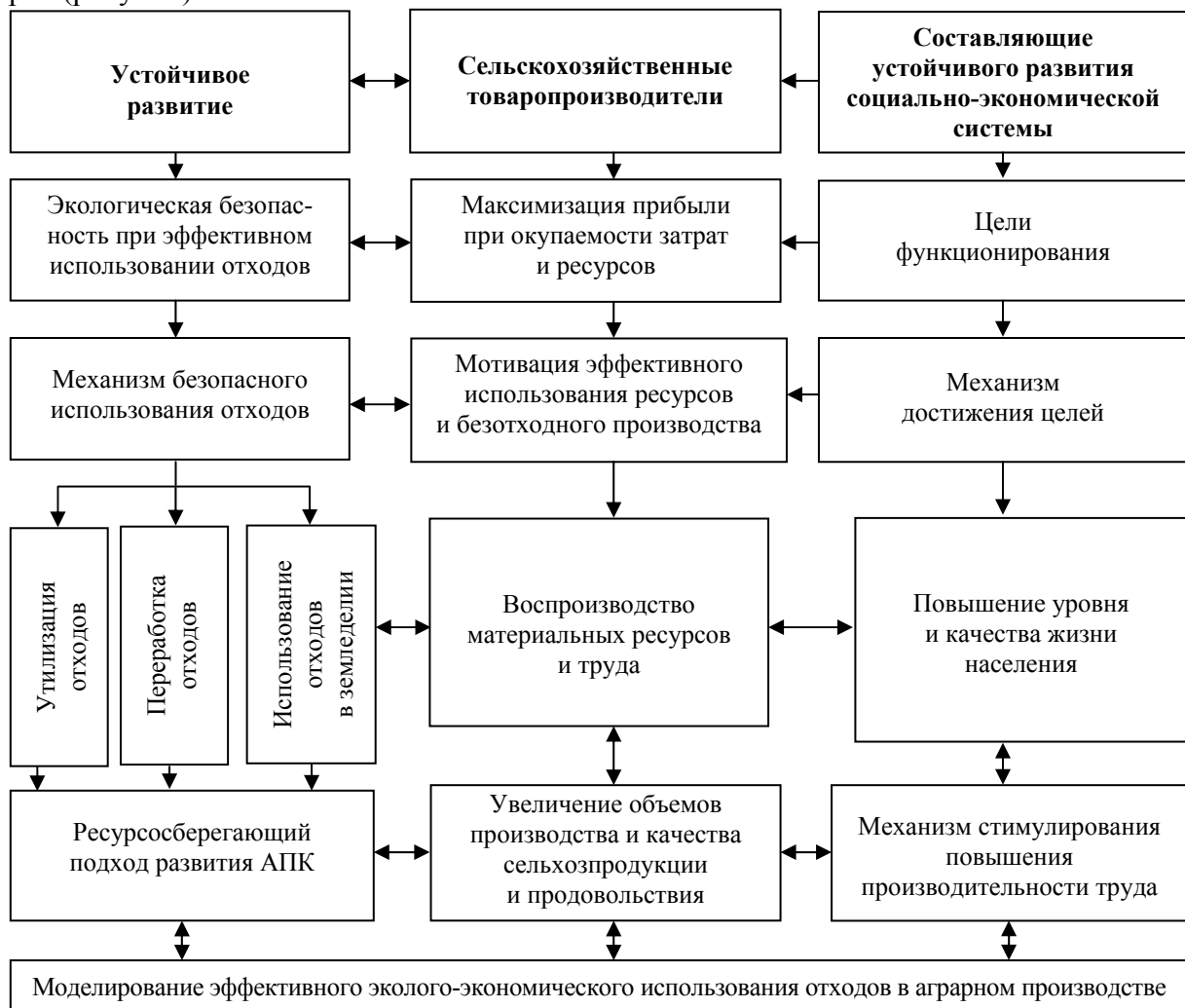
- 1) стимулирование мотивации труда коллективов с целью увеличения производства и реализации экологически чистой продукции, повышение ее качества;
- 2) снижения издержек на производство (хранение, переработку и реализацию);
- 3) повышение экологической эффективности производства;
- 4) создание эффективного механизма преференций в сельском хозяйстве для экологизации производства;
- 5) защита общественных интересов, выражающаяся в сохранении и улучшении окружающей среды, природных богатств и т.д.

Научное решение этих проблем возможно на основе системных методов, сочетающих качественные преобразования производственных отношений и их количественное измерение. Реализация программы позволит выработать механизм регулирования

использования отходов и обеспечит его эффективное функционирование, будет способствовать созданию предпосылок для устойчивого экономического роста. Механизм производственного использования отходов и реализации экологически чистой сельскохозяйственной продукции обеспечивает государству наличие устойчивого продовольственного рынка, а следовательно, позволяет реализовать программу продовольственной безопасности страны. Особая значимость государственного регулирования экономикой для обеспечения продовольственной безопасности и сохранения устойчивости развития аграрного производства обусловлена рядом обстоятельств:

- 1) значение питания для жизни населения;
- 2) высокая зависимость сельхозпроизводства от природно-климатических условий, что порождает проблему сохранения стабильности обеспечения продовольствием;
- 3) низкая мотивация сельскохозяйственного труда и, как следствие, сложная социальная ситуация, складывающейся из-за сокращения численности сельского населения.

Механизм безопасного использования отходов в аграрном производстве предполагает возможные варианты в зависимости от эколого-экономической эффективности. Важнейшим условием моделирования эколого-экономического эффективного использования отходов является создание действенной системы окупаемости отходов посредством стимулирования программы согласования интересов предприятий и общества. Такой подход может быть реализован при следующей схеме взаимоотношений партнеров (рисунок).

Рисунок. – Принципиальная схема методологии моделирования устойчивого развития АПК на основе эколого-безопасного и экономически эффективного использования отходов

Учитывая тесные производственно-технологические связи между отраслями растениеводства и животноводства в аграрном производстве, рост урожайности сельскохозяйственных культур в значительной степени предопределяет и экономические показатели сельхозпредприятий в целом. Выявлено, что окупаемость различных ресурсов, в том числе и при внесении органических отходов, различна не только на разных типах почв, но под разными культурами. Для оценки и анализа окупаемости внесения и использования отходов в аграрном производстве исследовано влияние различных видов и доз внесения отходов на важнейшие результативные показатели. Для агроэкологической эффективности применения отходов исследования проводились с использованием осадка фильтрационного (дефеката) и транспортно-моечного из карт-накопителей полей фильтрации очистных сооружений ОАО «Жабинковский сахарный завод» в различных почвенно-экологических условиях при возделывании перспективных кормовых сельскохозяйственных культур. В качестве важнейшего результативного показателя для оценки окупаемости внесения отходов взята урожайность кормовых культур.

Целью исследований является установление эконометрических закономерностей и экономическая интерпретация применения мелиорантов, их влияние на продуктивность перспективных кормовых трав, а также эколого-экономическое обоснование оптимальных доз внесения мелиорантов на основе одноэтапной схемы эконометрического анализа.

В качестве оптимальной дозы внесения мелиорантов следует считать дозы, при которых достигается максимальная урожайность кормовых сельскохозяйственных культур, а содержание тяжелых металлов в растениях и почве минимально. Критериеми высокой окупаемости использования отходов являются минимальное количество внесения отходов в расчете на единицу полученной продукции или количество полученной продукции в расчете на единицу внесения отходов. Такие точные данные могут быть получены только на основе опытных данных и построения системы эконометрических моделей формирования важнейших результативных показателей.

Показатели окупаемости отходов на основе эконометрических моделей могут быть использованы для установления оптимальных норм внесения органических отходов (мелиорантов), а также для прогнозирования урожайности кормовых культур. Параметры эконометрических моделей формирования урожайности кормовых сельскохозяйственных культур при факторе «количество вносимых мелиорантов» характеризуются, данными приведенными в таблице 1.

Таблица 1. – Параметры эконометрических моделей формирования урожайности кормовых сельскохозяйственных культур, ц/га

Культуры	Параметры моделей	
	Внесение отходов (a_i), т/га	Другие факторы (a_0)
Дерново-подзолистые песчаные почвы		
Пайза на зеленую массу	2,969	108,229
Донник на зеленую массу	1,12	45,637
Пайза на семена	0,034	23,288
Дерново-подзолистые песчаные турбированные почвы		
Пайза на зеленую массу	1,070	92,271
Донник на зеленую массу	0,408	61,029
Пайза на семена	-0,021	23,631
Дерново-глеевые супесчаные почвы		
Пайза на зеленую массу	1,319	0,571
Донник на зеленую массу	44,722	1,583
Пайза на семена	0,011	23,135

Анализ параметров эконометрических моделей показывает, что на всех типах почв и по всем кормовым сельскохозяйственным культурам использование отходов способствует увеличению урожайности. Исключение составляет возделывание пайзы на семена на дерново-подзолистых песчаных турбированных почвах, где увеличение доз внесения мелиорантов не способствует росту урожайности. Однако это не означает, что внесение мелиорантов не дает положительного эффекта. Исследования показывают, что прибавка урожайности пайзы на семена наблюдается лишь до достижения оптимальной нормы, которая составляет 50 т/га.

Учитывая положительное влияние внесения отходов на формирование урожайности кормовых сельскохозяйственных культур, важно определить окупаемость внесения отходов на основе сравнения фактических значений результативного показателя (урожайности) с потенциально возможными [1, с. 130–131]. Такой подход обеспечивает получение объективных выводов с точки зрения окупаемости органических отходов при формировании результативных показателей. Сравнение фактических и расчетных значений результативных показателей эффективности позволяет выделить группы наблюдений с различными уровнями. Определение значений факторов по группам эффективности позволит получить ответ на вопрос, при каких их значениях обеспечивается большая окупаемость внесения отходов. Наряду со среднефактическими показателями на их основе можно рассчитать относительные показатели, которые будут дополнительно характеризовать эффективность использования отходов или других ресурсов.

Методика одноэтапной схемы количественной оценки внесения отходов в аграрном производстве

1. Построение многофакторной эконометрической модели вида, где в качестве факторных признаков наряду с важнейшими факторными показателями, определяющими результативные, включен фактор внесения отходов (при этом они могут быть как количественные, так и качественные):

$$O_x^m = a_0^m + \sum_{i \in I_0} a_i^m (x_i^m)^k, m \in M_0,$$

где Y_x^m – значение результативного показателя m ; a_0^m – свободный член; a_i^m – параметр модели при факторе i в модели формирования результативного показателя m ; x_i^m – величина фактора i в модели формирования результативного показателя m ; i – номер фактора; I_0 – множество факторов; m – номер показателя; M_0 – множество показателей; k – показатель степени (формы нелинейности) влияния фактора.

2. Наполнение эконометрической модели фактическими значениями результативных показателей и определение расчетных значений результативных показателей аграрного производства.

3. Выделение группы наблюдений по уровням эффективности на основе сравнения расчетных и фактических значений результативных показателей:

- а) $Y_i \leq Y_x$ (худшие),
- б) $Y_i \approx Y_x$ (средние),
- в) $Y_i \geq Y_x$ (лучшие),

где Y_x – расчетное значение результативного показателя, Y_i – фактическое значение результативного показателя.

4. Расчет средних значений показателей в каждой группе и выявление тенденций и закономерностей явлений.

Применение одноэтапной схемы эконометрического анализа дает возможность выяснить, в какой степени использование отходов в аграрном секторе обеспечивает наибольшую эффективность, а также в какой мере интенсивному и высокоокупаемому

развитию производительных сил способствует исследуемый элемент механизма устойчивого функционирования экономики.

Расчитанные эконометрические модели отражают ситуацию при прогнозировании урожайности исследуемых кормовых культур в зависимости от количества используемых отходов. В условиях ограниченности ресурсов сельхозпредприятий важно выявить положительные тенденции в экономике в зависимости от эффективности использования отходов. Сравнение расчетных значений показателей с фактическими позволяет проследить закономерности формирования урожайности в зависимости от количества используемых отходов (таблица 2).

Группировки составлены по окупаемости отходов относительно их влияния на урожайность кормовых культур. В первую группу вошли наблюдения с коэффициентом эффективности до 0,95, т.е. такие, в которых недостаточно эффективно использованы отходы и имеются потенциальные возможности для увеличения урожайности. Вторую группу составили наблюдения с коэффициентом эффективности 0,95–1,05. В третью группу отнесены наблюдения с коэффициентом свыше 1,05 – с наиболее эффективным и высокоокупаемым применением отходов.

Таблица 2. – Группировка наблюдений по уровню эффективности формирования урожайности кормовых сельскохозяйственных культур при использовании отходов, ц/га

Показатели	Пайза на семена			Донник на зеленую массу		
	$Y_i \leq Y_x$	$Y_i \approx Y_x$	$Y_i \geq Y_x$	$Y_i \leq Y_x$	$Y_i \approx Y_x$	$Y_i \geq Y_x$
Коэффициент эффективности	0,692	1,007	1,264	0,825	0,994	1,226
Окупаемость 1 т отходов продукцией, ц	0,405	0,711	0,797	0,115	0,124	0,156
Расчетная урожайность, ц/га	20,7	24,3	21,7	90,3	96,6	98,5
Фактическая урожайность, ц/га	14,6	24,5	27,2	73,6	96,4	120,9
Внесение отходов, т/га	35,0	62,9	42,5	37,5	47,1	50,0
Приращение показателя по отношению к худшей группе, %:						
а) внесение отходов	–	79,7	21,4	–	25,6	33,3
б) урожайность	–	67,8	86,3	–	31,0	64,3
в) окупаемость отходов	–	75,6	96,8	–	7,8	35,7
Содержание металлов в растениях, мг/кг при естественной влажности:						
<i>Zn</i>	53,197	48,169	44,696	5,639	5,012	4,465
<i>Cu</i>	4,904	4,154	4,061	1,358	1,336	1,285
<i>Mn</i>	37,766	39,904	41,341	17,555	18,841	20,115
<i>Ni</i>	0,548	0,592	0,476	0,100	0,101	0,071
<i>Cr</i>	0,261	0,259	0,236	0,240	0,282	0,276

Анализ таблицы показывает, что окупаемость отходов в наблюдениях лучшей группы существенно выше по исследуемым культурам. Внесение значительных доз (69,2 т/га) органических отходов под пайзу на семена не обеспечило получения более высокой урожайности культуры и, как следствие, самой высокой окупаемости отходов. Не всегда большее количество доз внесения мелиорантов обеспечивает более высокую урожайность. Максимальная урожайность семян пайзы и окупаемость отходов получены при внесении несколько меньшей дозы – 42,5 т/га.

Анализ тенденции эффективности внесения отходов худших и лучших наблюдений при внесении под пайзу на семена показывает, что увеличение дозы внесения на 21,4% обеспечивает прибавку продукции на 86,3%, а при увеличении дозы на 79,7% – прибавку продукции всего на 67,8%. Таким образом, окупаемость отходов при увели-

ченной дозе выше на 75,3%, а при оптимальной – на 96,8% по сравнению с минимальным количеством внесения отходов.

Группировка наблюдений по уровню эффективности позволяет определить и оптимальную дозу использования органических отходов относительно максимальной экономической эффективности (42,5 т/га). При увеличении на 25,6% дозы внесения отходов под донник на зеленую массу прибавка урожайности составляет 31,0%, а при увеличении дозы на 33,3% – прирост продукции на 64,3%. При этом прирост окупаемости отходов составил соответственно 7,8 и 35,7%. Оптимальной дозой под донник является внесение 50 т/га.

Данные примеры показывают, что использование одноэтапной схемы эконометрического анализа является инструментом объективной оценки экономической эффективности использования отходов в формировании результативных показателей аграрного производства, а также позволяет объективно оценить экологические аспекты применения органических отходов в земледелии. В наблюдениях лучшей группы по критерию максимальной окупаемости отходов содержание тяжелых металлов существенно ниже. Таким образом, использование одноэтапной схемы эконометрического анализа оценки окупаемости отходов в земледелии позволяет определить степень и направленность влияния количества внесения отходов на результативные эколого-экономические параметры аграрного производства.

Главным направлением повышения эффективности развития экономики АПК является реструктуризация производства и субъектов хозяйствования, ориентированных на такой путь развития экономики, который обеспечивает ресурсосберегающий тип воспроизводства материальных ресурсов и труда. Такой подход будет способствовать повышению устойчивости функционирования социально-экономической системы и повышению ее эффективности на основе согласования интересов государства с интересами производителей. Устойчивость развития АПК предполагает эффективное использование всех имеющихся ресурсов, в т.ч. значительных объемов органических отходов перерабатывающих предприятий.

Изложенные положения позволяют обосновать основные концептуальные подходы эффективного применения отходов в аграрном производстве, которые должны составить систему регулирования сельхозпроизводства при использовании отходов:

1) формирование эколого-экономической эффективной системы использования отходов в сельском хозяйстве, основанной на рациональном сочетании методов административного воздействия и использования экономических рыночных рычагов;

2) стимулирование применения экологически чистых технологий производства сельскохозяйственной продукции с целью обеспечения продовольственной безопасности страны;

3) создание благоприятного инвестиционного климата в условиях рационального использования природно-хозяйственного потенциала земель при сохранении крупного сельскохозяйственного производства как основы отечественного агропромышленного комплекса для обеспечения населения основными продуктами питания.

Реализация принципов регулирования агросектора, основанных на рациональном использовании отходов в аграрном производстве, будет способствовать повышению эколого-экономической эффективности и устойчивости развития АПК.

Заключение

Эконометрическое моделирование использования отходов на результативные показатели в аграрном производстве свидетельствует о положительном влиянии количества вносимых отходов на урожайность кормовых сельскохозяйственных культур не-

зависимо от типа почв, а также позволяет определить экономическую и экологическую эффективность использования отходов.

Построение эконометрических моделей позволяет получить точные количественные данные о зависимости показателей урожайности кормовых культур от единицы внесения отходов, определить оптимальные дозы внесения.

Моделирование окупаемости внесения отходов при формировании важнейших результативных показателей аграрного производства на основе одноэтапной схемы эконометрического анализа позволяет определить уровень окупаемости, экономическую и экологическую эффективность внесения отходов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леньков, И. И. Экономико-математическое моделирование систем и процессов в сельском хозяйстве / И. И. Леньков. – Минск : Дизайн ПРО, 1997. – 304 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.03.2016

Kononchuk V.V. Modeling the Payback of Wastes in the Formation of Effective Indicators of Agricultural Production on the Basis of One-step Econometric Analysis

The article considers methodological approaches to quantify the level of return, the degree and direction of influence the quantity of waste input into the formation of effective indicators in the agricultural production on the basis of econometric models. One-step method scheme of econometric analysis is used and adapted to the soil and climatic conditions of south-west Belarus to assess the impact of the amount of waste on the effective indicators.

УДК 33.332.81

С.А. Кирсанов¹, Е.Н. Сафонов²

¹ канд. экон. наук, доц., зав. каф. государственного и муниципального управления
Балтийского гуманитарного института (Санкт-Петербург)

² д-р экон. наук, проф., действ. член Российской академии естественных наук,
директор филиала в г. Домодедово
Российского государственного гуманитарного университета

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Характерной чертой развития современного информационно-индустриального общества является существенный рост взаимозависимости экономики и социальной сферы. Одним из проявлений возрастания этой взаимозависимости является утилизация твердых бытовых отходов, являющаяся и конечным этапом жизненного цикла любого продукта, и в тоже время необходимым условием обеспечения жизнедеятельности людей. За последние годы российское законодательство, регулирующее деятельность по обращению с твердыми бытовыми отходами, претерпело значительные изменения. Однако в большинстве муниципальных образований страны вопросы организации сбора и переработки бытовых отходов решаются неудовлетворительно. В статье рассматривается современное состояние организации сбора и утилизации твердых бытовых отходов, проблемы и недостатки системы обращения с твердыми бытовыми отходами в городе Московский Московской области, предлагаются и обосновываются пути решения существующих проблем.

Введение

Отсутствие в большинстве муниципалитетов России гибких экономических рычагов, позволяющих использовать бытовые отходы в качестве вторичных ресурсов, влечет за собой неэффективное функционирование предприятий, обслуживающих коммунальную сферу, и приводит к низкому качеству оказываемых жилищных и коммунальных услуг, а также загрязнению природной среды. Изменение существующей малоэффективной технологии утилизации отходов возможно только при существенном пересмотре и расширении спектра современных технических средств и экономических инструментов, с помощью которых будет построена иная экономическая экологически приемлемая схема переработки вторсырья, направленная на повышение качества как процесса обращения твердых бытовых отходов (далее – ТБО), так и городского хозяйства в целом.

Отметим, что основы государственной политики в области обращения с твердыми бытовыми отходами в России изложены в «Концепции обращения с твердыми бытовыми отходами в Российской Федерации» [8]. Здесь проводится анализ существующего положения в области управления отходами, рассматриваются основные направления сбора, транспортировки и обезвреживания твердых бытовых отходов, основные особенности переработки вторичного сырья, а также предлагаются мероприятия по совершенствованию экономического механизма в системе управления ТБО.

Еще в 1998 г. был принят Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (в редакции от 28.07.2012 г., с изменениями и дополнениями от 23.09.2012 г.), который определил правовые основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения их вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья [1]. Согласно ст. 13, устанавливающей требования к обращению с отходами на территориях муниципальных образований, организация раздельного сбора отходов возложена на местные органы самоуправ-

ления. В этой же статье упоминается порядок сбора отходов на территориях муниципальных образований, предусматривающий их разделение на виды.

Также организацию и порядок сбора бытовых отходов и мусора на территории муниципальных образований регламентирует Федеральный закон № 7 «Об охране окружающей среды» (в редакции от 25.06.2012 г.). Так, к вопросам местного значения городских и сельских поселений относится организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора [2]. В целях предотвращения вредного воздействия отходов на окружающую природную среду в ст. 24 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (в редакции от 25.06.2012 г.) устанавливается обязательное нормирование образования отходов и лимитирование их размещения, а согласно ст. 30 выделяется перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию. Данный перечень устанавливается Правительством Российской Федерации в соответствии с Федеральными законами, среди которых Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в редакции от 28.07.2012 г.) [4].

В целях реализации ст. 18 Федерального закона № 89 «Об отходах производства и потребления» принято Постановление Правительства Российской Федерации № 461 от 16.06.2000 г. «О правилах разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение» (в редакции от 29.08.2007 г.), обязывающее индивидуальных предпринимателей и юридические лица (за исключением субъектов малого и среднего предпринимательства), в результате хозяйственной и иной деятельности которых образуются отходы, разрабатывать проекты нормативов образования отходов и лимитов на их размещение [5].

Для организации рациональной системы сбора, хранения, регулярного вывоза отходов и уборки территорий в качестве методической помощи местным органам самоуправления разработаны МДК 7-01.2003 «Методические рекомендации о порядке разработки генеральных схем очистки территорий населенных пунктов Российской Федерации», утвержденные Постановлением Госстроя России от 21 августа 2003 г. № 152 [7].

Необходимость разработки генеральных схем очистки территорий населенных пунктов определена «Санитарными правилами содержания территорий населенных мест» (СанПиН 42-128-4690-88), которые устанавливают требования к сбору твердых, жидких бытовых и пищевых отходов, а также уборке населенных мест и объектов с обособленной территорией (пляжи, рынки, парки) [9].

Как мы смогли убедиться, нормативно-правовая база в сфере обращения ТБО в России достаточно хорошо проработана. Кроме того, в России широко применяются ведомственные нормативно-правовые акты и нормативно-техническая документация. Однако ситуация с утилизацией ТБО в большинстве муниципальных образований страны уже многие годы неудовлетворительная.

В статье проводится анализ вопросов организации сбора и утилизации твердых бытовых отходов, выявлены недостатки системы обращения с ТБО в муниципалитетах России на примере города Московский Московской области; предложены пути решения существующих проблем.

Современное состояние утилизации твердых бытовых отходов

Для сбора вторичных ресурсов в Московской области существовала развитая система, которая включала в себя производственно-заготовительные предприятия, производственные участки и приемные пункты. При переходе к рыночной системе хозяйствования старые методы перестали работать, но не было создано необходимых условий, которые стимулировали бы сбор и использование вторичного сырья в новых условиях. Специализированные предприятия, занимавшиеся переработкой вторичных мате-

риалов, акционировались и частично перешли на другие виды деятельности, что привело к уменьшению сбора и использования вторичного сырья.

Объемы образования ТБО в Московском регионе складываются из двух потоков: ТБО жилого фонда (1,9 млн. т/год – 60% от всех собираемых ТБО) и ТБО общественных и коммерческих организаций и учреждений (1,2 млн. т/год – 40% от всех собираемых ТБО). Из всего объема ТБО только 10% подвергаются промышленной переработке на городских объектах, 62% вывозится на районные полигоны, 24% подвергается уплотнению на мусороперегрузочных станциях. Захоронение бытовых отходов на полигонах и свалках остается преобладающим методом размещения муниципальных ТБО. Объем захоронения отходов от муниципального жилого фонда составил около 2 млн т (примерно 90% от общего объема). В целом по Московскому региону объемы утилизированных, захороненных и использованных вторично отходов постоянно возрастают. В порядке эксперимента в некоторых районах Московской области производится сбор алюминиевых банок из-под напитков. За год собирают более 500 т, что позволяет существенно сократить расходы по транспортировке отходов до полигонов мусоровозами.

Ситуация, сложившаяся в сфере захоронения ТБО в Московской области, требует корректировки ранее принятых решений.

1. В последние годы происходит перераспределение потоков ТБО в пользу полигонов, расположенных в десятикилометровой зоне от населенных пунктов, что ведет к ухудшению экологической обстановки в регионе.

2. Размещение бытовых отходов от жилищного фонда осуществляется зачастую на полигонах, не имеющих лимитов на размещение отходов, либо имеющиеся лимиты превышаются в несколько раз.

Кроме того, следует обратить внимание на проблему переработки полимерных материалов, которых ежегодно образуется десятки тысяч тонн.

Систему сбора и удаления бытовых отходов в городских поселениях рассмотрим на примере города Московский (Ленинский район), в котором численность постоянно проживающего населения почти 19 тыс. чел. Система предусматривает централизованный плано-регулярный сбор при применении утилизационного метода обезвреживания. В основе метода лежит биологический принцип утилизации захоронения на полигоне твердых бытовых отходов. К достоинствам этого метода относятся возможность подчинения движения машин строгому графику, а также обслуживания контейнеров как на контейнерных площадках, так и у подъездов в случае установки пластмассовых контейнеров в мусоропроводах.

Охват населения г. Московский плано-регулярной системой очистки составляет 100%. За содержание контейнеров ТБО и контейнерных площадок для сбора отходов и мусора от жилого фонда г. Московский отвечают две управляющие компании: ООО УК «Десна» и ООО УК «Союз Московский» (обслуживает 69,5% населения). Единственным специализированным предприятием, осуществляющим сбор и транспортировку твердых бытовых отходов на территории г. Московский, является МУП УК ЖКХ «Московский», имеющее лицензию на деятельность по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке и размещению отходов 1–4 класса опасности.

Система сбора и удаления ТБО в г. Московский предусматривает централизованный плано-регулярный сбор по нескольким системам: первая – «несменяемые контейнеры», вторая – система «сменяемых контейнеров», третья и четвертая «сбор в мусоровоз». В системе «сменяемых контейнеров» применяются контейнеры объемом 8 м³, предназначенные для сбора крупногабаритных отходов (КГО). По мере заполнения контейнеры КГО заменяются бункеровозом на пустые контейнеры.

В системе «несменяемых контейнеров» заполненные отходами контейнеры разгружаются в мусоровоз, после чего их возвращают на место. Используются контейнеры

объемом $0,75 \text{ м}^3$, исключением является использование бункеровоза на базе КАМАЗ (32 м^3), который загружает контейнеры 8 м^3 в кузов и возвращает их на место.

Сбор ТБО от населения, бюджетных учреждений, предприятий и сферы услуг в г. Московский осуществляется в стандартные контейнеры. Часть контейнеров ТБО расположена рядом с контейнерными площадками. По данным МУП «Московский», ситуация объясняется тем, что данные контейнерные площадки оборудованы крышами и для погрузки в мусоровоз контейнеры требуется вывозить, а состояние колес контейнеров и выездов с контейнерных площадок неудовлетворительное.

За год силами МУП «Московский» вывозится для захоронения на полигоне ТБО около 30 тыс. м^3 бытового мусора от населения и предприятий, организаций городского поселения Московский (по данным бухгалтерского учета реализации услуг). Кроме того, по муниципальным контрактам на уборку несанкционированных свалок бытовых отходов и вывоз крупногабаритных отходов на полигон ТБО дополнительно вывозится около 5 тыс. м^3 . Объем отходов, вывезенных юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями для захоронения на полигоне ТБО своими силами, незначителен – до 10% от общего объема вывезенных отходов.

Вывоз ТБО от контейнерных площадок городского поселения осуществляется в зимнее время 1 раз в два дня, в летний период – ежедневно. Вывоз крупногабаритных отходов производится на основании муниципальных контрактов МУП «Московский». Объем вывоза мусора от жилого фонда, предприятий и организаций г. Московский составляет: max (в летний период) – 444 м^3 (200 м^3 уплотненного мусора, 244 м^3 неуплотненного); min (в зимний период) – 154 м^3 (86 м^3 уплотненного мусора, 68 м^3 неуплотненного).

Для сбора и транспортировки ТБО и КГО от жилого фонда и учреждений социальной сферы города МУП «Московский» эксплуатирует семь мусоровозов и два бункеровоза. Также для сбора КГО и несанкционированных свалок предприятие использует пять грузовых машин, три трактора, три трактора-погрузчика, один погрузчик-экскаватор и один погрузчик, что, на наш взгляд, для эффективного удаления мусора недостаточно. Изолирующий материал на полигон привозится теми же грузовыми машинами, которые предназначены для вывоза КГО и несанкционированных свалок.

Автомшины, осуществляющие вывоз ТБО, работают по графику и разработанным маршрутам. За маршрут сбора отходов принимают участок движения собирающего мусоровоза по обслуживаемому району от начала до полной загрузки машины. Все маршруты разрабатывают в графической и текстовой формах. Графическая форма маршрутов сбора ТБО – это нанесение на план городского поселения линии движения соответствующих мусоровозов с указанием начального и конечного пунктов сбора, а также направления движения. Текстовая форма маршрута сбора ТБО – это последовательное перечисление адресов домовладений, обслуживаемых за один рейс мусоровоза до его максимального заполнения. В дополнение к маршрутам движения мусоровозов разрабатывают подробный график (расписание) движения. График движения позволяет в любое время определить, где находится мусоровозная машина, какое домовладение она обслуживает, когда должна прибыть на конечный пункт маршрута или к месту загрузки и когда отправиться по следующему маршруту.

На территории г. Московский действуют следующие нормы накопления ТБО: для благоустроенного жилого фонда – $1,0 \text{ м}^3/\text{год}$ на 1 человека, для неблагоустроенного жилого фонда – $0,5 \text{ м}^3/\text{год}$ на 1 человека. Тариф за сбор и транспортировку ТБО составляет: от предприятий 300 руб. за 1 м^3 (+ пробег; зависит от договорных условий заказчика); от населения – 1 руб. за 1 м^2 площади квартиры (на территории, обслуживаемой управляющими компаниями – ООО УК «Союз Московский») и 63 коп. за 1 м^2 площади квартиры (на территории, обслуживаемой ООО УК «Десна»).

Общая вместимость полигона ТБО – около 300 тыс. м³. На конец 2015 г. фактически было захоронено 245 тыс. м³ отходов; остаточная вместимость составила 55 тыс. м³ отходов. В ближайшие годы будет необходима рекультивация полигона.

В качестве положительных сторон в устройстве действующего полигона ТБО можно отметить следующее:

- 1) наличие подъездной дороги, содержащейся в удовлетворительном состоянии;
- 2) создание по периметру полигона ограждающей канавы глубиной до 1,5 м с обваловкой высотой до 1,0–1,2 м, заменяющих ограждение;
- 3) наличие системы контроля за состоянием подземных вод, состоящей из 6 наблюдательных скважин;
- 4) обеспечение удовлетворительных санитарно-гигиенических и бытовых условий для обслуживающего персонала (наличие вагона-бытовки с привозной водой и печным отоплением);
- 5) наличие выделенной площадки для стоянки техники;
- 6) установка контрольно-дезинфицирующей ванны для мойки колес мусоровозов.

Для соблюдения санитарно-эпидемиологических норм на полигоне ТБО разработаны следующие документы:

- 1) программа производственного контроля;
- 2) инструкция по приему твердых бытовых отходов на полигон;
- 3) регламент работы полигона ТБО.

Захоронение привозимых отходов производится на технологических картах. Изоляция уплотненных слоев осуществляется привозным грунтом.

Объемы утилизируемых отходов на полигоне ТБО с территории г. Московский согласно данным, предоставленным МУП УК ЖКХ «Московский», составляют ежегодно от 32 до 40 тыс. м³ и из года в год возрастают. Вместе с тем следует заметить, что эта информация получена на основании бухгалтерского учета реализации услуг и не дает полной картины фактического объема ТБО, размещенных на полигоне ТБО. Дело в том, что МУП УК ЖКХ «Московский» принимает к оплате не фактический объем вывезенных отходов, а расчетный – в соответствии с утвержденными нормами накопления, уже не соответствующими современному уровню потребления.

Рассмотрение состояния системы обращения с бытовыми отходами г. Московский выявил следующие ее проблемы:

- 1) существующая нормативно-правовая база в области управления отходами в регионе является недостаточной;
- 2) клиенты оплачивают только услуги по вывозу ТБО, удаление же отдельных видов отходов и ликвидация несанкционированных свалок проводится за счет бюджетных средств;
- 3) состояние большинства существующих контейнерных площадок не отвечает основным требованиям санитарно-гигиенических норм;
- 4) не развита система сбора крупногабаритных отходов: мало бункеров, недостаточное количество мусоровозов и бункеровозов;
- 5) не привлекается население для организации селективного сбора отходов;
- 6) не используются мусоросортировочные станции;
- 7) слабый контроль за обращением ТБО со стороны контрольных и надзирающих органов.

Заключение

В результате анализа положительных и негативных аспектов в системе обращения с ТБО на территории г. Московский можно предложить некоторые меры и пути решения выявленных проблем.

1. Разработка и принятие региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих взаимоотношения всех категорий природопользователей, обеспечивающих правовые и экономические условия деятельности в сфере обращения с ТБО производства и потребления на территории г. Московский:

а) определение приоритетов стратегии в развитии системы обращения с отходами, разработка и утверждение Концепции обращения с отходами;

б) разработка и принятие муниципальной целевой программы «Чистый город»;

в) разработка и принятие муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих порядок сбора, хранения, транспортировки и первичной переработки вторичных материальных ресурсов.

2. С целью решения проблемы ограниченности свободной территории, дефицита контейнерного парка, улучшения санитарного состояния жилой застройки в г. Московский Ленинского района предлагается установка контейнеров заглубленного типа и организации процесса сбора и вывоза отходов по данной технологии. Также существует возможность замены контейнеров на большие по объему ($1,1 \text{ м}^3$) в случае, если в данный момент на площадке установлено не более семи контейнеров объемом $0,7 \text{ м}^3$.

Конструкция полуподземного контейнера представляет собой стойкий к коррозии каркасный колодец, $\frac{2}{3}$ которого находится под землей. Внутри контейнера размещается полипропиленовый мешок многоразового использования – непосредственный накопитель для мусора. Преимущество такого контейнера: видимыми на поверхности остаются только шахты для заброса отходов, которые могут гармонично вписываться в пейзаж дворовой территории. Экономическая эффективность использования контейнеров заглубленного типа для сбора отходов по сравнению с традиционными металлическими даёт снижение себестоимости обслуживания на 19% (за счет сокращения количества рейсов по вывозу, времени на опорожнение, сроков фактического использования, ремонтозатратности, стоимости оборудования месторасположения и т.д.).

3. В целях организации системы раздельного сбора вторичного сырья необходима поэтапная установка контейнеров для селективного сбора с соответствующей маркировкой и цветовым обозначением, с обязательством своевременного вывоза накопленных полезных фракций ТБО для последующей переработки на профильных промышленных предприятиях региона. Для успешной реализации муниципальных программ внедрения селективного сбора бытовых отходов необходима долговременная разъяснительная работа среди населения с широким привлечением общественных организаций. Социально-экономический эффект – снижение нагрузки на полигон ТБО, сортировка твердых отходов (в том числе токсичных, например, батареек) на этапе накопления; уменьшение негативного воздействия на экологию. Для поощрения граждан следует рассмотреть возможность снижения тарифа по утилизации ТБО в случае применения системы селективного сбора либо сокращение норм накопления ТБО для жильцов домов, успешно участвующих в селективном сборе отходов.

4. Содействие созданию предприятий различных форм собственности, выполняющих работы и оказывающих услуги в сфере обращения с отходами в условиях рынка, что с учетом опыта других городов региона является вполне возможным.

5. Инновационным решением для муниципалитета может стать размещение на полигоне ТБО сортировочной станции на условиях договора концессии. Концессионное законодательство в России разработано, поэтому привлечение частных инвестиций на срок 30 и более лет позволит муниципалитету успешно решить стоящие в этой важной сфере проблемы.

Кроме того, важными направлениями совершенствования организации региональной и муниципальной системы обращения ТБО должны стать следующие:

- 1) поощрительная налоговая, кредитная и амортизационная политика органов власти в области обращения с ТБО;
- 2) внедрение эффективной системы государственного учета и контроля сбора, транспортировки, обезвреживания и складирования ТБО; жесткий контроль за всеми этапами утилизации ТБО со стороны правоохранительных органов;
- 3) утверждение экономически обоснованных тарифов сбора, транспорта и утилизации ТБО, проведение независимой общественной экспертизы тарифов;
- 4) передача полномочий по организации утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов с муниципального на региональный уровень;
- 5) снижение стоимости услуг по утилизации ТБО для населения;
- 6) выделение бюджетных средств на рекультивацию полигонов ТБО региона;
- 7) строительство мусороперерабатывающих заводов в регионе;
- 8) внедрение комплексной механизации санитарной очистки города;
- 9) максимально возможная утилизация отходов, вторичное их использование;
- 10) экологически безопасная переработка и складирование оставшейся части отходов;
- 11) ликвидация и предотвращение появления несанкционированных свалок ТБО;
- 12) развитие рынка вторичного сырья;
- 13) повышение эффективности системы управления ТБО.

В целях повышения эффективности информационного обеспечения управления обращением ТБО в регионе должна быть разработана система единого информационного банка, включающая сведения об отходах, технологиях, оборудовании и эффективности переработки по каждому муниципалитету, сведения об отечественном и зарубежном опыте, научно-техническом потенциале муниципальных образований региона, о конъюнктуре отечественного и зарубежного рынка вторичного сырья и проч.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об отходах производства и потребления : Федер. закон, 24.06.1998 г., № 89-ФЗ : в ред. Федер. закона от 28.07.2012 г. // Российская газета. – 1998. – № 121.
2. Об охране окружающей среды : Федер. закон, 10.01.2002 г., № 7-ФЗ : в ред. Федер. закона от 25.06.2012 г.) // Российская газета. – 2002. – № 6.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29.12.2014 г., № 458-ФЗ (действующая редакция, 2016). – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172948/.
4. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федер. закон, 04.05.2011 г., № 99-ФЗ : в ред. Федер. закона от 04.03.2013 г. // Российская газета. – 2011. – № 97.
5. О правилах разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение : постановление Правительства Российской Федерации, 16.06.2000 г., № 461.
6. Об утверждении Правил обращения с отходами производства и потребления в части осветительных устройств, электрических ламп, ненадлежащие сбор, накопление, использование, обезвреживание, транспортирование и размещение которых может повлечь причинение вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям и окружающей среде : постановление Правительства Российской Федерации, 03.09.2010 г., № 681 // Российская газета. – 2010. – № 204.

7. Об утверждении «Методических рекомендаций о порядке разработки генеральных схем очистки территорий населенных пунктов Российской Федерации» : постановление Госстроя Российской Федерации, 21.08.2003 г., № 152 // Информ. бюл. о нормативной, методической и типовой проектной документации. – 2003. – № 10.

8. Концепция обращения с твердыми бытовыми отходами в Российской Федерации : утв. постановлением коллегии Госстроя России, 22 декаб. 1999 г., № 17 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010. – 15 с.

9. Санитарные правила содержания территорий населенных мест : СанПиН 42-128-4690-88 : утв. Минздравом СССР 05 авг. 1988 г. // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010. – 13 с.

10. О Порядке разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение : приказ Минприроды Российской Федерации, 25.02.2010 г., № 50 : в ред. от 22.12.2010 г. // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 17.

11. Об отходах производства и потребления в Московской области : закон Моск. обл., 08.11.2001 г., № 171/2001-ОЗ : в ред. от 26.12.2012 г. // Ежедневные новости. Подмосковье. – 2001. – № 162.

12. О тарифах на содержание и ремонт общего имущества многоквартирного дома МУП «Управляющая компания ЖКХ» : постановление главы Ленинского р-на Моск. обл., 24.12.2010 г., № 236.

13. Гаранин, А. К вопросу о проблемах полигонов твердых бытовых отходов Московского региона [Электронный ресурс] / А. Гаранин, А. Комкова. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2016/1577/23437>.

14. Коробко, В. И. Твердые бытовые отходы. Экономика. Экология. Предпринимательство / В. И. Коробко, В. А. Бычкова. – М. : Юнити-Дана, 2006. – 132 с.

15. Мартемьянова, Е. С. Концептуальные основы формирования региональной системы управления отходами производства и потребления / Е. С. Мартемьянова // Вестн. МГТУ. – 2010. – Т. 8, № 2. – С. 268–277.

16. Тараканов, В. А. Переработка отходов – основа формирования спроса и предложения на рынке вторичного сырья / В. А. Тараканов // Финансы и кредит. – 2006. – № 4. – С. 48–56.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.10.2016

Kirsanov S.A., Safonov E.N. Directions of Perfection of the Organization of the Treatment System of Municipal Solid Waste in Russia (on the Example of the Moscow Region)

A characteristic feature of the development of modern information and industrial society is a substantial increase in the interdependence of economic and social development. One manifestation of the increasing interdependence of a solid waste management, and which is the final stage of the life cycle of any product, and at the same time, a prerequisite for human life. In recent years, the Russian legislation regulating the activities for the management of municipal solid waste, has undergone significant changes. However, in the majority of municipalities of the country the organization of waste collection and processing are solved satisfactorily. The article discusses the current state of organization of the collection and disposal of solid waste, problems and shortcomings of the treatment system of municipal solid waste in the city of Moscow, Moscow Region, Russia; proposed and justified solutions to existing problems.

УДК 339.137.2

Н.П. Четырбок¹, Т.Н. Осонрелко²

¹канд. экон. наук, доц., зав. каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета

²магистр экон. наук, ст. преподаватель каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета

**АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье предлагаются методические приемы и расчет интегральных оценок, актуальных для сегодняшнего уровня социально-экономического развития Республики Беларусь. На основе рассчитанных оценок по предложенной методике каждый регион может определить свои конкурентные позиции в социально-экономическом пространстве страны, что необходимо для правильного выбора стратегии повышения рейтингов региона по наиболее значимым с точки зрения местного развития конкурентным свойствам.

Введение

В условиях единого мирового рынка рост конкурентоспособности собственных экономик становится одной из приоритетных задач в стратегии долгосрочного развития любого государства. Конкурентные преимущества страны напрямую зависят от конкурентоспособности ее регионов, в связи с чем представляет интерес анализ конкурентоспособности регионов на уровне областей.

Уровень конкурентоспособности и причины существующих различий в уровнях развития регионов Беларуси остаются недостаточно изученными. Регионы Беларуси различаются по уровню доходов населения, темпам роста валового регионального продукта, по отраслевой структуре и т.д. Это влияет на их социально-экономическое развитие и отражается в неодинаковом вкладе регионов в размер валового внутреннего продукта Беларуси. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и валютный кризис в Беларуси 2011 г. показали, что регионы в разной степени подвержены внутренним и внешним шокам [1]. Целью данной статьи является совершенствование теоретико-методического обеспечения исследований конкурентоспособности регионов Республики Беларусь.

Факторы конкурентоспособности региона и характеризующие их свойства

Относительность и динамичность категории «конкурентоспособность» обуславливает многообразие подходов к ее оценке. В настоящее время системный анализ конкурентоспособности регионов Беларуси не проводится, исследования носят узконаправленный характер. Однако расчет сводных индексов конкурентоспособности регионов является важным инструментом для разработки экономической политики.

Для анализа и оценки конкурентоспособности региона предлагаются наиболее значимые для данного периода времени и уровня социально-экономического развития Республики Беларусь факторы, которые отражают интегральную конкурентоспособность отдельных регионов для наиболее важных потребителей (населения вообще, туристов, студентов, предприятий): экономическое и инновационное развитие, качество жизни и человеческий потенциал.

Для оценки **экономического развития** в качестве **свойств** выбраны следующие: 1) наличие и структура рабочих мест; 2) уровень эффективности экономики; 3) экономика в развитии; 4) структура экономики субъектов, адекватная рыночной экономике.

Инновационное развитие характеризуется **5 свойствами**: 1) наличие и квалификация научно-технического персонала; 2) финансовая обеспеченность инновационного процесса; 3) результативность инновационного процесса; 4) применение инновационных технологий; 5) производство инновационной продукции и технологий.

Для характеристики **качества жизни** выбраны **6 свойств**: 1) жилищные условия; 2) уровень денежных доходов населения; 3) безопасность; 4) культура; 5) экология; 6) обеспеченность медицинским обслуживанием.

При характеристике **развития человеческого потенциала** целесообразно рассмотреть следующие свойства: 1) воспроизводство населения; 2) здоровье населения и физическое развитие; 3) культура; 4) уровень образования и профессиональной подготовки.

Индикаторы и конкурентные свойства региона

Для измерения факторов конкурентоспособности регионов необходимо сформировать систему показателей, которые наиболее полно отображают свойства привлекательности регионов для потребителей. Выбор показателей подчинен критериальным требованиям: статистическая наблюдаемость, величина диапазона оценок по регионам, невысокая степень взаимной корреляции с другими выбранными показателями. Для приведения показателей в единую безразмерную форму полученные оценки переводятся в баллы по 100-балльной интервальной шкале.

Принимая во внимание подходы различных авторов, для анализа экономического развития региона целесообразно выбрать две стороны экономической конкурентоспособности региона: **уровень экономического развития** и **динамика роста экономики**.

Из официальных изданий Национального статистического комитета Республики Беларусь для характеристики **уровня экономического развития** взяты наиболее значимые на современной стадии экономического развития следующие индикаторы: 1) валовой региональный продукт на 1 занятого в экономике (млрд руб.); 2) чистая прибыль организаций на одного занятого в экономике (млрд руб.); 3) доля занятых на малых предприятиях к общей численности занятых в экономике; 4) доля экспорта в продукции обрабатывающих и добывающих производств и сельского хозяйства; 5) уровень безработицы.

Для характеристики влияния **динамики экономического роста** на конкурентные свойства региона предлагаются следующие индикаторы: 1) прирост валового регионального продукта в сопоставимых ценах; 2) прирост производительности труда в сопоставимых ценах; 3) инвестиции в основной капитал на душу населения; 4) рост реальных располагаемых денежных доходов населения; 5) рост численности занятых в экономике.

Эти показатели позволяют измерить влияние конкурентной привлекательности региона на улучшение показателей масштабов производства (прирост ВРП и рост численности занятых), эффективности производства (прирост производительности труда) и оценить эффективность маркетинга региона по привлечению инвестиций. Предложенные показатели не охватывают всех сторон экономического развития региона. Однако дальнейшее расширение количества показателей будет принижать значение каждого из уже примененных показателей [2].

Выбранные в данном исследовании показатели для характеристики инновационной привлекательности регионов сгруппированы по двум фазам: 1) **производство** научных знаний и технических инноваций и 2) **применение** научных знаний, технологий, новой техники.

Для **первого** субфактора предлагается использовать следующие показатели: 1) численность занятых в науке, исследованиях и разработках на тысячу занятых в экономи-

ке; 2) доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП; 3) объем выполненных организациями научно-технических работ; 4) соотношение затрат на технологические инновации и затрат на научную деятельность и разработки; 5) удельный вес инновационно-активных организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации, в общем числе обследованных организаций промышленности.

Для характеристики **второго** субфактора взяты следующие показатели: 1) удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности; 2) удельный вес машино- и приборостроения в экономике региона; 3) удельный вес численности работников, использующих персональные компьютеры в % к списочной численности работников; 4) инвестиции в основной капитал (только затраты на приобретение машин, оборудования, транспортных средств); 5) доля затрат на технологические инновации в валовом региональном продукте.

Для оценки уровня конкурентоспособности регионов по фактору «Качество жизни» предлагается распределить показатели по двум субфакторам: 1) **денежные доходы населения** и 2) **условия жизни населения**.

Для характеристики **денежных доходов** предлагаются три индикатора: 1) номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников (тыс. руб.); 2) соотношение доходов населения с бюджетом прожиточного минимума (%); 3) распределение населения по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов с бюджетом прожиточного минимума (%).

Условия жизни населения оцениваются по следующим показателям: 1) удовлетворенность домашних хозяйств жилищными условиями (полностью удовлетворены) (% к итогу); 2) ввод в эксплуатацию общей площади жилых домов на 1 000 человек населения (тыс. м²); 3) численность практикующих врачей на 10 000 человек населения; 4) число посещений театров, соизмеримое с численностью городского населения; 5) выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в расчете на одного жителя (кг); 6) отведение недостаточно очищенных вод, соизмеренное с численностью городского населения (млн. м³); 7) число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек.

Наиболее важными компонентами человеческого потенциала в условиях современной Беларуси являются **демографическая** и **образовательная** составляющие. В состав субфактора **демографического развития** включены следующие показатели: 1) уровень рождаемости на 1 000 человек; 2) ожидаемая продолжительность жизни населения; 3) число преступлений, совершенных несовершеннолетними на 1 000 человек; 4) заболевание населения алкоголизмом и алкогольными психозами на 100 тыс. человек; 5) заболеваемость на 100 тыс. человек населения с впервые в жизни установленным диагнозом.

В состав субфактора **образования** включены следующие показатели: 1) охват детей дошкольным образованием; 2) выпуск учащихся с аттестатом о среднем образовании на 1 000 человек; 3) выпуск квалифицированных рабочих и служащих, соотносенные с общим числом населения; 4) выпуск специалистов с высшим образованием, соотносенный с численностью населения; 5) численность исследователей с учеными степенями на 1 000 человек.

Интегральная оценка конкурентоспособности регионов Республики Беларусь

В таблице 1 приведены балльные оценки по регионам Республики Беларусь по четырем факторам и восьми субфакторам, а также интегральные оценки конкурентоспособности регионов. В таблице 2 представлены регионы Республики Беларусь в ранжированном виде по уровню балльной интегральной оценки. Ранги приведены от одного до семи, которые получили регионы по каждому из факторов и субфакторов.

Формула расчета интегральной оценки конкурентоспособности по всем факторам имеет вид:

$$I = \frac{\sum_{i=1}^n КП_i}{n} \quad (1),$$

где I – интегральная оценка конкурентоспособности; $КП_i$ – обобщенная нормированная оценка по фактору; n – количество учитываемых факторов при измерении уровня конкурентоспособности.

Наивысшую оценку конкурентоспособности имеет г. Минск – 74 балла. В этом регионе все восемь субфакторов имеют балльные оценки выше, чем в среднем по Республике Беларусь. Самую низкую оценку интегральной конкурентоспособности имеет Могилевская область (22 балла).

Брестский регион в конкурентном соревновании в 2014 г. по интегральной оценке конкурентоспособности регионов Беларуси занимал 3 место (40,5 балла) (для сравнения: в 2011 г. наш регион был только на пятом месте).

Проблемными в развитии Брестской области являются инновационная составляющая (17 баллов, 6 место) и низкий уровень развития экономики (14 баллов, 5 место). Эти показатели в сочетании с низкими денежными доходами населения региона (34 балла) существенно понижают интегральную оценку конкурентной привлекательности Брестского региона.

К **преимуществам** региона можно отнести условия жизни населения (63 балла, 2 место) и демографическую составляющую конкурентного потенциала (77 баллов, 1 место). Повысились в 2014 г. конкурентные свойства Брестской области по динамике роста экономики (2011 г.: 14 баллов, 7 место; 2014 г.: 53 балла, 6 место). По денежным доходам Брестский регион переместился с 7 места в 2011 г. на 2 в 2014 г.

Порядковый номер региона в общем рейтинге конкурентоспособности не полностью характеризует его место среди регионов Республики Беларусь. Если весь диапазон шкалы (от 74 баллов у Минска до 22 у Могилевской области) разделить на пять равных отрезков, то можно увидеть, в какую группу попадает тот или иной регион по конкурентоспособности.

Первая (высшая) группа регионов разместилась в диапазоне от 74 до 63,6 баллов включительно. В эту часть диапазона попал один регион – г. Минск, который отнесен к группе с **высокими конкурентными свойствами**. Следующие два участка диапазона: от 63,6 до 53,2 балла (группа с повышенной конкурентной привлекательностью) и от 53,2 до 42,8 – баллов остались без регионов. Все остальные регионы разместились в участках диапазона конкурентоспособности по интегральной оценке от 53,2 до 22 баллов – места с **пониженными или низкими конкурентными свойствами** (рисунок 1).

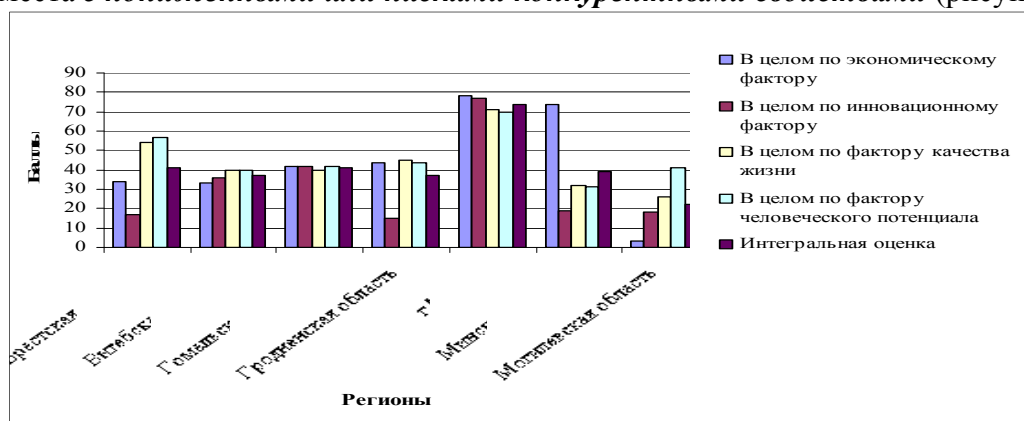

Рисунок 1. – Оценки по факторам и интегральной оценке конкурентной привлекательности регионов Республики Беларусь (2014 г.)

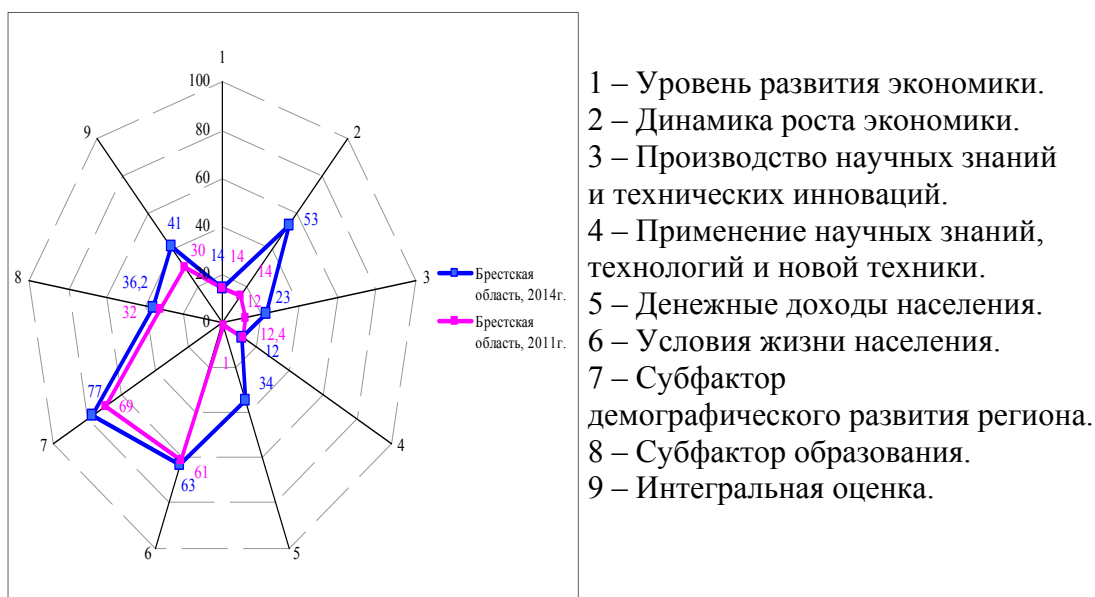

Рисунок 2. – Сопоставление балльных оценок конкурентных свойств по 8 субфакторам и интегральному показателю конкурентоспособности Брестского региона (2011 и 2014 гг.)

В таблице 3 приведены данные о распределении регионов по группам конкурентоспособности с указанием численности населения, проживающего в этих регионах. **В 2014 г. 79,6% населения нашей страны проживало в регионах с пониженными или низкими конкурентными свойствами.** Еще ниже результаты конкурентных свойств по интегральному показателю конкурентоспособности регионов Республики Беларусь были в 2011 г. Пониженная конкурентная привлекательность регионов будет приводить к тому, что и рабочие места, и население последних групп регионов будут постоянно перемещаться в регионы с более высокими конкурентными свойствами [2].

Таблица 3. – Ранжирование и группировка регионов по интегральной оценке конкурентной привлекательности (2014 г.)

Регион	Интегральная оценка конкурентной привлекательности	Группа по уровню конкурентной привлекательности	Численность населения по группе регионов, тыс. чел.	Удельный вес по группе регионов, % ко всем жителям РБ
г. Минск	74	1	1 938,2	20,4
Гомельская обл.	41,4	4	6 471,9	68,3
Брестская обл.	40,5	4		
Минская обл.	39	4		
Витебская обл.	37,13	4		
Гродненская обл.	37	4		
Могилевская обл.	22	5	1 070,8	11,3

Кроме ранжирования и группировки регионов целесообразно осуществить **типологические построения регионов по интегральной оценке** по следующим сочетаниям факторов:

- 1) экономическое и инновационное развитие;
- 2) экономическое развитие и качество жизни;
- 3) экономическое развитие и человеческий потенциал.

Результаты расчетов показывают, что к первому типу регионов, сочетающих высокий и повышенный уровень экономического и инновационного развития, относится г. Минск. Ко второму типу регионов с повышенным уровнем экономического, но ниже среднего по стране уровнем инновационного развития относится Минская область (рисунок 3, таблица 4).

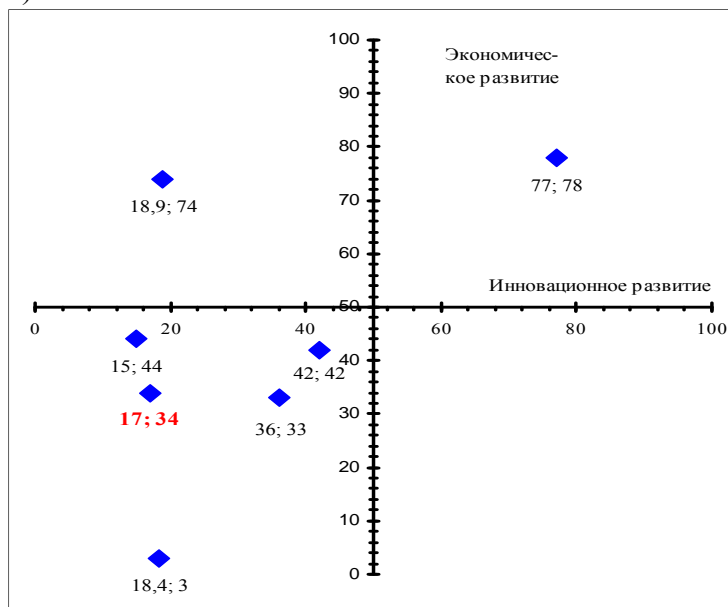

Рисунок 3. – Типология регионов Республики Беларусь в контексте экономического и инновационного развития (2014 г.)

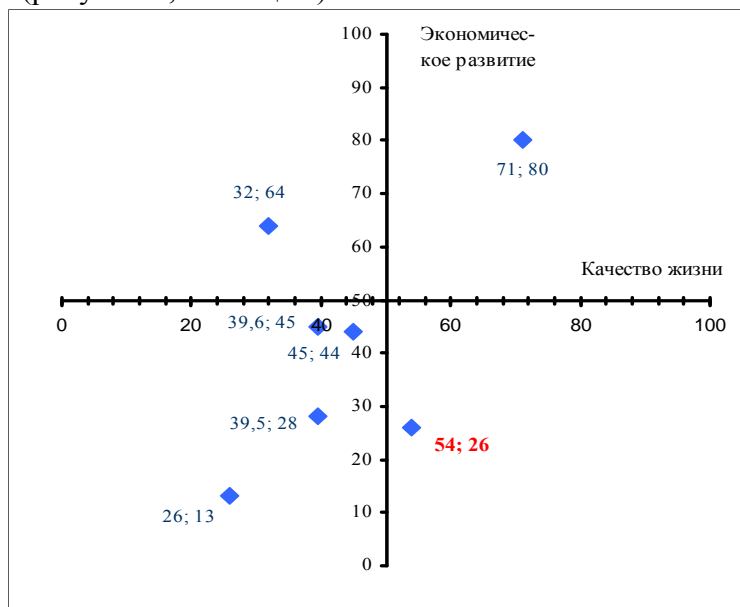
Таблица 4. – Типология регионов на основе обобщенных оценок по факторам экономического и инновационного развития (2014 г.)

Группа регионов	Балльные оценки региона по факторам экономического и инновационного развития
Тип 1. Регионы с высоким уровнем экономического и инновационного развития	г. Минск (77; 78)
Тип 2. Регионы с высоким уровнем экономического и низким уровнем инновационного развития	Минская обл. (18, 9; 74)
Тип 3. Регионы с высоким инновационным и низким уровнем экономического развития	–
Тип 4. Регионы с низким уровнем экономического и инновационного развития	Брестская обл. (17; 34); Витебская обл. (36; 33); Гомельская обл. (42; 42), Гродненская обл. (15; 44), Могилевская обл. (18, 4; 3)

Брестская область относится к четвертому типу регионов по сочетанию *низкого уровня экономического и инновационного развития*. Брестский регион имеет опережение по экономическому развитию по сравнению с инновационным (34 и 17 баллов), что свидетельствует о недостаточном внимании и усилиях местных предприятий к использованию научно-технических достижений. По сравнению с 2011 г. в 2014 г. Брестский регион нарастил потенциал экономического и инновационного факторов: 12 и 15 баллов в 2011 г. и 17 и 34 балла в 2014 г. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы Брестская область смогла переместиться из группы регионов 4 типа в более прогрессивные группы с повышенными соотношениями уровня развития инновационного и экономического фактора.

Распределение регионов по рассмотренной типологии инновационно-экономического развития показывает необходимость экономического роста с обязательным использованием инновационных достижений в регионах.

Другая типология построена на основе сочетания уровня развития экономики и качества жизни (рисунок 4, таблица 5).

Рисунок 4. – Типология регионов Республики Беларусь относительно показателей экономического развития и качества жизни (2014 г.)

Таблица 5. – Типология регионов на основе обобщенных оценок по факторам экономического развития и качества жизни

Группа регионов	Балльные оценки региона по факторам экономического развития и качества жизни
Тип 1. Регионы с высоким уровнем экономического развития и качества жизни	г. Минск (71; 80)
Тип 2. Регионы с высоким уровнем экономического развития и низким уровнем качества жизни	Минская обл. (32; 64)
Тип 3. Регионы с высоким уровнем качества жизни и низким уровнем экономического развития	Брестская обл. (54; 26)
Тип 4. Регионы с низким уровнем экономического развития и качества жизни	Витебская обл. (39,5; 28); Гомельская обл. (39,6; 45); Гродненская обл. (45; 44); Могилевская обл. (26; 13)

Результаты данной типологии свидетельствуют, что Брестский регион использовал резервы в повышении своих конкурентных свойств за счет увеличения уровня развития экономики и улучшения качества жизни и перешел из 4 типа регионов в 2011 г. в 3 группу в 2014 г.

На рисунке 5 и в таблице 6 представлена типология по соотношению уровня экономического развития и человеческого потенциала.

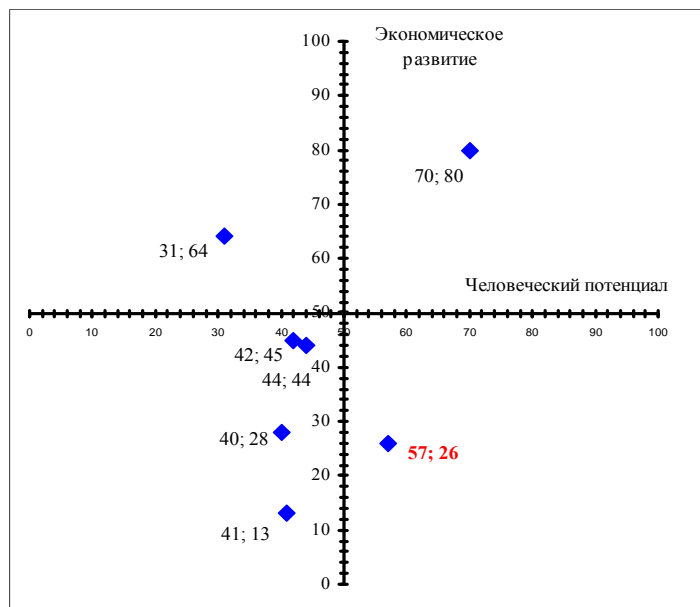

Рисунок 5. – Типология регионов Республики Беларусь по параметрам экономического развития и человеческого потенциала (2014 г.)

Таблица 6. – Типология регионов на основе обобщенных оценок по факторам экономического развития и человеческого потенциала

Группа регионов	Балльные оценки региона по факторам экономического развития и человеческого потенциала
Тип 1. Регионы с высоким уровнем экономического и человеческого потенциала	г. Минск (70; 80)
Тип 2. Регионы с высоким уровнем экономического и низким уровнем развития человеческого потенциала	Минская обл. (31; 64)
Тип 3. Регионы с высоким уровнем развития человеческого потенциала и низким уровнем экономического развития	Брестская обл. (57; 26)
Тип 4. Регионы с низким уровнем экономического развития и уровнем человеческого потенциала	Витебская обл. (40; 28); Гомельская обл. (42; 45); Гродненская обл. (44; 44); Могилевская обл. (41; 13)

Брестский регион в 2014 г. улучшил свои балльные оценки экономического развития и человеческого потенциала за счет демографического развития (69 баллов в 2011 г. и 77 баллов в 2014 г.) и укрепился среди регионов на 3 месте.

Заключение

Брестский регион в конкурентном соревновании в 2014 г. занимал **3 место** по интегральной оценке конкурентоспособности регионов Республики Беларусь.

Недостатки в развитии Брестской области выявлены в инновационной составляющей (17 баллов и 6 место) и в уровне развития экономики (14 баллов и 5 место). Самое **проблемное** из конкурентных свойств фактора качества жизни Брестского региона – это размер номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников (1 балл и 7 место).

Преимуществами региона являются условия жизни населения региона (63 балла и 2 место) и демографическая составляющая конкурентоспособности (77 баллов и 1 место). Это значит, что **на основе фактора человеческого потенциала** у Брестской

области существуют реальные **возможности улучшения** экономических и инновационных показателей развития региона.

Рассмотренные параметры Брестской области показывают возможность проведения углубленного анализа конкурентоспособности отдельных регионов. Изучение всех составляющих конкурентоспособности очень важно для **анализа** и **выбора стратегии** повышения конкурентоспособности и регионов, и страны в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. – Минск : Юнипак, 2015. – 99 с.

2. Гринчель, Б. М. Экспериментальная проверка метода измерения конкурентного потенциала регионов России [Текст] / Б. М. Гринчель, Е. А. Назарова // Модернизация и экономическая безопасность России / под ред. акад. Н. Я. Петракова. – М. ; СПб., 2011. – Т. 2. – С. 354–383.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.03.2016

Chetyrbock N.P., Osoprelko T.N. Analysis of the Competitiveness of the Region (on the Example of Brest Region)

This article offers methodological procedures and the calculation of integrated quantitative gauges that are relevant to today's socio-economic reality of the Republic of Belarus and the challenges ahead to the regions, to analyze the competitiveness of the regions of the Republic of Belarus. Based on the calculated estimates of the proposed method for each region, you can get your map in the competitive attractiveness of the socio-economic area of the country that can help make the right choice of a strategy to improve the region's rankings on the most important from the point of view of the local development of competitive properties.

УДК 334.722 (476)

А.К. Крамаренко

*магистр экон. наук, аспирантка 2 года обучения,
ст. преподаватель каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современный этап развития малого предпринимательства в Беларуси характеризуется тем, что на уровне государства утвердилось понимание необходимости активизации частной инициативы. Это обусловлено большой социально-экономической значимостью сектора малых предприятий, который объединяет жизненные интересы основной массы населения, вовлеченной в повседневную трудовую деятельность. Автор системно рассматривает функционирование субъектов сектора малого предпринимательства в национальной экономике по основным макроэкономическим параметрам, важнейшим отраслям и видам деятельности, по регионам (областям и г. Минску), выявляет особенности его развития и основные проблемы. Автор полагает, что в Беларуси существуют значительные резервы роста эффективности деятельности субъектов малого предпринимательства, для раскрытия потенциала которых необходимо время и целенаправленные действия властей всех уровней.

Введение

Неотъемлемой и важнейшей частью рыночной экономики сегодня является малое предпринимательство, играющее существенную роль в развитии национальной экономики. Развитое малое предпринимательство обеспечивает стабильность государства, обслуживает своих граждан, создает богатство стране. Малые предприятия придают необходимую гибкость рыночному механизму, создают предпосылки инновационного развития экономики, формируя, с одной стороны, соответствующую конкурентную среду, с другой – генерируя основные нововведения. В современных экономических условиях, связанных с кризисными явлениями, целенаправленная государственная поддержка предпринимательства, создание необходимых условий для его развития должны занимать важное место в комплексе антикризисных мер властей страны.

В 1991 г. Республика Беларусь получила статус независимого суверенного государства. С того времени начали предприниматься шаги по формированию законодательной базы предпринимательской деятельности. Точкой отсчета развития малого предпринимательства принято считать 1992 г. Тогда впервые решением правительства была принята первая государственная программа поддержки предпринимательства. Вскоре был создан Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей (БФФПП), который был призван стать ведущим внутренним источником финансирования бизнеса. С того времени в предпринимательстве Беларуси произошли значительные изменения в количественном и качественном составе субъектов хозяйствования, в правовой и макроэкономической сферах, в государственной политике в области малого бизнеса.

Практическая значимость проводимого исследования, его актуальность на современном этапе определили тематику данной статьи, цель которой – проанализировать участие субъектов малого предпринимательства Беларуси в основных экономических показателях страны, выявить особенности и проблемы на пути развития.

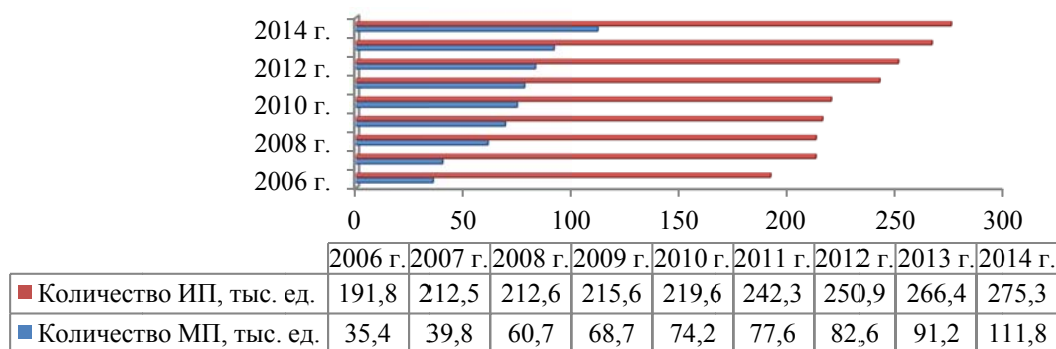

Научный руководитель – Н.П. Четырбок, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой управления, экономики и финансов Брестского государственного технического университета

Анализ деятельности субъектов малого предпринимательства в Беларуси за 2006–2014 гг.

Проведем анализ уровня развития малого предпринимательства в Беларуси. Реализация на практике результатов исследования позволит создать благоприятные условия для развития рыночных структур на территории Беларуси.

Так, в 2014 г. в Республике Беларусь на 1 000 жителей приходилось более 30 малых предприятий, в то время как в странах ЕС – 54, в США – 77,2 [2]. Официально декларируется ежегодный рост числа предприятий сектора (диаграмма).

Диаграмма. – Динамика количества субъектов малого предпринимательства в 2006–2014 гг., тыс. ед. [3; 4]

Анализ динамики численности малых предприятий (диаграмма) позволяет увидеть тенденцию роста, однако не столь значительную и устойчивую. Так, в среднем прирост малых предприятий за год составляет 10%. За 2010–2012 гг. эта тенденция изменилась, и прирост стал составлять не более 6%. С 2013 г. прирост количества МП наблюдается более быстрыми темпами.

Относительно количества ИП тенденция роста еще меньше выражена. Прирост числа ИП является неустойчивым и варьируется в зависимости от анализируемого года (2011 г. – 10,3%; 2012 г. – 3,5%; 2013 г. – 6,1%, 2014 г. – 3,3%). Непосредственное влияние на динамику численности сектора оказывают следующие факторы: проводимая государственная политика; наличие административных барьеров; проблемы поиска своей ниши; ограничения на валютном рынке, нестабильность валютного курса и иные негативные макроэкономические факторы.

Субъекты малого предпринимательства распределены по территории республики неравномерно (таблица 1). Большая часть малых предприятий сконцентрирована в Минске и Минской области. Это объясняется тем, что столица обладает развитой производственной и социальной инфраструктурой, на ее территории сконцентрированы производственные мощности и квалифицированные кадры. Денежные доходы населения г. Минска и Минской области в среднем превышают доходы населения других областей. Так, среднемесячная зарплата в столице в среднем на 30% выше, чем в среднем по республике. Среди остальных областей по количеству малых предприятий лидирует Брестская область. Здесь определенное влияние оказывает приграничное сотрудничество со странами ЕС, близость к Республике Польша (обмен опытом в рамках рабочих встреч, фестивалей и др.). Наименьшее количество субъектов малого предпринимательства приходится на Могилевскую область, что связано с историческим развитием территории. Индивидуальные предприниматели распределены по регионам неравномерно: они преобладают в г. Минске, в Брестской и Витебской областях.

Таблица 1. – Распределение малых предприятий по регионам Республики Беларусь, ед. [3; 4]

Год	Регион						
	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2006	2 834	2 967	3 018	2 590	16 914	4 375	2 692
2007	3 186	3 204	3 396	2 854	18 970	5 181	2 991
2008	6 378	5 571	5 406	5 147	24 337	8 755	5 125
2009	7 267	6 328	6 393	5 943	26 646	10 235	5 929
2010	7 764	6 755	6 988	6 304	28 776	11 471	6 188
2011	8 087	7 023	7 549	6 563	29 689	12 287	6 407
2012	8 488	7 128	7 908	6 847	31 959	13 670	6 612
2013	9 473	8 007	8 827	7 939	33 352	16 613	7 385
2014	10 726	9 743	10 148	8 762	41 970	21 203	9 211

Крайне слабо развито малое предпринимательство в малых городах и сельской местности. Малые предприятия не спешат открывать свое дело на селе ввиду следующих трудностей: ограниченные местные трудовые и сырьевые ресурсы; низкая квалификация кадров; отсутствие инфраструктуры; слабое развитие внутреннего рынка и др. Для преодоления межрегиональной дифференциации в развитии бизнеса необходимо проводить глубокий анализ социально-экономического развития регионов, условий налогообложения, существующих механизмов государственной поддержки малого бизнеса, изучать потребности регионов в различных видах товаров и услуг.

Определенное представление о роли малого предпринимательства в национальной экономике дает их характеристика по видам деятельности. Сфера деятельности малых предприятий охватывает все отрасли экономики, но наибольшее количество из них зарегистрированы в торговле и общественном питании, промышленности и строительстве (около 80%). Если группировать отрасли по секторам экономики, то в 2014 г. на первичный сектор экономики (аграрно-промышленный сектор) приходилось 3,4% малых предприятий; на вторичный (производство промышленных изделий) – 13,8%; на третичный сектор (сфера услуг) – 82,8%. Распределение субъектов по секторам экономики обусловлено как внешними факторами (порядок сертификации продукции; регулирование цен; получение лицензии; изменчивость покупательского спроса и др.), так и внутренними факторами (недостаток производственных помещений; нехватка квалифицированных сотрудников; сложность поиска рыночной ниши и др.). Субъекты малого предпринимательства все шире вовлекаются в сферы экономики, ранее характерные только для крупных предприятий: производство нефтепродуктов, пиломатериалов и др. МП активно работают в промышленности, специализируясь и дифференцируя производство.

На долю субъектов малого предпринимательства (по итогам 2014 г.) приходилось: 19,1% средней численности работников; 14,8% совокупного ВВП страны; 9,1% общего объема промышленной продукции; 30,7% от объема инвестиций в основной капитал; 30,6% внешнеторгового оборота.

Стратегической задачей Республики Беларусь до 2020 г. является расширение участия субъектов малого предпринимательства в социально-экономических показателях страны, а также приближение к показателям экономически развитых стран мира. Так, доля субъектов сектора в ВВП должна составлять не менее 40%. Во всех развитых странах на долю субъектов малого предпринимательства приходится 60–70% ВВП. Доля занятых на малых предприятиях должна приблизиться к 45%. В странах ЕС сектор МП обеспечивает 70% рабочих мест в экономике. Удельный вес субъектов сектора в общем объеме экспорта Беларуси необходимо довести до 55%, а долю в промышлен-

ном производстве – до 35% [2; 5]. В настоящее время доля субъектов малого предпринимательства в промышленном производстве Германии более 40%, в США и Польше – более 50%, в Израиле и странах Скандинавии – более 70% [2; 5].

Таблица 2. – Удельный вес субъектов малого предпринимательства в основных экономических показателях, % [3; 5]

Год	Средняя численность работников МП в общем количестве занятых	Доля ВВП МП в совокупном ВВП	Доля объема промышленного производства МП в общем объеме промышленного производства	Инвестиции в основной капитал МП в общем объеме	Внешняя торговля	
					Доля МП в экспорте товаров	Доля МП в импорте товаров
2006	11,4	8,8	7,3	7,1	15,3	31,9
2007	12,1	8,3	7,6	10,6	7,2	22,0
2008	14,6	9,3	8,2	13,1	7,9	24,1
2009	17,5	11,4	8,6	23,9	34,3	27,6
2010	17,6	12,3	8,9	27,0	38,9	30,0
2011	17,9	14,5	11,8	25,9	33,9	25,8
2012	18,4	15,0	10,5	26,1	30,0	27,0
2013	19,4	14,9	9,5	26,7	26,2	29,3
2014	19,1	14,8	9,1	30,7	32,7	28,7

Из таблицы 2 видно, что участие субъектов малого предпринимательства в экономике Республики Беларусь увеличивается с каждым годом, но незначительными темпами. Так, средний прирост показателей по годам составляет порядка 9%. Более быстрыми темпами растут показатели по объему промышленного производства и экспорту товаров. Это явление не находит достойного отражения в формировании ВВП страны. Главным образом увеличение доли МП в белорусской экономике достигается за счет количественного фактора – увеличения числа предприятий. Качественный рост сектора сдерживается административными препятствиями, неравными условиями хозяйственной деятельности по сравнению с государственным сектором, неблагоприятными макроэкономическими факторами и др. В 2010 г. рост доли МП был обусловлен принятием Директивы Президента Республики Беларусь № 4, которая содержала положения, устраняющие некоторые барьеры ведения предпринимательской деятельности. С середины 2014 г. вопросы развития малого предпринимательства регламентировал Указ Президента Республики Беларусь № 222 «О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров индивидуальными предпринимателями и иными физическими лицами». По решению Президента страны А.Г. Лукашенко действие указа было перенесено на 1 января 2016 г.

Белорусское малое предпринимательство в большинстве своем сосредоточено на внутреннем рынке страны. Что касается деятельности за рубежом, то в 2014 г. субъекты малого предпринимательства обеспечили 30,6% общего внешнеторгового оборота страны. Малые предприятия Беларуси больше приобретают товаров за рубежом, чем продают. Этот факт объясняется спецификой их деятельности. В последнее время внешне-торговая деятельность МП приобретает экспортно-ориентированную направленность. Однако особой целенаправленной государственной поддержки экспортеров – субъектов малого предпринимательства – в Беларуси нет.

Анализ внешней торговли субъектов сектора в областном разрезе показывает, что наибольшее количество субъектов – участников внешнеэкономической деятельности расположено в г. Минске (47,4%) и Минской области (18,3% от общего числа). Относительно товаров наибольшую долю в экспорте в 2014 г. занимали минеральные

продукты (около 50%) и продукция химической промышленности: химические волокна и другая продукция, вырабатываемая из импортного сырья. География экспортных поставок включает такие страны, как Нидерланды (около 30%), Россия (около 15%), Украина (около 13%) [2]. Лидирующее положение во внешнеторговом обороте услуг занимают перевозки.

Малый бизнес Беларуси активно осуществляет инвестиционную деятельность. Инвестиции в основной капитал малых предприятий в 2014 г. составили 69 308,9 млрд руб. (30,7% от инвестиций в основной капитал Беларуси) (для сравнения: в целом по стране данный показатель в 2014 г. составил 225 658,9 млрд руб.). В структуре инвестиций средства юридических лиц и кредиты составляют 77%, иностранные инвестиции – 16%, бюджетные поступления – 4% [2; 5]. Малые предприятия испытывают трудности при получении внешней финансовой помощи, что объясняется высокими процентными ставками заемных средств, отсутствием залогового имущества, краткими сроками возврата финансовых средств. Удорожание заимствования также связано с повышением ставки рефинансирования в стране. Недостаточная финансовая поддержка сектора МП и отсутствие реальных финансово-кредитных механизмов значительно снижают предпринимательскую активность.

Характер и масштабы инновационной деятельности во многом определяются условиями хозяйствования, целевыми установками и мотивами. Согласно данным Министерства статистики и анализа Беларуси в 2014 г., инновационно-активными являются более 50 малых организаций, действующих в сферах машиностроения, химическом производстве, легкой промышленности, транспортных перевозках. Среди них ЗАО «Август-Бел»; Завод несъемной опалубки в Бресте; ОАО «Щучинский завод «Автопровод»»; СП «Амипак» ОАО; ОАО «Витебский плодоовощной комбинат»; Бобруйское ОАО «Славянка» и др.

Основными направлениями инновационной деятельности МП является приобретение новых технологичных машин и оборудования (более 70%), а также исследование и разработка новых продуктов (услуг) – около 20%. [2; 6]. Малый инновационный бизнес, постоянно находясь в зоне риска, быстро реагирует на всевозможные изменения, готовит предпринимателей нового уровня, которые быстро адаптируются к изменениям и разрабатывают новые идеи.

На пути инновационной деятельности предприниматели встречают ряд препятствий, основными из которых являются отсутствие должных экономических стимулов работы в инновационной сфере, неразвитость инновационной инфраструктуры, отсутствие необходимых финансовых средств. Проблема инвестирования связана с большим риском невозврата и большим сроком окупаемости. У большинства таких проектов нет должных гарантийных средств, их ресурсы ограничены, а опорой являются лишь собственные идеи и технологии. В период макроэкономической нестабильности Беларуси внедрение инноваций субъектами МП может сыграть существенную роль в импортозамещении товаров (бытовой техники, продуктов питания, одежды, парфюмерии и пр.).

Успешность финансово-хозяйственной деятельности определяется конечным результатом. За анализируемый период выручка от реализации товаров, услуг, выполнения работ, а также чистая прибыль малых предприятий характеризуются ростом (около 30%). Рост выручки от реализации и чистой прибыли во многом обусловлен высокой инфляцией, девальвацией национальной валюты. Рентабельность реализованной продукции, работ, услуг имеет тенденцию к снижению (2011 г. – снижение на 21%; 2012 г. – на 13,6%; 2013 г. – на 17,5%; в 2014 г. – на 8,7%) [4]. С 2011 г. уровень рентабельности малых предприятий был ниже, чем в среднем по стране (в народном хозяйстве Беларуси – 10%). Удельный вес убыточных малых предприятий является относительно большим. Так, почти каждое четвертое малое предприятие является убыточным.

Проблемы развития малого предпринимательства в Республике Беларусь

Современный этап развития малого предпринимательства в Беларуси связан со значительными преобразованиями в данной сфере. На уровне государства утвердилось понимание необходимости активизации частной инициативы. Динамичное развитие Беларуси, рост национальной экономики, благосостояние населения, наращивание экспортной деятельности предполагают развитие рыночных структур. Знание тенденций развития предпринимательства в Беларуси, его особенностей имеет существенное значение для проведения экономической политики, нахождения резервов роста эффективности деятельности субъектов. Проведенный выше анализ развития малого предпринимательства в Республике Беларусь за период 2006–2014 гг. позволил выделить следующие его особенности:

1. Темпы роста количества малых предприятий не столь значительны и неустойчивы; с каждым годом наблюдается сокращение прироста количества ИП.

2. Неравномерность территориального развития: большая часть сконцентрирована в Минске и Минской области; крайне слабо развито малое предпринимательство в малых городах и сельской местности.

3. Вклад в макроэкономические показатели страны остается незначительным (до 15% в ВВП; 10% в объеме промышленного производства; до 31% от объема инвестиций в основной капитал; 30% внешнеторгового оборота и др.); главным образом, увеличение доли МП в белорусской экономике достигается за счет увеличения числа предприятий.

5. Белорусское малое предпринимательство сосредоточено на внутреннем рынке страны; доля МП, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, находится на уровне 30%; в последнее время внешнеторговая деятельность МП приобретает экспортную направленность.

6. Инвестиционная деятельность МП сдерживается ограниченностью собственных финансовых ресурсов, трудностью доступа к заемным средствам, незначительной государственной финансовой поддержкой.

7. Сфера деятельности охватывает все отрасли экономики. На первичный сектор экономики (аграрно-промышленный) приходится 3,4% количества малых предприятий; на вторичный (производство промышленных изделий) – 13,8%; на третичный (сфера услуг) – 82,8%. Отраслевая структура МП на протяжении последних лет значительно не изменялась.

8. Незначительная часть субъектов сектора МП является инновационно-активной. Такие субъекты сконцентрированы в машиностроении, химической и легкой промышленности, транспортных перевозках. Инновационная деятельность связана в основном с технологическими нововведениями, приобретением машин и оборудования.

9. В последние годы рентабельность субъектов снижается и находится ниже среднереспубликанского уровня; каждое четвертое малое предприятие убыточно.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что, несмотря на определенные успехи и положительную динамику, еще существуют значительные резервы роста участия малого предпринимательства в экономической жизни страны. В ходе проведенного исследования выявлен ряд проблем, сдерживающих развитие субъектов сектора МП. Среди множества причин главными являются:

1) высокая инфляция, плавная девальвация национальной валюты, последствия глобального финансово-экономического кризиса;

2) рост стоимости заимствований и дефицит финансовых ресурсов;

3) сложность таможенно-тарифного регулирования;

4) высокие налоговые выплаты;

5) острый дефицит квалифицированных рабочих кадров;

- б) отсутствие информации о рынках, слабое развитие маркетинговых и консалтинговых услуг;
- 7) повышенные требования к сертификации;
- 8) отсутствие равных условий хозяйствования.

Заключение

Полученные результаты исследования позволят определить благоприятные условия для развития малого предпринимательства на территории Беларуси. В современных условиях на уровень развития малого предпринимательства оказывает существенное влияние степень его государственной поддержки и регулирования. Решение проблем предпринимательства в Беларуси необходимо осуществлять по двум направлениям. Первое – это улучшения экономической ситуации, что позволит решить сразу несколько важных проблем, таких как низкая покупательская способность населения, доступ к кредитным ресурсам и др. Второе – это принятие административных мер, которые должны снизить нагрузку на субъекты малого предпринимательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационно-аналитические материалы о развитии МСП в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/small_business/iam-on-development-of-small-business-in-rb. – Дата доступа: 11.09.2014.
2. Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь. Публикации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ced.by/ru/publication>. – Дата доступа: 25.06.2015.
3. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь, 2014 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 380 с.
4. Информация к постановлению Совета Министров Республики Беларусь, 12.06.2013 г., № 478 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/comments/informatsija-k-postanovleniju-soveta-ministrov-respubliki-belarus-ot-12062013-g--478.html>. – Дата доступа: 25.06.2015.
5. О стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ced.by/ru/publication/~shownews/bel2020>. – Дата доступа: 20.06.2015.
6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2014 : стат. ежегодник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 121 с.
7. Предпринимательство и региональное развитие : материалы конф. и проекта / под ред. Г. П. Бадея, Ж. К. Тарасевич. – Минск : Энциклопедикс, 2013. – 104 с.
8. Салтанович, Н. В. Направления совершенствования государственной поддержки предпринимательства в малых и средних городских поселениях / Н. В. Салтанович // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2013 г. – № 6.
9. Филиппова, Л. Е. Перспективы развития государственно-частного партнерства / Л. Е. Филиппова // Вестн. БГЭУ. – 2014. – № 5(106). – С. 18–25.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.03.2016

Kramarenko A.K. Economic Development of Small Business in Belarus and its Features in Modern Conditions

In the article the author systematically reviews the operations of business in the national economy by main macroeconomic parameters, the most important branches and kinds of economic activities, by regions – districts and Minsk city. The author investigates the features of its development and main problems. The author believes that in Belarus there are significant reserves of business efficiency growth. The expansion of the capacity of the sector requires time and concerted actions of the authorities at all levels.

УДК 338.467.6

А.А. Черкасов¹, И.Г. Черкасова²

¹аспирант 3 года обучения каф. инновационного менеджмента
Белорусского государственного университета

²магистрант 2 года обучения каф. туризма и страноведения
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проведена оценка роли сферы туризма в экономике Республики Беларусь. Изучен туристический потенциал на основе анализа структуры историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Исследована динамика развития отечественного рынка мобильных технологий. Предложен один из способов интеграции мобильных технологий в сферу туризма Республики Беларусь.

Введение

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12.05.2016 № 372 «О приоритетных видах деятельности (секторах экономики) для осуществления инвестиций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 2014 г. № 197», сфера туризма является одной из приоритетных отраслей развития Республики Беларусь. Ей уделяется значительное внимание на государственном уровне, создаются благоприятные условия для государственно-частного партнерства. В частности, для координации действий между организациями, оказывающими туристические услуги, и органами власти, а так же с целью формирования и развития современного конкурентоспособного туристического комплекса, увеличения вклада туризма в развитие национальной экономики была создана и принята постановлением Совета Министров Республики Беларусь Государственная программа на 2016 – 2020 гг. «Беларусь гостеприимная». Данная программа ставит своей целью развитие сферы туризма и гостеприимства и состоит из двух подпрограмм: первая – «Кадровое, научное и учебно-методическое обеспечение в сфере туризма» и вторая – «Маркетинг туристических услуг». В задачи подпрограммы 2 входят:

- 1) формирование многоуровневой системы продвижения туристических услуг;
- 2) развитие информационной системы комплексной поддержки внутреннего и въездного туризма[1].

Цель данного исследования – разработка рекомендаций по подготовке и внедрению в систему продвижения туристических услуг инновационных технологий с учетом тенденции роста потребления услуг связи населением.

При оценке эффективности сферы туризма Республики Беларусь следует обратить внимание на мировые показатели. Так, по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, вклад отрасли в мировой ВВП приближается к 10% (для сравнения: химическая промышленность дает 8,6%, автомобильная промышленность 7%). Наряду с прямыми тратами туристов на проживание и транспорт стимулируются многие отрасли: от торговли до сельского хозяйства. Каждое одиннадцатое рабочее место на планете прямо или косвенно зависит от туризма; его доля в мировом экспорте составляет 5,4%, а в экспорте услуг достигает 30%. Число туристов в мире выросло с 25 млн в 1950 г.

Научный руководитель – В.Ф. Байнёв, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Белорусского государственного университета

до 1,1 млрд в 2014 г. Доходы от туризма увеличились с 2 млрд долл. США в 1950 г. до 1,245 трлн долл. США в 2014 г. По прогнозам Всемирной туристской организации, количество туристов продолжит расти в среднем на 3,3% в год [2].

В то же время в Республике Беларусь доля туризма в ВВП страны составляет 3,3%, а если использовать спутниковый метод, то доля туризма возрастает до 6,4%, однако это ниже среднемировых показателей. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, число иностранных туристов, посетивших нашу страну в 2014 г., составило 276,3 тыс. человек, а число туристов, отправленных по маршрутам тура в пределах Республики Беларусь, в 2014 г. достигло 91,5 тыс. человек. Стоимость туров, оплаченных иностранными туристами, составила 260,4 млрд руб. В итоге выручка от оказания туристических услуг в Республике Беларусь в 2014 г. составила 1 129,6 млрд руб.

Однако Беларусь располагает значительным культурно-историческим потенциалом, что является одной из движущих сил развития сферы туризма и гостеприимства (таблица 1).

Таблица 1. – Материальные объекты наследия, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь

	Всего					Из них памятники				
		Всемирного значения	Международного значения	Республиканского значения	Регионального значения	Искусства	Исторические и документальные	Архитектуры и градостроительства	Археологии	Заповедные места
Республика Беларусь	4 729	12	69	598	4 050	116	1 150	1 599	1 860	4
Брестская область	741	2	6	134	598	22	225	331	163	–
Витебская область	888	2	1	77	808	6	254	280	346	2
Гомельская область	844	1	3	32	808	8	278	181	377	–
Гродненская область	684	4	17	125	539	11	93	252	328	–
Минская область	984	2	37	199	745	65	171	434	312	2
Могилевская область	588		5	31	552	4	129	121	334	

Всего на территории Республики Беларусь зарегистрировано 4 729 объектов культурного наследия, которые, в свою очередь, различаются по значимости и видам. По значимости культурное наследие подразделяется на объекты всемирного значения – 12 объектов (0,25%), международного значения – 69 (1,46%), республиканские и региональные: 598 (12,65%) и 4 050 (85,64%) объектов соответственно.

По видам объекты культурного наследия делятся следующим образом: 116 – искусства, на долю которых приходится 2,45%; 1 150 – исторические и документальные (23,32%); 1 599 – архитектуры и градостроительства (33,81%); 1 860 – археологии (39,33%); 4 – заповедные места (0,08%) [3].

В то же время в Республике Беларусь наблюдается тенденция роста потребления услуг связи в целом и мобильного Интернета в частности (таблица 2).

Таблица 2. – Развитие сети передачи данных в Республике Беларусь (2010–2015 гг.) [4]

Показатель	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Охват территории услугами сотовой подвижной электросвязи, %	97,8	98,1	98,2	98,4	97,6	98,1
Число абонентов всех видов передачи данных с выходом в Интернет, тыс.	5 432,2	6 804,8	8 360,5	9 433,1	9 690,8	10 300,1
Число абонентов – физических лиц по беспроводному доступу, тыс.	2 858,0	3 898,7	4 945,5	5 663,6	6 034,2	6 327,7
Число абонентов сети Интернет на 100 человек населения	57	72	88	100	102	108

Такая динамика развития показателей сети передачи данных способствует увеличению индекса информационно-коммуникационных технологий (далее – индекс ИКТ) Республики Беларусь с 6,89 до 7,18, что соответствует 36-й позиции в мировом рейтинге из 167 стран (в 2014 г. – 38-я; в 2013 г. – 41-я; в 2010 г. – 50-я). Кроме того, Беларусь вошла в десятку стран мира по темпу роста индекса развития ИКТ и заняла 1-е место среди стран СНГ по уровню развития ИКТ. Следует отметить, что в докладе Международного союза электросвязи Республика Беларусь относится к числу стран с высоким уровнем развития ИКТ [5]. Это подтверждает и постоянный рост пропускной способности внешних каналов доступа в сеть Интернет (рисунок).

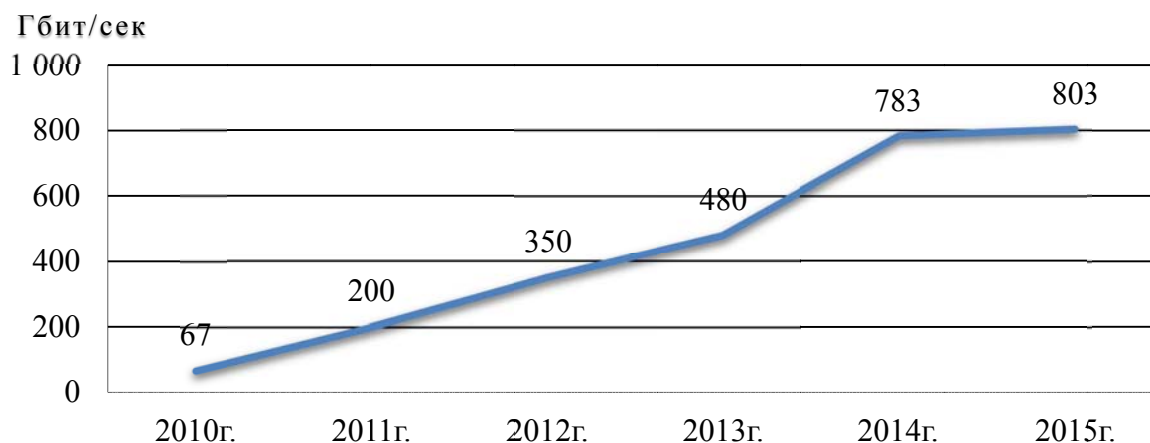

Рисунок. – Пропускная способность внешних каналов доступа в Интернет, Гбит/сек

Учитывая туристический потенциал Республики Беларусь, а также наметившиеся тенденции объединения инновационных технологий и жизни человека целесообразно предложить гипотезу, что эффективным способом продвижения туристических услуг будет симбиоз историко-культурных ценностей Республики Беларусь и пользующихся спросом мобильных технологий. Можно добиться повышения интереса к достопримечательностям, если интегрировать их в сферу мобильных приложений. Одним из вариантов такой интеграции является мобильное приложение-путеводитель.

Можно предложить вариант мобильного приложения-путеводителя, который будет совместим с геолокационными системами и будет способен отображать при определенном приближении к объектам их месторасположение. С учетом особенностей перемещения и плотности историко-культурных ценностей в крупных городах и негородской местности приложение будет оповещать пользователей о нахождении вблизи историко-культурных ценностей на расстоянии полукилометра в городах, в пригородах – на расстоянии 5 километров, а в сельской местности в радиусе 20 километров. После по-

ступления сигнала оповещения на экран смартфона будет выведена краткая информация об объекте, направлении и расстоянии до него. Соответственно, может быть показан кратчайший маршрут с возможностью выбора способа передвижения. После получения уведомления потенциальный турист может либо принять уведомление и следовать к указанному объекту, либо отклонить его и продолжить следовать по своему маршруту. При нахождении туриста вблизи объекта приложение может вывести на экран устройства полную информацию об объекте, а также предложить посетить расположенные неподалеку иные историко-культурные объекты.

Это базовый вариант приложения. Разумеется, его функциональные возможности могут быть увеличены, чтобы максимально учесть пожелания туристов. Вполне возможно добавление функции, которая на виртуальной карте отметит объекты, уже посещенные туристами, а также функции добавления фото- и видеоматериалов, относящихся к посещенному объекту. Кроме того, в приложении следует учесть особенности отдельных историко-культурных ценностей: при посещении мемориальных комплексов, например, Брестской крепости, возможность уменьшать радиус отображения объектов и подавать информацию порционно, в зависимости от перемещения по объекту.

Реализовать это предложение можно в форме как государственного заказа, так и государственно-частного партнерства. Следует учитывать, что белорусский рынок готов к появлению такого продукта, о чем свидетельствует информация от компании МТС – одного из крупнейших мобильных операторов Беларуси, что по состоянию на конец 2015 г. доля смартфонов достигла 38%.

Для установления стоимости разработки описанного приложения был использован метод незавершенной пробной покупки, т.е. компаниям, специализирующимся на Интернет-технологиях, были разосланы электронные письма с его описанием. В результате исследования выяснилось, что средняя стоимость разработки такого приложения обойдется примерно в 150 тыс. долл. США. Данная сумма обусловлена сложностью разработки, большим количеством объектов (4 729), на которые необходимо сформировать базы данных, и значительным объемом информации, а также мультиплатформенность, т.е. приложение должно одинаково эффективно поддерживаться и работать в разных операционных системах и устройствах.

Внедрение данного приложения позволит не только повысить осведомленность туристов о находящихся на территории Республики Беларусь историко-культурных объектах, но и увеличить срок их пребывания, а также будет способствовать повторному путешествию в нашу страну. Срок пребывания иностранных туристов на территории Беларуси в среднем составляет 4–5 дней. Зная выручку от оказания туристических услуг и общее количество туристов за год, можно вычислить средний расход одного туриста в день. По состоянию на 2014 г. данная сумма составляла 94,5 долл. США. Таким образом, при реализации проекта создания мобильного приложения для туристов (без привлечения частного капитала, а только через государственное финансирование) его окупаемость составит 1 588 человеко-дней дополнительного пребывания туристов на территории Республики Беларусь. Однозначно, что этот показатель полностью всех затрат прямым образом не покрывает, однако обеспечит в экономику страны приток денежных средств, который в результате мультипликативного эффекта будет расти.

Данное приложение может быть рекомендовано к установке мобильными операторами при подключении абонентов из других стран. Для его популяризации целесообразно использовать следующие способы продвижения:

- 1) установка рекламных щитов в районах пунктов пропуска через государственную границу Республики Беларусь, на железнодорожных и автовокзалах, в аэропортах;
- 2) размещение информации о данном приложении в печатном виде в журналах и буклетах, адресованных туристам;

3) размещение контекстной рекламы в сети Интернет для потенциальных иностранных туристов, интересующихся турами в Республику Беларусь.

Перечисленные выше способы продвижения являются наименее затратными для государства, т.к. могут быть отнесены к социальной рекламе. Согласно законодательству Республики Беларусь, информация будет являться социальной рекламой при наличии в совокупности следующих обязательных признаков: 1) объектами рекламирования являются права, интересы, обязанности, меры, явления (мероприятия) социального характера, направленные на защиту или удовлетворение общественных и государственных интересов; 2) информация имеет некоммерческий характер; 3) рекламодателем является государственный орган. В соответствии с пунктом 1 ст. 24 Закона Республики Беларусь «О рекламе» социальная реклама размещается (распространяется) на безвозмездной основе.

Таким образом, в случае реализации данного проекта за счет государственных инвестиций основные затраты будут связаны с производством и технической поддержкой мобильного приложения-путеводителя.

Заклучение

Туризм является драйвером мировой экономики, а также одним из важнейших направлений развития национальной экономики. В то же время в Республике Беларусь стремительно развиваются инновационные формы связи (мобильная связь и беспроводная передача данных). С учетом такой тенденции в рамках развития туризма можно предложить использование инновационных технологий, которые позволят соответствовать мировому уровню развития новаций. Одним из возможных путей реализации данного направления является создание мобильного приложения-путеводителя, внедрение которого будет способствовать как повышению интереса зарубежных туристов к Республике Беларусь, так и развитию внутреннего туризма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 232. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file-68ad1ebe4275085e.PDF>.
2. Туризм больших чисел [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2015. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2821008>. – Дата доступа: 02.10.2016.
3. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В. Я. Абламскі, І. М. Чарняўскі, Ю. А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 684 с.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (предс.) [и др.]. – Минск, 2016. – 519 с.
5. Анализ состояния рынка услуг передачи данных [Электронный ресурс] / Оперативно-аналитический центр при Президенте Респ. Беларусь. – 2016. – Режим доступа: <http://oac.gov.by/ikt/regulator/analysis.html>. – Дата доступа: 02.10.2016

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2016

Cherkasov A.A., Cherkasova I.G. Application of Innovative Technologies as a Factor of Tourist Attractiveness of the Republic of Belarus

The evaluation of the role of tourism in the economy of the Republic of Belarus. Studied tourism potential based on an analysis of the Republic of Belarus of historical and cultural values of the structure. The dynamics of the development of the domestic market of mobile technologies. A one way of integrating mobile technologies into the sphere of tourism of the Republic of Belarus.

ПРАВА

УДК 342.9:614.8-048.34

Е.Ю. Пасовец

*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. управления защитой от чрезвычайных ситуаций
Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ НОРМЫ «НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ИЛИ ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ»

В статье рассмотрена административная норма, которая устанавливает ответственность за нарушение законодательства о чрезвычайном или военном положении в современном белорусском обществе, предусмотренная статьей 23.59 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь. Определены понятия военного и чрезвычайного положения, систематизировано законодательство, регулирующее общественные отношения в области чрезвычайного и военного положения, нарушение которого является законным основанием применения административной статьи. Произведен сбор эмпирических данных по вопросам правоприменения рассматриваемой административной нормы, в результате чего выявлены существующие проблемы практической деятельности. Разработан юридический состав рассматриваемой административной нормы в части, касающейся нарушения законодательства о чрезвычайном положении, и части, касающейся нарушения законодательства о военном положении.

В мире вероятность объявления чрезвычайного или военного положения достаточно высока. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы теоретико-правового обеспечения режима чрезвычайного и военного положений и наказания за их нарушение. В ст. 23.59 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) предусмотрена ответственность за нарушение законодательства о чрезвычайном или военном положении: «Нарушение законодательства о чрезвычайном или военном положении влечет наложение штрафа в размере от десяти до сорока базовых величин или административный арест, а на юридическое лицо – до пятисот базовых величин» [1].

В настоящее время чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на всей территории Республики Беларусь или в ее отдельных местностях особый временный правовой режим деятельности государственных органов, иных организаций, их должностных лиц, допускающий установленные законодательством ограничения (приостановление) прав и свобод граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – граждане), прав организаций, а также возложение на них дополнительных обязанностей [2].

Военное положение – это особый правовой режим деятельности государства и общества, временно вводимый на территории Республики Беларусь в случае военной угрозы Республике Беларусь или нападения на Республику Беларусь (акта вооруженной агрессии), связанный с предоставлением государственным органам и органам военного управления, местным советам обороны полномочий, необходимых для предотвращения военной угрозы Республике Беларусь или отражения нападения на Республику Беларусь (акта вооруженной агрессии), а также с временным ограничением прав и свобод личности и прав организаций, возложением на них дополнительных обязанностей [3].

С целью изучения практики применения правовой нормы по ст. 23.59 КоАП органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям, что входит в профессиональную компетенцию должностных лиц государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны, был проведен сбор и анализ статистических данных по составляемым протоколам об административных правонарушениях по рассматриваемой статье на территории Республики Беларусь в различных ее регионах. В результате выяснилось, что по ст. 23.59 КоАП за последние 70 лет не было

составлено ни одного протокола об административном правонарушении, чему есть объективная причина. Основанием для правоприменения изучаемой нормы является введение в стране чрезвычайного или военного положения. Военное положение на территории Республики Беларусь в последний раз вводилось в годы Великой Отечественной войны, которое было последовательно объявлено на основании пункта «п» ст. 49 Конституции СССР Указами Президиума Верховного Совета СССР с 22 июня 1941 г. и не отменялось до конца войны. Тогда же было введено чрезвычайное положение на территории БССР [4].

При анкетировании работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям было установлено, что в административной практике нет инструмента по реализации ст. 23.59 КоАП: система законодательства о военном и чрезвычайном положении достаточно объемна и сложна, выделить из комплекса правовых норм юридический состав анализируемой статьи весьма сложно. Он включает, по сути, два состава: один обеспечивает возникновение, изменение и прекращение правоотношений в результате нарушения законодательства о чрезвычайном положении; другой – о военном положении. Рассмотрю их детально.

Современное законодательство о чрезвычайном положении Республики Беларусь включает нормы Конституции Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О чрезвычайном положении» от 24 июня 2002 г. № 117-З, постановления Совета Министров № 734 от 08 июня 2011 г. «Об учете лиц, участвовавших в обеспечении режима чрезвычайного положения», нормы административного и уголовного права Республики Беларусь.

Законным основанием применения административной нормы ст. 23.59 КоАП в части нарушения законодательства о чрезвычайном положении является введение его на всей территории Республики Беларусь или в отдельных ее местностях. Проанализировав законодательство о чрезвычайном положении Республики Беларусь, можно сформировать юридический состав административной нормы ст. 23.59 КоАП в части нарушения законодательства о чрезвычайном положении.

Субъект правонарушений данной нормы может быть как общий, так и специальный. Общий субъект – граждане Республики Беларусь. Находящиеся на территории Республики Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства подлежат административной ответственности на общих основаниях с гражданами Республики Беларусь. Вопрос об ответственности за административные правонарушения, совершенные на территории Республики Беларусь иностранными гражданами, которые, согласно действующим законам и международным договорам, пользуются иммунитетом от административной юрисдикции Республики Беларусь, разрешается дипломатическим путем. Граждане Республики Беларусь и иностранные граждане при введении чрезвычайного положения обязаны в полном объеме соблюдать комплекс чрезвычайных мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения.

Специальный субъект выступает в качестве следующих должностных лиц: Президента Республики Беларусь, Коменданта территории, на которой введено чрезвычайное положение, иных лиц, участвующих в обеспечении режима чрезвычайного положения, – а также государственных органов: Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, органов внутренних дел, органов государственной безопасности, внутренних войск, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, пограничных войск, средств массовой информации, республиканского органа республиканского управления, ведающего вопросами иностранных дел. Перечисленные государственные органы имеют свои задачи при введении режима чрезвычайного положения, невыполнение которых следует квалифицировать как нарушение законодательства о чрезвычайном положении Республики Беларусь и привлекать к административной ответственности по ст. 23.59 КоАП.

Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения включает вину, мотив, цель, эмоциональное состояние. Что касается общего субъекта нарушения законодательства о чрезвычайном положении, его вина может выступать в двух формах: умысла и неосторожности (при этом умысел может быть как прямой, так и косвенный). При прямом умысле лицо сознает, что нарушает законодательство о чрезвычайном положении и тем самым наносит вред, сознает вредный характер своего деяния; предвидит наступление общественно опасных или вредных последствий в результате своих действий по нарушению законодательства о чрезвычайном положении и желает их наступления. При косвенном умысле лицо сознает, что нарушает законодательство о чрезвычайном положении и тем самым наносит вред, сознает вредный характер своего деяния, предвидит наступление общественно опасных или вредных последствий своего деяния, сознательно допускает наступление общественно опасных или вредных последствий в результате своих действий по нарушению законодательства о чрезвычайном положении.

Неосторожность в рассматриваемой норме в части нарушения законодательства о чрезвычайном положении может выступать как в форме самонадеянности (легкомыслия), так и небрежности. При преступной самонадеянности лицо: 1) предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в результате нарушения законодательства о чрезвычайном положении и 2) легкомысленно рассчитывает на их предотвращение. При преступной небрежности лицо: 1) не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий в результате нарушения законодательства о чрезвычайном положении, хотя 2) должно было их предвидеть и могло их предвидеть.

Вина специального субъекта в рассматриваемой норме выражается в виновном совершении противоправных действий работниками государственных органов, исполняющими возложенные на них по закону или договору обязанности (служебные, трудовые) в случае введения чрезвычайного положения. Это может быть и юридическое лицо, совершившее административное правонарушение по нарушению законодательства о чрезвычайном положении, в состав которого включены какие-либо специальные признаки субъекта, дополняющие общие. Отметим, что юридическое лицо несет ответственность через его должностных лиц. Однако при принятии нормативных правовых актов, устанавливающих административную ответственность, нередко ответственность возлагается на само юридическое лицо, что может создать ощущение безнаказанности у должностных лиц за их неправомерные действия.

Мотив, цель и эмоциональное состояние в рассматриваемом юридическом составе являются факультативными признаками субъективной стороны и подлежат установлению при ведении административного процесса. Устанавливается, был ли мотив личным либо общественным, цель корыстной либо бескорыстной и т.д.

Объективная сторона при нарушении законодательства о чрезвычайном положении может выступать в форме как активного действия, так и бездействия. Примером активного действия со стороны общего субъекта рассматриваемой нормы может выступать нарушение комендантского часа – нахождение в запрещенном месте в запрещенное законодательством о чрезвычайном положении время лица без специального пропуска. В качестве примера бездействия можно рассматривать нарушение нормы закона о чрезвычайном положении средства массовой информации о немедленном распространении Указа Президента о введении чрезвычайного положения.

Применительно к ст. 23.59 КоАП в части нарушения законодательства о чрезвычайном положении общим объектом будут выступать общественные отношения, охраняемые законодательством о чрезвычайном положении Республики Беларусь, которым при совершении правонарушения причиняется определенный вред или создается угроза причинения соответствующего вреда. Родовой объект – это система общественных отношений в области порядка управления Республики Беларусь. Содержательно к непосредственному объекту рассматриваемых правонарушений можно отнести:

1) комплекс чрезвычайных мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения;

2) комплекс чрезвычайных мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения, введенного при наличии чрезвычайной ситуации: природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуации, в том числе эпидемий и эпизоотий, возникших в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекших (могущих повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующих проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ;

3) комплекс чрезвычайных мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения, введенного при наличии беспорядков.

Каждый из обозначенных выше комплексов чрезвычайных мер и временных ограничений включает четкий перечень мероприятий, которые должны в обязательном порядке проводиться в режиме чрезвычайного положения. Невыполнение их либо нарушение режима функционирования этих мероприятий должны квалифицироваться как нарушение законодательства о чрезвычайном положении Республики Беларусь, и виновные лица должны привлекаться к административной ответственности по ст. 23.59 КоАП.

В дополнении к непосредственному объекту рассматриваемого правонарушения можно отнести нарушения гарантий прав граждан, нарушения порядка и условий применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники в условиях чрезвычайного положения.

Важно, что при реализации административного производства по рассматриваемым правонарушениям, прекращение чрезвычайного положения влечет за собой прекращение административного производства по делам о нарушении режима чрезвычайного положения и немедленное освобождение лиц, подвергнутых административному задержанию или аресту по указанным основаниям.

Современное законодательство о военном положении Республики Беларусь состоит из Конституции Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О военном положении» от 13 января 2003 г. №185-З, норм административного и уголовного права Республики Беларусь. При введении военного положения могут быть приняты нормативные правовые акты для обеспечения режима военного положения, которые также включаются в систему законодательства о военном положении, нарушение которого влечет ответственность по ст. 23.59 КоАП. Кроме того при обеспечении режима военного положения органами военного управления могут быть изданы приказы, которые также входят в систему законодательства о военном положении.

Законным основанием применения административной нормы ст. 23.59 КоАП в части нарушения законодательства о военном положении является введение его на всей территории Республики Беларусь. Военное положение на всей территории Республики Беларусь вводится Указом Президента Республики Беларусь с внесением в трехдневный срок принятого решения на утверждение Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь [3].

Проанализировав законодательство о военном положении Республики Беларусь, можно сформировать следующий юридический состав административной нормы ст. 23.59 КоАП в части нарушения законодательства о военном положении. Субъект правонарушений данной нормы может быть как общий, так и специальный. Общий субъект – это граждане Республики Беларусь. При введении военного положения они обязаны оказывать содействие государственным органам и органам военного управления, местным советам обороны в обеспечении режима военного положения и в полном объеме соблюдать комплекс мер, применяемых в условиях военного времени.

Специальный субъект выступает в качестве должностного лица – Президента Республики Беларусь и государственных органов и органов военного управления: Воору-

женных сил, других войск и воинских формирований, местных советов обороны, Совета Безопасности Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, республиканских органов государственного управления, Генерального штаба, организаций, средств массовой информации, органа республиканского управления, ведающего вопросами иностранных дел. Государственные органы и органы военного управления, а также Президент Республики Беларусь имеют свои задачи, невыполнение которых следует квалифицировать как нарушение законодательства о военном положении Республики Беларусь и привлекать к административной ответственности по ст. 23.59 КоАП.

Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения включает вину, мотив, цель, эмоциональное состояние. Вина общего субъекта нарушения законодательства о военном положении может выступать в двух формах: умысла и неосторожности (при этом умысел может быть как прямой, так и косвенный). При прямом умысле лицо сознает, что нарушает законодательство о военном положении, тем самым наносит общественный вред, сознает вредный характер своего деяния, предвидит наступление общественно опасных или вредных последствий в результате своих действий по нарушению законодательства о военном положении, желает их наступления. При косвенном умысле лицо сознает, что нарушает законодательство о военном положении, тем самым наносит общественный вред, сознает вредный характер своего деяния, предвидит наступление общественно опасных или вредных последствий своего деяния, сознательно допускает наступление общественно опасных или вредных последствий в результате своих действий по нарушению законодательства о военном положении.

Неосторожность в рассматриваемой норме в части нарушения законодательства о военном положении может выступать в форме как самонадеянности (легкомыслия), так и небрежности. При преступной самонадеянности лицо 1) предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в результате нарушения законодательства о военном положении и 2) легкомысленно рассчитывает на их предотвращение. При преступной небрежности лицо 1) не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий в результате нарушения законодательства о военном положении, хотя 2) должно было их предвидеть и могло их предвидеть.

Вина специального субъекта в рассматриваемой норме выражается в виновном совершении противоправных действий должностным лицом, а также работниками государственных органов и органов военного управления, исполняющих возложенные на них по закону или договору обязанности (служебные, трудовые) в случае введения военного положения. Алгоритм привлечения юридического лица за нарушение законодательства о военном положении идентичен алгоритму привлечения его за нарушение законодательства о чрезвычайном положении. Мотив, цель и эмоциональное состояние в рассматриваемом юридическом составе являются факультативными признаками субъективной стороны и подлежат установлению при ведении административного процесса. Устанавливается, был ли мотив личным либо общественным, цель корыстной либо бескорыстной и т.д.

Объективная сторона при нарушении законодательства о военном положении может выступать в форме как активного действия, так и бездействия. Примером активного действия со стороны общего субъекта рассматриваемой нормы может выступать нарушение запрета продажи оружия и боеприпасов в период военного времени. В качестве примера бездействия специального субъекта можно рассматривать нарушение нормы закона о военном положении – временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением им временных жилых помещений.

Применительно к ст. 23.59 КоАП в части нарушения законодательства о военном положении общим объектом будут выступать общественные отношения, охраняемые законодательством о военном положении Республики Беларусь, которым при совершении правонарушения причиняется определенный вред или создается угроза причинения вреда. Родовой объект – система общественных отношений в области порядка управле-

ния Республики Беларусь. Содержательно к непосредственному объекту рассматриваемых правонарушений можно отнести:

1) комплекс экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для устранения военной угрозы или отражения нападения;

2) комплекс мер по обеспечению режима военного положения;

3) комплекс мер по усилению охраны общественного порядка.

Невыполнение их либо нарушение режима функционирования этих мероприятий должны квалифицироваться как нарушение законодательства о военном положении Республики Беларусь и виновные лица привлекаться к административной ответственности по ст. 23.59 КоАП. В дополнение к непосредственному объекту рассматриваемого правонарушения можно отнести нарушения гарантий законности в период действия военного положения. Отмена военного положения является основанием для прекращения производства по делам об административных правонарушениях о нарушении режима военного положения, а также для прекращения исполнения постановлений о наложении административных взысканий.

Разработанный состав административной нормы, содержащейся в ст. 23.59 КоАП, а также сформированные теоретические основы чрезвычайного и военного положения обеспечат создание научно обоснованных методических рекомендаций по применению обозначенной выше нормы права, что объективно будет способствовать повышению эффективности работы специалистов надзорно-профилактического блока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : с изм. и доп. по сост. на 24 окт. 2013 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2013. – 278 с.

2. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 июня 2002 г., № 117-3 : с изм. и доп. : текст по сост. на 1 нояб. 2007 г. // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. О военном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2003 г., № 185-3 : с изм. и доп. : текст по сост. на 1 янв. 2008 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Военное и чрезвычайное положение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 06.08.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.03.2016

Pasovets E.Yu. Theoretical and Legal Basis of Administrative Regulations «Violation of Legislation on State of Emergency or Martial Law»

In the article the administrative norm which establishes the responsibility for violation of the legislation on the emergency or martial law in modern Belarusian society provided by article 23.59 of the Code of Administrative Offences of Republic of Belarus is considered. Concepts of the military and state of emergency are defined, the legislation governing the public relations in the field of the emergency and martial law, whose violation is legal basis of application of administrative article is systematized. The collection of empirical data on questions of law application of the considered administrative norm, therefore the existing problems of practical activities are revealed, is made. The legal structure of the considered administrative norm, in the part concerning violations of law on the state of emergency and the part concerning violations of law on martial law is developed.

Исследования выполнены при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта № Г15М-037

УДК 342.92

А.А. Бильдейко*начальник отдела прокуратуры Брестской области
по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов***ОБЪЕКТ МЕЛКОГО ХУЛИГАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ**

В статье рассматривается проблема определения объекта правонарушения, предусмотренного статьей 17.1 «Мелкое хулиганство» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Отсутствие нормативного определения понятия «общественный порядок» вызывает трудности у правоприменителей при отграничении мелкого хулиганства не только от других административных правонарушений, но и от нарушений иных социальных норм, не влекущих юридической ответственности. Приводится анализ основных признаков понятия «общественный порядок», обосновывается необходимость закрепления его дефиниции в нормативных правовых актах.

Введение

Стабильное существование любого государства невозможно без обеспечения общественного порядка. Наиболее распространенными нарушениями такого порядка являются хулиганские действия.

Вопросам борьбы с мелким хулиганством как административным правонарушением в научной литературе на постсоветском пространстве уделяется не так много внимания. Куда более тщательно изучаются проблемы квалификации и профилактики уголовно наказуемых хулиганств. В последние годы анализ административной ответственности за мелкое хулиганство проводился в России в диссертационных исследованиях А.С. Бурцева [1], С.А. Власовой [2] и О.Г. Горскиной [3]. В Беларуси подобные исследования не проводились, а труды названных российских ученых не могут в полной мере использоваться белорусскими правоприменителями ввиду существенных отличий в конструкции состава данного правонарушения в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации. В связи этим представляется актуальным исследование объекта мелкого хулиганства как административного правонарушения по законодательству Республики Беларусь. Целью исследования является определение понятия «общественный порядок».

На практике возникают сложности не только с разграничением мелкого и уголовно наказуемого хулиганства, но и отграничением первого от иных нарушений, не влекущих юридических ответственности. Существует много «традиционных» форм девиантного поведения, появились новые, которые иногда могут быть квалифицированы как противоправные (хулиганство или вандализм), но чаще заслуживают удивления, общественного порицания, возмущения, снисхождения и иных неформальных реакций [4, с. 401]. Для уяснения сущности мелкого хулиганства и выявления причин ошибок в применении ст. 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ) необходимо определить объект этого правонарушения. В общей теории права под объектом правонарушения понимаются общественные отношения, охраняемые и (или) регулируемые правовыми нормами, которым в результате совершения правонарушения причиняется вред или которые ставятся под угрозу причинения вреда [5, с. 6].

Глава 17 КоАП РБ предусматривает ответственность за правонарушения против общественного порядка и нравственности, и именно данное обстоятельство является ключевым для понимания сути исследуемого вопроса. Государство устанавливает нормативную модель общественного порядка и предусматривает возможность применения мер принуждения к тем, кто ее нарушает. Для охраны общественного порядка наиболее широко используется институт административной ответственности. Поэтому важным

для правоприменителя является определение ее оснований и возможностей в охране общественного порядка [1, с. 8].

Исходный критерий в понимании хулиганства – это правильное осознание правоприменителем такой важнейшей составляющей, как общественный порядок, который нарушается в процессе хулиганских действий. Установление факта нарушения общественного порядка необходимо вне зависимости от того, кто предстал перед судом: вооруженный «особо злостный хулиган» либо заурядный «мелкий хулиганишка», отважившийся всего-то на пару нецензурных слов в полупустом магазине [6, с. 155].

В литературе встречается мнение, что общественный порядок является как родовым, так и непосредственным объектом мелкого хулиганства [7, с. 7; 8, с. 10]. Такое суждение является крайне спорным по той причине, что, как уже указывалось выше, глава 17 КоАП РБ предусматривает ответственность за правонарушения не только против общественного порядка, но и против нравственности. Например, объектом правонарушения, предусмотренного ст. 17.5 КоАП РБ (занятие проституцией), являются только общественные отношения в сфере охраны общественной нравственности.

Дискуссия по вопросу определения понятия «общественный порядок» важна для правильной квалификации не только мелкого хулиганства, но и большинства других правонарушений, запрещенных статьями главы 17 КоАП РБ. Понятие «общественный порядок» является одним из достаточно часто употребляемых как в законодательстве, так и в юридической литературе терминов. Как ни парадоксально, нормативное определение данного понятия в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. В науке более или менее согласованный подход к дефиниции «общественный порядок» не выработан.

Определений общественного порядка в научной литературе можно насчитать несколько десятков. Их многообразие объясняется тем, что практически каждый автор старается акцентировать внимание на какой-то специфической черте данного, безусловно, многообразного явления. Приведем лишь одно определение, в котором белорусские авторы попытались максимально полно раскрыть анализируемое понятие. Они определяют общественный порядок как систему волевых общественных отношений, складывающихся главным образом в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан и общественной безопасности, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности [9, с. 7–8]. К данному определению следует добавить и иные приводимые в литературе признаки общественного порядка:

1) ненасильственное разрешение возникающих между лицами конфликтов, исключающих нарушение спокойствия иных людей [10, с. 900];

2) общественный порядок основан на добровольном либо принудительном соблюдении членами общества норм права, морали, этических, религиозных и иных общепринятых правил поведения [11, с. 17];

3) границы дозволенного в обществе, рамки допустимости в отношениях между людьми, преступив которые виновный действует всегда противоправно, во вред общественным интересам и интересам каждой личности в отдельности [12];

4) морально-правовое состояние общества, при котором, руководствуясь социальными нормами, органы государственного управления в пределах своей компетенции при участии общественных формирований и граждан обеспечивают реализацию прав, свобод и законных интересов человека, способствуют созданию и совершенствованию гражданского общества и правового государства [13, с. 3, 11];

5) соответствие принятым в обществе представлениям о нормальных стандартах человеческого поведения, исключающих причинение вреда или угрозу такого причине-

ния общественным интересам, а следовательно, правам, свободам, законным интересам неопределенного числа лиц в местах их общественного нахождения [14, с. 15].

Часто цитируется также мнение прокурора РСФСР Н.В. Крыленко: для широких обывательских кругов вопрос о том, могут ли они спокойно пройти по улице, не рискуя получить плевок в физиономию, является вопросом, на котором они испытывают крепость политической власти того класса, который господствует и правит [15, с. 17].

Определения общественного порядка, дававшиеся многими авторами в советское время, в качестве обязательного признака данного явления нередко содержали указание на регулирование поведения людей в общественных местах [16, с. 7]. Однако в настоящее время существует достаточно аргументированное мнение, что словосочетание «общественное место» не следует упоминать в определении «общественный порядок» в связи с тем, что оно не может служить критерием для определения пространственных границ применения полномочий управомоченными органами и должностными лицами в целях обеспечения общественного порядка. Не место совершения соответствующих действий, а их публичность имеет главенствующее значение для квалификации большинства административных правонарушений, посягающих на общественный порядок [17, с. 30–31]. Нельзя смешивать понятия «общественный порядок» и «порядок в общественном месте», так как общественный порядок должен поддерживаться и, соответственно, может быть нарушен не только в общественных, но и в иных местах [18].

Практика рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.1 КоАП РФ, показывает правильность данного мнения. Между общественным порядком и общественным местом существует довольно устойчивая связь, однако следует признать, что в общественных местах могут складываться отношения, которые по своему характеру и содержанию никак нельзя отнести к сфере порядка. Кроме того, некоторые авторы вполне обоснованно включают в сферу общественного порядка общественные отношения, возникающие и развивающиеся вне общественных мест, признавая тем самым недостаточность избранного критерия. Справедлив также вывод о том, что одни и те же действия людей, совершаемые в общественном месте, в определенных случаях подлежат рассмотрению в качестве противоправного поведения, в других же закон будет к ним индифферентен, связывая наступление правовых последствий с наличием иных субъективных признаков [9, с. 4–5]. Однако при определении понятия «общественный порядок» необходимо все-таки подчеркнуть, что регламентируемые отношения складываются главным образом в общественных местах.

Несмотря на отсутствие в научной литературе единого подхода к определению понятия «общественный порядок», авторы едины в том, что общественный порядок представляет собой совокупность общественных отношений, упорядоченных не только нормами права, но и иными социальными регуляторами [19, с. 449], к которым могут относиться как официально-легитимные предписания, выраженные в форме законов, указов, иных императивов, содержащихся в подзаконных актах, так и правила поведения в быту, неписанные моральные этико-нормативные эталоны [20, с. 54]. Именно через содержание термина «общественный порядок» и осуществляется «переход» моральных, нравственных правил в правовое поле, после чего они оцениваются уже как элементы новой категории «правопорядок» [21, с. 105–106].

Общественный порядок как объект хулиганства является понятием теоретическим, абстрактным. Он не может быть представлен в материализованном виде как объект, например, кражи, убийства и т.п. В то же время хулиганские действия нарушают общественный порядок не теоретически, не абстрактно, а вполне реально, причиняя ущерб конкретным лицам путем нарушения их спокойствия, работоспособности [22, с. 26].

Если о том, что объектом мелкого хулиганства признается общественный порядок, в научной литературе не имеется существенных споров, особенно в связи с тем, что данное обстоятельство закреплено в главе 17 КоАП РФ, то по поводу иных обще-

ственных отношений, «претендующих» на такую роль, существуют различные мнения. В России объектом мелкого хулиганства признают также и общественную безопасность, что обусловлено названием главы 20 КоАП Российской Федерации, содержащей ст. 20.1 – административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

А.Н. Крамник считает, что исходя из конструкции ст. 17.1 КоАП РБ непосредственным объектом посягательства мелкого хулиганства являются установленные общественные отношения, позволяющие сохранять: 1) общественный порядок; 2) нормальную деятельность организаций; 3) спокойствие граждан [23, с. 136]. Нарушение деятельности организаций и нарушение спокойствия граждан, по мнению А.Н. Крамника, следует рассматривать в качестве разновидностей нарушения общественного порядка. Нарушение спокойствия граждан всегда является и нарушением общественного порядка, хотя не всякое нарушение общественного порядка представляет собой нарушение спокойствия граждан [24, с. 18].

В ст. 17.1 КоАП РБ признак «нарушение спокойствия граждан» обособлен от «нарушения общественного порядка» и выступает в качестве отдельного самостоятельного проявления мелкого хулиганства. В этом отличие рассматриваемой статьи от ст. 156 утратившего силу КоАП РБ 1984 г., в которой объединялось в один вид посягательство на общественный порядок и посягательство на спокойствие граждан, а также ст. 20.1 КоАП Российской Федерации. Подход законодателя к формулированию ст. 17.1 КоАП РБ в этом отношении является не совсем удачным, ибо нарушения спокойствия граждан без нарушения общественного порядка не может быть [23, с. 136]. Вместе с тем, несмотря на спорную конструкцию ст. 17.1 КоАП РБ, объектом мелкого хулиганства следует признавать только общественный порядок. Подобная точка зрения является преобладающей в белорусской юридической науке [25, с. 641; 26].

Некоторые авторы, особенно в советский период, объектом мелкого хулиганства признавали правила общежития. Подобная позиция не раз подвергалась обоснованной критике. Отмечалось, например, что не могут являться непосредственным объектом хулиганства правила общежития, представляющие собой совокупность норм поведения, определяющих отношение граждан к государству, обществу и между собой в процессе общественного производства, в повседневной жизни. Правила общежития закрепляются в моральных нормах, обычаях, т.е. правила общежития не регулируются нормами права, а сами являются социальными нормами [27, с. 25]. Правила (нормы), в том числе правила общежития, объектом преступления либо административного правонарушения быть не могут, так как объектом посягательства может быть лишь то, чему это посягательство причиняет или пытается причинить ущерб [28, с. 124]. Административно-правовая норма сама по себе при совершении административного проступка никакого ущерба не терпит, она объективно существовала и будет существовать, сколько бы тяжким ни был административный проступок [29, с. 44].

Оценка нарушений норм морали и нравственности, лежащая в основе общественной опасности мелкого хулиганства, в большей мере субъективна и во многом зависит от воли правоприменителя [21, с. 107]. Таким образом, правильное применение рассматриваемой нормы КоАП РБ возможно только при адекватном понимании сотрудниками органов внутренних дел, судьями действующих в обществе различных социальных норм (моральных и религиозных), обычаев и традиций и т.д. Ошибки при решении вопроса об отнесении каких-либо действий к хулиганским во многом возникают именно из-за трудностей определения грани, когда нарушение вышеуказанных социальных норм является настолько серьезным, что требуется «вмешательство» правовой нормы, предусматривающей ответственность за мелкое хулиганство.

Актуальной представляется дискуссия о наличии или отсутствии факультативного объекта в ст. 17.1 КоАП РБ. Действительно, сложно достигнуть общественного

и личного спокойствия без гарантий безопасности жизни и здоровья, неприкосновенности собственности [17, с. 40]. Альтернативными дополнительными объектами данного административного правонарушения многие авторы называют честь, достоинство, физическую (телесную) неприкосновенность граждан [8, с. 17; 30, с. 8].

Несмотря на то, что такие категории морального облика человека, как честь и достоинство, являются прежде всего предметом административно-правовой охраны главы 9 КоАП РБ, где отдельно выделены составы клеветы (ст. 9.2), оскорбления (ст. 9.3) и причинения психических страданий (ч. 2 ст. 9.1), существуют все основания утверждать, что и при совершении мелкого хулиганства тем или иным образом затрагивается честь и достоинство личности. Установление ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 17.1 КоАП, направлено наряду с иным на защиту достоинства личности и личной неприкосновенности (охраняемых конституционных благ), а также на безусловное поддержание такого общественного порядка, при котором права и свободы индивида подлежат обязательной законодательной гарантии от противоправного поведения иных лиц [12]. Утверждая, что даже дополнительным объектом мелкого хулиганства не могут быть честь и достоинство гражданина, мы возвращаемся к правопониманию советского времени, когда государственные и общественные интересы полностью превалировали над интересами личности.

Как уже отмечалось, ключевым элементом мелкого хулиганства является публичность, т.е. восприятие хулиганских действий как минимум одним членом общества. И если правонарушитель в общественном месте в присутствии малолетних детей громко выражался нецензурной бранью и преследовал их, чем напугал или даже шокировал, то мы будем лукавить, утверждая, что в данной ситуации пострадал только абстрактный «общественный порядок». Такой вывод полностью подтверждается практикой. Сотрудники органов внутренних дел и суды признают лиц, которым причинен вред в результате действий мелких хулиганов, потерпевшими по делам данной категории. При этом возможность причинения вреда факультативному объекту не является неизбежной. Так, при совершении мелкого хулиганства в форме оскорбительного пристаивания к гражданам одновременно причиняется ущерб личности человека, т.е. его чести и достоинству. В то же время мелкое хулиганство, выражающееся в иных формах, может не унижать чести и достоинства конкретной личности [1, с. 13].

Вопрос правильности определения объекта правонарушения не является сугубо теоретическим, от него зависит правильность юридической оценки содеянного. К примеру, В. на пляже забрал одежду у купающихся и спрятал ее. Органы расследования привлекли В. к уголовной ответственности за кражу личного имущества граждан, хотя эти действия им были совершены не с целью присвоения, а из озорства. Неправильное определение объекта посягательства привело к неправильной квалификации содеянного. Спрятав предметы одежды купающихся, В. тем самым нарушил элементарные правила общежития, в связи с чем суд отнес его действия к хулиганству [31, с. 18]. Таким образом, формы мелкого хулиганства во многом совпадают с внешними, физическими проявлениями уголовно наказуемого хулиганства, в отличие от которого мелкое хулиганство не может посягать на иные, кроме общественного порядка, отношения [32, с. 9].

Заключение

Предлагаем в целях единообразного понимания термина «общественный порядок» и правильной квалификации посягающих на него правонарушений дать его дефиницию в нормативных правовых актах, в частности, в Уголовном кодексе Республики Беларусь и в КоАП РБ в следующей редакции: общественный порядок – это сложившаяся система взаимоотношений между людьми, главным образом в общественных местах, регулируемая как правовыми актами, так и признанными в обществе обычаями,

традициями и нравственными нормами, направленная на обеспечение спокойствия граждан и нормальной деятельности организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурцев, А. С. Административная ответственность за мелкое хулиганство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. С. Бурцев ; Акад. управления МВД России. – М., 2003. – 23 с.
2. Власова, С. А. Административная ответственность за мелкое хулиганство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С. А. Власова ; Акад. экон. безопасности МВД России. – М., 2006. – 26 с.
3. Горскина, О. Г. Административная ответственность за мелкое хулиганство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / О. Г. Горскина ; Юж.-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2011. – 30 с.
4. Гишинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. – Изд. 2-е. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. – 528 с.
5. Ожегова, Г. А. Объекты правонарушений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г. А. Ожегова ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – 21 с.
6. Колоколов, Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность / Н. А. Колоколов. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 208 с.
7. Дедков, Л. Л. Административная ответственность за хулиганство (по материалам Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 711 / Л. Л. Дедков ; Ин-т гос-ва и права АН СССР. – М., 1969. – 25 с.
8. Горскина, О. Г. Мелкое хулиганство как основание административной ответственности / О. Г. Горскина, С. Л. Банщикова. – Омск : Омск. экон. ин-т, 2013. – 112 с.
9. Козелецкий, И. В. Основы охраны общественного порядка : курс лекций / И. В. Козелецкий, А. К. Ситко. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – 147 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
11. Борисов, С. В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Борисов ; Моск. ун-т МВД Российской Федерации. – М., 2005. – 25 с.
12. Новиков, А. В. Комментарий к статье 17.1 «мелкое хулиганство» Кодекса Респ. Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : [по сост. на 06.04.2010 г.] / А. В. Новиков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
13. Шкляревский, А. Н. Административно-правовое обеспечение общественного порядка органами милиции Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. Н. Шкляревский ; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2010. – 19 с.
14. Сулейманов, Р. Г. Хулиганство: теоретические и правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. Г. Сулейманов ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2009. – 26 с.
15. Крыленко, Н. В. Что такое хулиганство? / Н. В. Крыленко // Хулиганство и преступление : сб. ст. – Л. – М. : Рабочий суд, 1927. – С. 11–33.
16. Еропкин, М. И. Административно-правовая охрана общественного порядка / М. И. Еропкин, Л. Л. Попов. – Л. : Лениздат, 1973. – 328 с.
17. Березин, А. А. Административно-правовое противодействие нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. А. Березин ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2015. – 212 с.

18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) [Электронный ресурс] / А. В. Бриллиантов [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. – Изд. 2-е // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016. – Т. 2.
19. Василевич, Г. А. Административно-деликтное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.
20. Иванов, Н. Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд / Н. Г. Иванов // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 53–61.
21. Любичева, Э. Н. К вопросу об оценке уголовно-правовых признаков хулиганства / Э. Н. Любичева // Общество и право. – 2009. – № 2. – С. 104–107.
22. Власов, В. П. Борьба с хулиганством / В. П. Власов, Ю. Ф. Лубшев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 174 с.
23. Административное право. Административно-деликтное право. Особенная часть : учеб. пособие / А. Н. Крамник [и др.] ; под ред. А. Н. Крамника. – Минск : Издат. центр БГУ, 2010. – Ч. 2. – 394 с.
24. Крамник, А. Н. Административная ответственность за правонарушения против общественного порядка и нравственности / А. Н. Крамник // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 9. – С. 17–22.
25. Круглов, В. А. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2014. – 1072 с.
26. Бондарович, С. П. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях. Особенная часть. Глава 17. Административные правонарушения против общественного порядка и нравственности [Электронный ресурс] : [по сост. на 20.01.2009 г.] / С. П. Бондарович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
27. Кыдыралиева, С. К. Хулиганство. Уголовно-правовые и криминологические вопросы / С. К. Кыдыралиева ; отв. ред. Ф. А. Зайков. – Фрунзе : Илим, 1981. – 140 с.
28. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957. – 363 с.
29. Ключниченко, А. П. Административно-правовая борьба с мелким хулиганством и злостным пьянством. Из опыта работы органов милиции Украинской ССР / А. П. Ключниченко. – Киев : [б. и.], 1967. – 150 с.
30. Василевич, С. Г. Административная ответственность за мелкое хулиганство / С. Г. Василевич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 апр. 2013 г. : тез. докл. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; отв. ред.: В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск, 2013. – С. 8–9.
31. Калмыков, В. Т. Хулиганство и меры борьбы с ним / В. Т. Калмыков. – Минск : Беларусь, 1979. – 142 с.
32. Гледов, Л. Д. Ответственность за хулиганство / Л. Д. Гледов, В. С. Устинов. – М. : Знание, 1973. – 64 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.07.2016

Bildeiko A.A. The Object of Minor Hooliganism: Problems of Defining

The article deals with the problem of defining the object of an offence stipulated in Article 17.1 of the Code of the Republic of Belarus of Administrative Offences (minor hooliganism). It is noted that the absence of a normative definition of the notion of «public order» creates difficulties for those who are enforcing law in differentiating minor hooliganism not only from other administrative offences but also from violations of other social norms that do not cause legal responsibility. Main signs of public order are analyzed; the need of establishing the definition of this notion in legal acts is formulated.

УДК 342.7

Е.А. Коротич¹, О.В. Чмыга²¹ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)**

Рассмотрены организационно-правовые механизмы сотрудничества в области обеспечения права человека на охрану здоровья. Осуществлен анализ деятельности наиболее значимых институтов, обеспечивающих функционирование современной системы международно-правовой защиты права человека на охрану здоровья: Организации Объединенных Наций, Комитета по правам инвалидов, Комитета по правам человека, Всемирной организации здравоохранения и других. Изучены особенности консолидированного взаимодействия Всемирной организации здравоохранения и Всемирной торговой организации в исследуемой сфере. Определена роль Всемирной медицинской ассоциации в деле обеспечения защиты прав человека в сфере здравоохранения. Сделан вывод о том, что множественность институциональных механизмов, обеспечивающих сотрудничество государств в рассматриваемой области, к сожалению, не является достаточно эффективным. Существует необходимость решения проблемы изменения роли международных организаций и их органов в процессе международного правотворчества.

Введение

Институциональные (организационно-правовые) механизмы межгосударственного сотрудничества являются особой формой согласования позиций государств по тем вопросам, которые представляют интерес для всех или большинства субъектов международного права. Особенно актуально развитие данной формы взаимодействия основных участников международных отношений – суверенных государств в области обеспечения безопасности человека, его прав и свобод. При этом в условиях стремительного развития и широкого (причем не всегда должным образом контролируемого) применения достижений современной медицины одно из приоритетных направлений такого сотрудничества приобретает развитие организационных структур (международных органов и организаций), которые создаются государствами или существующими международными организациями общей компетенции в целях защиты права человека на охрану здоровья, равно как и его возможностей пользоваться услугами современной эффективной и безопасной системы здравоохранения.

При всем многообразии органов и организаций, обеспечивающих функционирование современной системы международно-правовой защиты права человека на охрану здоровья, особое место в данной системе совершенно обоснованно отводится Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Будучи универсальной международной организацией, созданной в первую очередь для обеспечения международного мира и безопасности, ООН, тем не менее, значительную часть своей деятельности посвящает вопросам защиты прав и свобод человека, руководствуясь при этом принципами универсальности и не дискриминации. В целях содействия всестороннему и повсеместному уважению и соблюдению прав человека в структуре ООН создана и функционирует весьма сложная организационная система, включающая в себя руководящие, вспомогательные, контрольные и иные механизмы. Экономический и Социальный Совет, Совет по правам человека, Консультативный комитет Совета по правам человека, Верховный комиссар по правам человека, конвенционные комитеты (Комитет по правам человека,

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов и др.), специализированные учреждения ООН (ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ) и т.д.) – это далеко не полный перечень органов и самостоятельных организаций системы ООН, вовлеченных в сферу гарантирования и защиты прав и свобод человека.

Каждый из указанных организационных механизмов ООН в той или иной форме содействует развитию и соблюдению права человека на охрану здоровья. При этом функциональное участие многих из них в данных процессах основывается на результатах работы Специального докладчика Совета по правам человека ООН по праву на наивысший достижимый уровень здоровья, который является независимым экспертом, действующим не от имени и не по поручению правительства своего государства, не являющегося сотрудником ООН и призванного анализировать состояние обеспеченности и реализации указанного права на территории государств.

Признавая особую роль ООН в системе институциональных механизмов, обеспечивающих сотрудничество государств в сфере соблюдения права человека на охрану здоровья, в том числе при применении к нему современных медицинских технологий, следует тем не менее отметить общий характер ее компетенции и целевую направленность на такого рода обеспечение, главным образом, в контексте уважения и защиты всего комплекса прав и свобод человека. С точки же зрения специально созданных международных механизмов в данной области, приоритетное значение имеет ВОЗ, с принятием учредительного документа которой в профессиональный оборот прочно и, как показывает международная практика, надолго вошло понятие «здоровье», сформулированное в преамбуле Устава ВОЗ. Более того, определение здоровья, получившее закрепление в указанном документе, в последующем стало определяющим и в процессе национального правотворчества. В частности, формулировка здоровья в качестве состояния полного физического, духовного и социального благополучия людей, а не только отсутствия заболеваний, предусмотренная в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ [1], достаточно отчетливо воспроизводит основные положения международно-правовой трактовки данного понятия.

Говоря об особом месте ВОЗ в системе международных органов и организаций, занимающихся рассматриваемой проблематикой, необходимо исходить из того, что ВОЗ, будучи самостоятельной международной организацией, одновременно обладает статусом специализированного учреждения ООН, связанного с ней тесной административно-правовой связью. Отмеченное обстоятельство дополнительно подчеркивает центральную позицию ООН в исследуемой сфере. Подтверждением этому может служить и такой факт: половина целей в области развития, которые были сформулированы в Декларации тысячелетия ООН (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 52/2 от 08.09.2000 г.), были посвящены «вопросам реализации права на охрану здоровья», на что обоснованно обращается внимание в специальных исследованиях [2, с. 4]. Примечательно, что и в новой Декларации ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25.09.2015 г.) цели обеспечения безопасности психического и физического здоровья человека отводятся одно из первых мест в системе 17 целевых установок, направленных на достижение устойчивого развития на ближайшие 15 лет. В соответствии с указанным документом, подготовленным и принятым всеми странами – членами ООН (193 государства), провозглашается необходимость обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам, равно как и к безопасным, эффективным, качественным и недорогим лекарственным средствам; подчеркивается необходимость суще-

ственно увеличить финансирование здравоохранения и способствовать профессиональной подготовке медицинских кадров и т.д.

Провозгласив обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья одним из основных прав каждого человека и принципом сотрудничества государств, учредители ВОЗ (61 страна) наделили эту организацию правом руководящего и координирующего органа в международной работе по здравоохранению и определили следующие направления ее деятельности в указанной области:

1) устанавливать, поддерживать и развивать эффективное сотрудничество с международными организациями и внутригосударственными структурами (прежде всего правительственными учреждениями) в сфере здравоохранения;

2) помогать правительствам в укреплении служб здравоохранения;

3) оказывать по просьбе или с согласия государств необходимое техническое содействие и помощь в данной области;

4) поощрять и развивать работу по борьбе с эпидемическими, эндемическими и другими болезнями;

5) способствовать предотвращению несчастных случаев; инициировать принятие конвенций, правил и давать рекомендации по вопросам международного здравоохранения;

6) способствовать развитию охраны материнства и детства; поощрять и проводить исследования в области здравоохранения;

7) в необходимых случаях стандартизировать диагностические процедуры и т.д.

При этом характерно, что уже в 1946 г. (год создания ВОЗ) одним из основных принципов его деятельности было объявлено предоставление всем народам возможности пользоваться всеми достижениями медицины, психологии и родственных им наук в качестве необходимого условия достижения высшего уровня здоровья.

С момента создания деятельность ВОЗ была и продолжает оставаться сосредоточенной на таких предметных сферах, как предупреждение, профилактика и борьба с инфекционными и неинфекционными заболеваниями; укрепление системы здравоохранения, в том числе посредством сведения воедино и предоставления надежных новейших фактических данных и медико-санитарной информации; содействие укреплению здоровья на протяжении всей жизни человека с привлечением внимания к экологическим факторам риска в данной области и социальным детерминантам здоровья; оперативное реагирование и содействие управлению рисками в области здравоохранения в случае чрезвычайных ситуаций и др. В практике ВОЗ широко распространены и меры специального характера, обусловленные актуализацией тех или иных угроз безопасности здоровью человека. В качестве примера может служить созданная ВОЗ Программа обеспечения безопасности пациентов (2004 г.), целью которой является координация, распространение и ускорение улучшений в области безопасности пациентов во всем мире.

Республика Беларусь, будучи социально ориентированным государством, поддерживает тесное сотрудничество с ВОЗ, правовой основой которого являются, во-первых, базовое Соглашение между Правительством Республики Беларусь и ВОЗ об установлении технического консультативного сотрудничества от 20 мая 1999 г., и, во-вторых, двухгодичные планы сотрудничества между Министерством здравоохранения Республики Беларусь и Европейским региональным бюро ВОЗ. При этом в качестве приоритетных направлений сотрудничества были определены:

1) первичная медицинская помощь;

2) репродуктивное здоровье, материнское, перинатальное здоровье;

3) качество медицинских препаратов и технологий, рациональное использование медицинских препаратов, вакцин и др.

Озабоченность мирового сообщества проблематикой обеспечения прав и свобод человека в сфере охраны здоровья, выход данной проблематики за пределы отдельно взятого государства и приобретение ею комплексного характера, особенно с точки зрения предопределяемых указанной проблематикой последствий, стало одной из причин вовлечения в рассматриваемую сферу и тех международных организаций, деятельность которых, на первый взгляд, непосредственно не связана с охраной здоровья человека, в том числе при применении к нему современных медицинских технологий. Речь идет, прежде всего, о Всемирной торговой организации (ВТО), участие которой в указанных процессах не только отражается на содержании принимаемых в рамках данной организации международных актов (например, Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер 1994 г.), но и проявляется в усилении координации и сотрудничества последней с ВОЗ. Как отмечается в специальных исследованиях, причиной такого усиления отчасти стала «кризисная ситуация в области некоторых инфекционных заболеваний ... в связи с чем возник вопрос о соотношении права человека на жизнь (здоровье) и права на развитие в контексте мировой экономики» [3, с. 4].

Подтверждением консолидированного взаимодействия ВОЗ и ВТО может быть, во-первых, учреждение в структуре ВОЗ специального органа – Комиссии по макроэкономике и здоровью; во-вторых, получение ВОЗ статуса наблюдателя в рамках деятельности отдельных комитетов и советов ВТО (несмотря на отсутствие формального соглашения в данной сфере), равно как участие ВТО в качестве наблюдателя в работе ВОЗ (в частности, в работе Межправительственной рабочей группе по вопросам здравоохранения, инноваций и интеллектуальной собственности); в-третьих, участие персонала ВТО в конференциях и семинарах, организуемых ВОЗ. Как отмечается в специальных исследованиях, существует несколько аспектов деятельности ВТО, которые непосредственным образом связаны с охраной права человека на здоровье, а именно: «контроль над инфекционными болезнями, безопасность пищевых продуктов, продовольственная безопасность, контроль оборота табака, охрана окружающей среды, доступ к лекарствам и фармацевтическим препаратам, медицинское обслуживание» [3, с. 4].

Помимо межправительственных организаций, к числу которых относятся названные выше международные образования, существенную роль в деле обеспечения защиты и уважения прав человека в сфере здравоохранения, играют и неправительственные международные организации, среди которых следует особо выделить Всемирную медицинскую ассоциацию (ВМА). Созданная в 1945 г., ВМА так же, как и ВОЗ, сосредоточена на решении международных проблем в сфере здравоохранения и охраны здоровья. Однако в отличие от ВОЗ, которая, являясь межправительственным образованием, подвержена значительному влиянию политических интересов участвующих в ней государств, в связи с чем во многом политически ангажирована в своей деятельности, ВМА является свободной от политического влияния со стороны каких бы то ни было государственных (а также межгосударственных) институтов. При этом существенной гарантией обеспечения политической нейтральности данной организации является отсутствие экономической зависимости последней от государств и межгосударственных образований, что обеспечивается ее финансированием со стороны независимых национальных медицинских ассоциаций, которые, в свою очередь, руководствуются прежде всего необходимостью обеспечить защиту прав и законных интересов своих пациентов, а также созданием наилучших возможностей для защиты здоровья каждого человека независимо от расовой, этнической, религиозной или иной принадлежности, равно как и социального статуса.

Одним из значимых результатов деятельности ВМА можно считать Резолюцию Совета ВМА по торговым соглашениям и здравоохранению (WMA Council Resolution on Trade Agreements & Public Health), принятую в апреле 2015 г. Осознавая угрозы ком-

мерциализации отношений, организация обратилась к национальным правительствам с призывом поддерживать заключение торговых соглашений, в которых приоритет отдается интересам защиты сферы здравоохранения, а не коммерческим целям, развитию услуг в области обеспечения индивидуального и общественного здоровья; не допускать включения в торговые соглашения любых условий, которые поставили бы под угрозу доступ к здравоохранению или лекарствам, а также препятствовать коммерциализации медицинского образования и т.д.

Немаловажную роль в обеспечении сотрудничества государств и иных субъектов международного общения в сфере гарантирования и защиты права человека на здоровье играют и проводимые международные конференции, которые, не будучи постоянно действующими организационными структурами (в отличие от международных организаций), тем не менее позволяют оперативно и централизованно согласовывать позицию участвующих государств по актуальным проблемам в данной области.

Заключение

Отмеченная множественность институциональных механизмов, обеспечивающих сотрудничество государств в рассматриваемой области, к сожалению, не является достаточной гарантией своевременного и эффективного решения тех проблем, которые возникают в сфере реализации права человека на охрану здоровья. Как показывает практика функционирования большинства из них, данные механизмы выполняют главным образом лишь координирующую и организационную функцию, оставляя принятие окончательных решений на усмотрение самих государств, которые по многим причинам (уровень экономического развития, существующая система социальных приоритетов, состояние сферы здравоохранения и др.) не всегда готовы адекватно защищать право человека на охрану здоровья. В этих условиях особое значение приобретает проблема изменения роли международных организаций и их органов в процессе международного правотворчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.06.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Борисова-Жарова, В. Г. Международно-правовые основы обеспечения права человека на здоровье : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. Г. Борисова-Жарова. – М., 2008. – 175 л.
3. Азходжаева, Р. А. Международно-правовое регулирование охраны здоровья в рамках ВТО : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Р. А. Азходжаева. – М., 2008. – 187 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.03.2016

Korotsich A.A., Chmyga O.V. Institutional Mechanisms of the State Cooperation in the Sphere of Ensuring Human Right on the Health Protection (on the Example of the Separate International Organizations)

Organization and legal mechanisms of cooperation in the field of ensuring human right on health protection are considered. The analysis of activities of the most significant institutes providing functioning of modern system of international legal protection of human right on health protection is performed: United Nations Organizations, Committee on the rights of disabled people and others. Features of the consolidated interaction of the World Health Organization and the World Trade Organization in the researched sphere are studied. The role of the World Medical Association in ensuring human rights protection in health sector is determined. The conclusion is drawn that plurality of the institutional mechanisms providing state cooperation in the considered area, unfortunately, isn't rather effective.

УДК 343.82(470+571)(091)«18»

И.О. Левчук

*аспирант каф. теории и истории государства и права
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (Луцк)*

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье анализируются историко-правовые аспекты пенитенциарной политики Российской империи в первой половине XIX в. Аргументируются, с одной стороны, последствия попыток самодержавия избежать буржуазных преобразований, государственно-управленческих новаций и, с другой стороны, причины, по которым эти преобразования осуществились. Сделаны выводы относительно эффективности системы исполнения наказаний дореформенного периода и ее влияния на дальнейшие реформы 1860-х гг.

Введение

Украинское общество переживает сложный и ответственный период своего обновления. Реформированию подвергаются различные сферы социальной жизни, в том числе и уголовно-исполнительная система, которая преодолевает сложный путь в соответствии с международными пенитенциарными стандартами. Поскольку украинские земли долгое время находились под властью Российской империи, стоит обратиться к опыту организации пенитенциарной политики Российской империи именно в дореформенный период.

Актуальность и целесообразность изучения этих событий объясняется сходством явлений и процессов, происходивших в первой половине XIX в., с процессами, которые происходят сегодня. Это касается обеспечения правовых гарантий защиты прав человека, трансформации системы учреждений для исполнения уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, выделение новых общественных отношений, требующих других рычагов урегулирования, укрепления государственного управления, надлежащей организации тюремной системы, создание новых институтов и т.п.

Научный интерес к проблеме организации и функционирования пенитенциарной системы проявляется в исследованиях отечественных и зарубежных ученых на протяжении длительного времени. Историография проблемы представлена такими исследователями, как Ф.Х. Ахмадеев, И.Г. Богатырев, М.М. Исаев, С.Л. Гайдук, М.Н. Гернет, М.Г. Детков, Д.А. Дриль, А.Г. Колб, Дж. Кеннан, В.И. Алексеев, А.Н. Джужа, А.А. Пионтовский, М.Ф. Прянишников, В.В. Россихин, И.М. Упоров, Б.С. Утевский, И.Я. Фойницкий, А. Курганов, А.Н. Ярмыш, М.М. Яцишин и др.

Характеризируя тюрьму конца XVIII – начала XIX в., Р.С. Мулукаев сделал короткий и исчерпывающий вывод: «Тюрьма в Русском государстве была типичной феодальной тюрьмой. Она обрекала человека, попавшего туда, на неминуемую медленную смерть» [1, с. 13]. В тоже время в Российской империи начинается новый период, в котором она делает решительный шаг на пути превращения феодальной монархии в буржуазную. В первую очередь, это было связано с общественными настроениями: война с наполеоновской Францией, знакомство с политиками, общественными организациями за рубежом привели к возникновению в стране новых политических идей.

Научный руководитель – М.М. Яцишин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки

Под влиянием либеральной доктрины Александр I и представители наиболее передовой и образованной части российского общества задумали реформирование государственного аппарата не только в целях структурной модернизации системы управления, но и создания инструмента для проведения существенной корректировки всей государственно-правовой политики Российской империи. Суть нововведений была весьма скромной: движение к правовому не по форме, а по своим целям государству [2, с. 21]. Итак, первая половина XIX в. характеризуется формированием предпосылок либеральных преобразований в российском обществе. В этот период Александр I на основании манифеста 8 сентября 1802 г. создал первые восемь министерств, среди которых было Министерство внутренних дел. Манифестом 25 июля 1810 г. «О распределении государственных дел на особые управления» было создано Министерство полиции, которое стало центральным органом, ведавшим тюрьмами империи. Но уже в 1819 г. согласно императорскому указу от 4 ноября Министерство полиции было присоединено к МВД, таким образом передав управление местами лишения свободы. Министр, в свою очередь, владел исключительно исполнительной властью, подчинялся императору и был перед ним ответственным.

Тем не менее в пенитенциарной политике Российского государства начала XIX в. акцент делался по-прежнему на максимальное использование ссылки в государственных интересах. С давних пор в России было два способа изолировать преступников: тюрьма и ссылка. Тюремное заключение как меру самостоятельную применяли очень редко, оно рассматривалось в качестве дополнительного к другим наказаниям того времени, например, к смертной казни, а также к лишению чести, членовредительским наказаниям, клеймению. Именно ссылка (как на каторжные работы, так и на поселение) чаще всего применялась как вид наказания, связанный с лишением свободы. Правительство стремилось упростить и ускорить решение всех организационных, а также материально-бытовых вопросов, связанных с поселением в конкретные места ссылных преступников. Это предусматривалось «Положением о поселении в Сибири 1806 г.». Как и ранее, предполагалось оказывать поселенцам содействие в постройке домов, снабжении хлебом и семенами. Все это говорит о существовании крайней необходимости заселения окраинных земель, развитии в них промышленности и сельского хозяйства, укрепление границ, а также о нехватке «мощностей» и населения, готового добровольно осесть в тех краях. В целом, по выражению Фельдштейна, первая четверть XIX в. стала «эпохой коренных преобразований в русской ссылке» [3, с. 151–153]. По нашему мнению, речь идет, в первую очередь, о том, что ссылка получила подробное и завершённое правовое регулирование. В «Уложении о наказаниях» ссылка была установлена как одна из основных мер наказания и за уголовные, и политические преступления. Общепризнано, что политические ссылные оказали большое влияние на развитие Сибири, способствовали распространению культуры, просвещению, изучению природных богатств и т.д. Хотя, разумеется, данные обстоятельства ни в коей мере не компенсируют того, в каких условиях осужденные отбывали наказания. Можно также отметить, что суровые наказания (и прежде всего это касается смертной казни) применяются реже: они заменяются ссылкой на каторжные работы. Таким образом, государство путем применения наказания в одних случаях ограждало общество с целью его безопасности, в других – занималось превентивной политикой устрашения населения [4, с. 2–3], а также продолжало использовать осужденных преступников для решения в первую очередь своих задач: для колонизации территорий, строительства различных объектов, укрепления отдаленных земель.

Важной вехой развития тюремной системы и пенитенциарной политики Российской империи стало создание по указанию Александра I Попечительного о тюрьмах общества с целью «улучшения как нравственного и физического состояния арестантов,

так и мест заключения» [5]. Общество возникло под влиянием филантропа Вальтера Венинга, члена Лондонского общества улучшения тюремного порядка. Вальтер Венинг после приема у Александра I заручился поддержкой своих планов по реформированию тюремного дела и был допущен к осмотру тюрем. Его доклад послужил основой для разработки Правил для Попечительного о тюрьмах общества. Хотя эти правила и не являлись правовым актом, регулирующим исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы, поскольку само Общество задумывалось как благотворительное, в Российской империи оно приобрело гораздо более весомое значение. М.Н. Гернет в этой связи отмечал, что деятельность Попечительного о тюрьмах общества дала новое направление тюремной политике Российского государства, связанное с попытками совершенствования тюремной системы усилиями общественных благотворительных организаций [3, с. 159–160]. Также интересно, что Общество действовало под непосредственным руководством Александра I; более того, он же проводил отбор членов Попечительного о тюрьмах общества [6, с. 13], а также лично утвердил Правила, которые три раза в разное время собственноручно исправлял, улучшал и, наконец, утвердил 19 июля 1819 г. [7, с. 21–22]. В них был определен следующий перечень средств исправления:

- 1) ближайший и постоянный надзор за заключенными;
- 2) размещение их по роду преступлений и обвинений;
- 3) наставление их в правилах христианского благочестия и нравственности;
- 4) занятие их приличными упражнениями;
- 5) заключения провинившихся или буйствующих в уединенное место [3, с. 159].

Таким образом, Правила, на наш взгляд, можно расценивать как первый юридический документ, где воедино были собраны такие вопросы, как определение целей наказания в виде лишения свободы; раскрытие средств исправления; обозначение основных режимных требований в соответствии с ведущими достижениями пенитенциарной мысли того времени.

С другой стороны, нельзя не заметить, что в тюремной системе Российской империи правительство руководствовалось не столько соображениями уголовной политики, сколько финансовыми возможностями. Всегда преобладало стремление организовать места заключения так, чтобы содержание заключенных обходилось как можно дешевле и в то же время чтобы оно приносило государству определенные доходы. В связи с этим создание Общества и комитетов во времена Александра I было приятным исключением, хотя внутренний быт тюрем оставался в таком же хаотическом состоянии, как и раньше [7, с. 21–22]. Неудовлетворительное материальное состояние мест лишения свободы, существовавших в первой половине XIX в., необходимость деления арестантов на категории выступала одним из главных препятствий для приспособления тюрем к новым порядкам. Это также делало невозможным регламентацию условий отбывания наказаний в местах лишения свободы, не говоря уже о нравственном исправлении арестантов. Со смертью Александра I в 1825 г. деятельность тюремного Общества ослабела. Интересно отметить, что, когда в 1851 г. Общество было отнесено к Министерству внутренних дел, а обязанности президента общества возложены на министра внутренних дел, прилив частной благотворительности стал быстро падать. Со временем филантропические идеи еще ослабли, и уже к сороковым годам XIX в. деятельность Общества угасла. Но несмотря на это можно сказать, что создание Попечительного о тюрьмах общества явилось важным этапом развития пенитенциарной системы Российской империи [6, с. 13].

Характеризируя Российскую империю первой половины XIX в., в нельзя не обратить внимания на активное законодательное развитие института лишения свободы. По мнению М.Н. Гернета, именно с этого периода начинается история тюремного законодательства Российского государства. До этого законодательные акты о лишении сво-

боды носили случайный характер, и законодатель обращал мало внимания на тюремное дело [9, с. 36]. Принимается ряд правовых актов, регулирующих различные виды лишения свободы. Так, в 1831 г. были приняты сообщения министра внутренних дел о введении в действие одобренной Попечительном о тюрьмах обществом тюремной инструкции, регламентировавшей лишение свободы. Инструкция в духе Правил Попечительного о тюрьмах общества регулировала условия приема и размещения, режим труда и быта заключенных.

Первым систематизированным законодательным актом об исполнении лишения свободы стал Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных 1832 г. (с изменениями и дополнениями на 1842 г.), который развивал и детализировал положения тюремной инструкции [10, с. 19]. Следует выделить, в частности, появление норм, четко отражавших цели лишения свободы: обеспечение безопасности общества и нравственное исправление преступников. Устрашительная цель, присущая системе применения наказаний XVII–XVIII вв., сменяется исправительной. Таким образом, совокупность принятых государством решений в рассматриваемый период создала концептуальную основу для развития пенитенциарной политики в будущем, хотя на практике изменений было мало.

Заключение

Необходимость реформирования пенитенциарной политики в Российской империи в первой половине XIX в. была обусловлена не только появлением новых общественных отношений, но и условиями пребывания осужденных в местах лишения свободы и невозможностью их исправления. Вместе с тем неспособность Российской империи содержать в надлежащем материально-техническом и финансовом обеспечении пенитенциарные учреждения не позволила на практике существенно улучшить состояние дел в местах лишения свободы, где наряду с ненадлежащими условиями содержания осужденных сохранилась существенная переполненность, а бытовые условия, как и ранее, остались далеки от продекларированных норм. В итоге эти и другие недостатки подталкивали государство к необходимости проведения тюремной реформы и к переосмыслению пенитенциарной политики в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мулукаев, Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р. С. Мулукаев. – М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1964.
2. Смирнова, К. В. Уголовная и пенитенциарная политика в Российской империи в XIX веке / К. В. Смирнова // История государства и права. – 2007. – № 12. – С. 20–21.
3. Упоров, И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития : монография / И. В. Упоров. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 610 с.
4. Алексеев, В. И. Историко-правовые аспекты Российской пенитенциарной политики в начале XIX столетия (1819–1832 гг.) / В. И. Алексеев // История государства и права. – 2010. – № 23. – С. 2–3.
5. Керзум, А. П. Общество попечительное о тюрьмах [Электронный ресурс] / А. П. Керзум // Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2823335121>.
6. Лачина, В. О. Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации Российской пенитенциарной системы начала XIX в. / В. О. Лачина // История государства и права. – 2009. – № 5. – С. 13–14.

7. Никитин, В. Н. Тюрма и ссылка. 1560–1880 гг. / В. Н. Никитин. – СПб., 1880. – 674 с.
8. Россихин, В. В. Пенитенциарная система Российской империи в XIX – в начале XX ст. (на материалах украинских губерний) [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Россихин ; Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков, 2005. – 219 с.
9. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – Изд. 2-е. – М. : Госюриздат., 1961. – Т. 2 : 1825–1870. – 582 с.
10. Раськевич, А. А. История возникновения и развития законодательства об исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы в пенитенциарных учреждениях царской России / А. А. Раськевич // История государства и права. – 2007. – № 24. – С. 19–21.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.06.2016

Levchuk I.O. Penal Policy of the Russian Empire in the First Half of the Nineteenth Century

The article analyzes the historical and legal aspects of the penal policy of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century; on the one hand, the consequences of autocracy attempts to dissociate from the bourgeois transformation and innovations are discussed and, on the other hand, the reasons for these changes in the penal policy are discussed. The conclusions on the effectiveness of the pre-reform period of the penal system and its impact on further reforms of the 1860s are made.

УДК 343.162:347.987(477-25)(091)

Ю.М. Левчук*аспірант каф. тэорыі і історыі гасударства і права
Восточноєвропейскага нацыянальнага ўніверсітэта імяні Лесі Украінкі (Луцк)***КАДРОВОЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИЕВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ**

Статья посвящена исследованию кадрового и материально-технического обеспечения деятельности Киевской судебной палаты как составной части судебной системы Российской империи во время судебной реформы 1864 г. Проанализирована эффективность расходования средств государственного бюджета в ходе проведения в Российской империи судебной реформы, материальное содержание судебных учреждений в округе Киевской судебной палаты, а также судей и других служащих судебной системы. Рассмотрены аспекты кадрового и материально-технического обеспечения судебных учреждений в округе Киевской судебной палаты.

Введение

Судебная реформа 1864 г. в Российской империи наряду с другими либеральными реформами того времени занимает важное место в трансформации судебной и правоохранительной системы.

Актуальность и целесообразность переосмысления аспектов проведения судебной реформы 1864 г. объясняется сходством процессов, протекавших во второй половине XIX в., с современными процессами, а именно: необходимостью реформирования судебной системы Украины в связи с неэффективностью судебной власти; пренебрежением принципами обеспечения правовых гарантий защиты прав человека; преднамеренным затягиванием судебного процесса и возникновением бесконечных судебных тяжб; недоверием к судебной власти и очевидной некомпетентностью судебного корпуса. Стоит также учитывать актуальность реформирования судебной системы Украины с целью приведения её в соответствие с судебными системами Европейского Союза в контексте евроинтеграционных процессов. Ведь изменения в судебной системе Украины, углубление уровня гражданского сознания, трансформация существующего строя, государственно-правовых институтов, создание новых общественных отношений возможно лишь при условии детального изучения опыта прошлых лет.

Проблема организации и деятельности системы судоустройства на землях Украины в период вхождения в состав Российской империи является предметом рассмотрения как отечественных, так и российских ученых с конца XIX в. и до наших дней. Судоустройство на украинских землях исследовали Н.А. Буцковский, И.В. Гессен, А.Ф. Кони, Н.А. Филиппов, В.Я. Фукс, Г.А. Джаншиев, А.Н. Ярмыш, В.А. Чехович, А.Д. Святоцкий, С.М. Казанцев, Т.Л. Курас, П.Ф. Щербина, М.Г. Коротких, С.Ю. Обрусной и др. В ходе подготовки статьи использовались также архивные материалы – фонды Центрального государственного исторического архива в городе Киеве.

Судебная реформа 1864 г. провозглашала организацию новой системы судоустройства и внедрение демократических принципов судопроизводства на территории Российской империи. В частности, судебные уставы от 20 ноября 1864 г. регламентировали создание двойной системы судов: мировые судьи и общие судебные установления.

Научный руководитель – А.Н. Ярмыш, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный юрист Украины, Президент Международной ассоциации историков права

К общим судебным установлениям относились окружные суды, судебные палаты и кассационные департаменты Правительствующего Сената. Мировые судьи рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела, окружные суды – дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению судебных палат. Палаты являлись апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами, и рассматривали по первой инстанции дела о государственных и должностных преступлениях. Сенат был высшим судебным органом страны [1, с. 15].

В ходе проведения судебной реформы территория Российской империи была разделена на судебные округа, в каждом округе учреждалась судебная палата, окружные суды и мировые судьи. К началу XX в. в Российской империи было создано 14 судебных округов, которые возглавляли соответствующие судебные палаты: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Одесская, Казанская, Саратовская, Киевская, Виленская, Варшавская, Новочеркасская, Тифлисская, Иркутская, Омская и Ташкентская. Территории судебных округов со временем могли изменяться в результате открытия новых палат либо в силу иных причин.

29 июня 1880 г. была торжественно открыта Киевская судебная палата, состоявшая из уголовного и двух гражданских департаментов; впоследствии были открыты еще два гражданских департамента.

В отчетах киевского генерал-губернатора от 12.10.1877 г. и за 1880 г. говорится о начале капитального ремонта и переделок в зданиях губернских присутственных мест для помещений судебной палаты и окружного суда в городе Киев, а также частного дома в городе Умань для Уманского окружного суда, для чего выделено 67 983 руб. [2, л. 23; 3, л. 30–32]. Свою деятельность палата осуществляла в соответствии с положением «Об учреждении судебных установлений» от 20 ноября 1864 г. В состав Киевской судебной палаты входили Киевская, Волынская, Черниговская и Могилёвская губернии. Таким образом, юрисдикция Киевской судебной палаты охватывала окружные суды вышеупомянутых губерний, а именно Киевский, Житомирский, Луцкий, Могилёвский, Нежинский, Стародубский, Уманский, Черкасский и Черниговский суды. Сведения об этом сохранились, например, в записке из телеграфа об открытии судов, переписке местных чиновников и работников Министерства юстиции, а также благодарности жителей губерний за открытие судов [4, л. 1–9].

Главной особенностью проведения судебной реформы, на наш взгляд, было её неравномерное распространение по всей территории. В частности, определенный интерес вызывает территория Правобережной Украины, на которую, собственно, и распространялась юрисдикция Киевской судебной палаты. После разделов Речи Посполитой значительная её территория отошла к Российской империи (в результате второго раздела была присоединена территория Правобережной Украины). Здесь проживало мультиэтническое население: в частности, украинцы, поляки, русские, евреи и т. п. Данный факт способствовал возникновению национально-освободительных восстаний, разного рода конфликтов интересов и, как следствие, проведение определенной политики царизма в отношении данных территорий и их жителей. Так, из-за опасений правительства в успехе проведения судебной реформы на тех началах, которые провозглашались в судебных уставах, Киевская судебная палата и подчинённые ей окружные суды начали функционировать только в 1880 г. Мировой суд, правда, был введен в 1871 г., но с некоторыми отличиями: мировые судьи не избирались уездными земскими собраниями, как это было в других регионах империи, а назначались правительством, в частности, министром юстиции.

Как уже упоминалось, территория Киевского судебного округа, подконтрольного Киевской судебной палате, охватывала Киевскую, Волынскую, Черниговскую и Могилёвскую губернии. В соответствии с данными переписи 1897 г. население Киевской губернии составляло 3 559 229 человек, территория губернии – 44 777,9 км²; население

Волынской губернии – 2 989 482 человека, площадь – 71 736 км²; Черниговской губернии – 2 297 854 человека и 53 918,2 км²; Могилёвской губернии – 1 686 764 человека и 42 134,6 км² соответственно. Таким образом, территория Киевского судебного округа составляла 212 566,7 км² с населением 10 533 329 человек (собственные подсчеты на базе архивных данных) [5, л. 56].

Этнический состав населения Киевской губернии согласно данным переписи 1897 г. выглядел так: самой многочисленной группой были русские – 33,13%; евреи составляли 30,96%; украинцы – 28,16%; поляки – 4,69% (их численность после 1897 г. постоянно увеличивалось и на 1900 г. уже составляла 14%); немцы – 1%; татары – 0,3%, чехи – 0,23%; численность других немногочисленных национальных групп была незначительной. Принимая во внимание площадь и численность населения, а также неоднородный этнический состав населения Киевского судебного округа и его месторасположение на юго-западе Российской империи, стоит отметить, что создание здесь Киевской судебной палаты было необходимо для укрепления царского режима. Учитывая данные факты, правительство осуществляло определенную политику на территории округа Киевской судебной палаты в контексте кадрового и материально-технического обеспечения её деятельности.

Отметим, что введение судебных уставов всячески откладывалось под предлогом «финансовых затруднений» на всей территории Российской империи. Финансовое обеспечение судебной реформы явно уступало финансированию, например, военной реформы. Так, в 1866 г. министром финансов Гротом было выделено 648 000 руб. 60 коп. на проведение судебной реформы, в то время как военному министерству выделили более 40 млн руб. Государственному Совету удалось убедить министра финансов «пожертвовать» ещё 400 000 руб. на отпуск полной суммы, предназначенной для введения судебных уставов с 1867 г. Таким образом, общая сумма, выделенная правительством на модернизации всей судебной власти, составила 1 048 000 руб. 60 коп. [6, с. 125–127]. При этом на Правобережной Украине, где поляков воспринимали как самую образованную часть населения, как элиту, самодержавие имело целью не допустить их участия в судопроизводстве вообще. Поэтому недостаток финансирования судебной реформы, провозглашенный на уровне правительства, стал удачным обоснованием отсрочки внедрения реформы в округе Киевской судебной палаты вплоть до 1880 г.

Для достижения поставленных задач российское правительство проводило эффективную политику. В соответствии с судебными уставами, на должность судьи мог претендовать представитель не только губернии, на территории которой располагался суд или судебная палата. Землевладельцы-поляки облагались большими пошлинами на владение недвижимостью, а представители других национальностей – нет. Правительство имело целью разорить польскую шляхту, обесценить их землевладения и сделать их доступными для выкупа этническими русскими. Поэтому они скупали их землевладения и переезжали в юго-западные губернии Российской империи. Таким образом, происходило искусственное переселение народов и ограничение доступа к судебской профессии для других национальностей, кроме русских. Также русские получали возможность занимать должности судей, вытесняя поляков от влияния на все сферы общественной жизни. В условиях «искусственного кадрового голода» осуществлялся «импорт» служащих из других регионов империи.

В соответствии с судебными уставами судебные палаты возглавлял старший председатель. Палаты состояли из департаментов: гражданский и уголовный, в состав которых согласно штатному расписанию входили председатель и члены палаты. При каждой палате состоял прокурор и определенное число служащих, работавших под его руководством. В 1881 г. председателем Киевской судебной палаты был назначен сенатор Иван Николаевич Орлов. Судебная палата состояла из одного уголовного и двух гражданских департаментов, которые, в свою очередь, возглавляли председатели департа-

ментов судебной палаты. С 1914 г. в Киевской судебной палате функционировало еще два гражданских департамента. В штат департаментов судебной палаты входило определенное штатным расписанием число членов судебной палаты. По состоянию на 1884 г. в Киевской судебной палате служили 15 судей [7], со временем их количество возрастало в силу увеличения количества дел, которые рассматривала палата, и в 1914 г. там работал уже 31 судья [8]. Исходя из данных, имеющихся в архивном деле № 129 «Списки личного состава Киевской судебной палаты, лиц прокурорского надзора, судебных следователей и нотариального архива», в 1914 г. председателем палаты был Фёдор Алексеевич Волдырёв, председателями департаментов – Владимир Николаевич Шмаков, Дмитрий Яковлевич Кистанов, Николай Иванович Нестольбергер и Феофан Иванович Попов. В уголовном департаменте работали 10 судей: П.А. Ананьев, П.А. Блюгов, К.А. Вигура, П.Д. Каленцов, И.М. Коробичь-Чернявский, А.Д. Поставский, Л.И. Рыжов, Ф.Э. Шмидт, П.А. Терновский, А.С. Шалимов. В четырех гражданских департаментах работали ещё 16 судей: В.В. Попов, П.В. Ткаченко, В.А. Мельников, Д.В. Туткевич, Н.А. Риттер, А.Н. Бутовский и др. Прокурором в это время служил Н.Н. Чебышов, у которого было четыре товарища прокурора (заместителя) [9, л. 1–4].

При судебной палате функционировала канцелярия, в состав которой входили секретари и их помощники, рассыльные и судебные приставы, а также канцелярские чиновники, основная задача которых заключалась в переписи документов. Должность архивариуса в некоторых случаях могла быть объединенной с должностью секретаря. В 1914 г. при палате служили четыре судебных пристава: С.А. Верёвкин, М.С. Долгунов, В.И. Мельниковский и С.И. Рыбаков [9, л. 1–4].

Архивное дело «О денежных расходах на содержание канцелярии палаты» содержит записку прокурора от 23.08.1919 № 306 к председателю палаты с требованием средств на содержание канцелярии, в том числе 15 тыс. руб. на канцелярские принадлежности и 10 тыс. руб. на книги и инвентарь, а также средств на выдачу заработной платы по 525 руб. восьми служащим канцелярии [10, л. 2]. Здесь же находим и отчет прокурора в министерство юстиции о расходах денежных средств [10, л. 5], авансовый отчет о служебной поездке прокурора в Черкассы на 4 дня и суточные средства, которые составили 4 262 руб. 34 коп. [10, л. 11].

В соответствии с расписанием окладов содержания, классовых должностей, разрядов по пенсии и шитью мундиров членов судебного ведомства заработная плата секретаря судебной палаты составляла 1 800 руб. (включая квартирные и столовые); помощника секретаря судебной палаты – 800 руб.; секретаря окружного суда – 1 200 руб.; помощника секретаря окружного суда – 600 руб.; секретаря при прокуроре судебной палаты – 1 500 руб.; секретаря при прокуроре окружного суда – 1 000 руб. [11, с. 61].

Судебные палаты занимали значимое место в судебной системе Российской империи. Поэтому при приёме на службу к кандидатам предъявлялись высокие требования. Так, на должности чинов судебных палат определялись русские подданные, имеющие высшее юридическое образование. Члены судебных палат назначались из числа лиц, состоявших не менее трех лет в должности не ниже членов и прокуроров окружных судов. Председателями палат могли быть лица, не менее трех лет занимавшие должности не ниже прокурора или члена палаты либо председателя или товарища председателя окружного суда. На должность товарища прокурора палаты могли назначаться лица, занимавшиеся судебной практикой не менее шести лет, на должность прокурора палаты – не менее восьми лет. Члены окружных судов также проходили отбор. Соответственно и заработная плата у судебных чиновников была высокая: председателю судебной палаты полагалось 3 000 руб. плюс по 1 500 руб. столовых и квартирных, т.е. 6 000 руб. в год; председателю департамента судебной палаты – 3 000 руб., по 1 000 руб. квартирных и столовых; члену судебной палаты – 2 000 руб. и по 750 руб. квартирных и столовых; председателю окружного суда – 2 500 руб., а также по 1 000 руб. квартир-

ных и столовых; помощнику председателя окружного суда – 2 000 руб. и по 750 руб. квартирных и столовых; члену окружного суда – 1 200 руб. и по 500 руб. квартирных и столовых; судебному следователю – 1 000 руб.; прокурору окружного суда – 2 000 руб., товарищу прокурора окружного суда – 1 000 руб.; секретарю окружного суда – 600 руб.; помощнику секретаря окружного суда – 300 руб. [11, с. 60]. Независимо от окладов судебным следователям «назначались квартиры и лошади для разъездов» или, в случае невозможности предоставления квартиры, «отпускались квартирные деньги». На содержание канцелярии окружного суда выделялось 2, 5 тыс. руб.; канцелярии судебной палаты с одним департаментом – 3 тыс. руб., с двумя – 2,5 тыс. руб. [12, с. 32–34]. Кроме указанных сумм министерство юстиции и министерство финансов по взаимному соглашению выделяли особые суммы на отопление, первоначальное устройство помещений, приобретение мебели, аренду зданий. Это свидетельствует об определенной финансовой автономии в организации и деятельности судебной системы Российской империи.

Затрагивали судебные уставы и вопросы пенсионного обеспечения судей. Должностные лица судебного ведомства, вышедшие в отставку, а после их смерти – члены семьи имели право получать пенсии из эмеритальной кассы судебного ведомства. Пенсия назначалась согласно разряду должностей на основании общего устава о пенсиях. Данная норма прямо указывала на необходимость принятия устава об эмеритальных кассах министерства юстиции, так как к 1864 г. такого акта в России не существовало.

Желающих работать в округе Киевской судебной палаты было много, даже несмотря на политику царизма по искусственному переводу судебных служащих из других регионов империи с целью исключить влияние поляков и других национальностей, кроме русских, на осуществление судопроизводства в регионе. Об этом свидетельствует архивное дело № 40, которое сохранило формулярные списки, заявления и прошения лиц о назначении и приеме их на службу в округ Киевской судебной палаты от 1894 г. [13, л. 22], в частности, прошение № 297 от 24.08.1894 г. о принятии А.Л. Дробязко кандидатом на должность по судебному ведомству. К прошению прилагается удостоверение университета Св. Владимира № 2563, свидетельство Черниговской духовной консистории № 7295, свидетельство Киевского военного собора № 12, свидетельство уезда по военной повинности № 1807 и свидетельство управления Киевского учебного округа № 4445. Здесь же имеется прошение № 306 В.М. Скрипчинского от 16.09. 1894 г. и формулярные списки А.С. Плышко и Е.Н. Калтырина от 1905 г.

В соответствии с положениями судебных уставов, судебные учреждения располагались в предусмотренных для них зданиях. Киевская судебная палата имела свое конкретное месторасположение в г. Киеве. Окружной суд Киева и соответствующая Киевская судебная палата заседали в новом, построенном для размещения основных городских и губернских учреждений здании «присутственных мест, в котором помещается целый ряд правительственных учреждений, а именно: судебная палата, окружной суд, казенная палата с Губернским казначейством, Губернское правление, Губернская чертежная и типография, нотариальный архив, городское полицейское управление и др.» [14, с. 55]. Это здание было построено в 1857 г. по проекту архитекторов М. Иконникова, К. Скаржинского и И. Штрёма в стиле классицизма между Михайловским монастырём и Софийским собором, на месте, которое освободили от старой хаотичной застройки в результате перепланировки центральной части Киева в 30-х гг. XIX в. Здание «присутственных мест» существует до настоящего времени на улице Владимирской, 15, а одно из её помещений занимает Апелляционный суд Киевской области.

Луцкий окружной суд размещался в помещении бывшего монастыря 1880 г. С 1941 г. в этом здании находился военный госпиталь. Здание до сих пор существует на перекрестке улиц Леси Украинки и Сенаторки Левчановской; оно принадлежит Луцкому военному гарнизонному госпиталю [15].

Заклучение

Таким образом, Киевская судебная палата, образованная на юго-западе Российской империи и охватывавшая Киевскую, Волынскую, Черниговскую и Могилёвскую губернии, имела свои особенности в организации и деятельности. Географическое расположение обуславливало специальную кадровую и материально-техническую политику самодержавия в обеспечении функционирования палаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курас, Т. Л. Служба в судебных палатах, действовавших на центральных, западных и восточных территориях Российской империи / Т. Л. Курас // Сибир. юрид. вестн. – 2011. – № 3(54). – С. 15–21.
2. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). – Ф. 442. Оп. 56. Д. 331. Ч. 9. Л. 23.
3. ЦГИАУ. – Ф. 442. Оп. 534. Д. 422. Л. 30–32.
4. ЦГИАУ. – Ф. 442. Оп. 518. Д. 172. Л. 1–9.
5. ЦГИАУ. – Ф. 442. Оп. 181. Д. 425. Ч. 1. Л. 56.
6. Гессен, И. В. Судебная реформа / И. В. Гессен // Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. – СПб., 1905.
7. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений, образованных по Уставам Императора Александра 11 за 1884 и 1885 годы, с картой судебных округов Европейской России и Кавказского края // Сборник статистических сведений Министерства юстиции. – СПб., 1887. – Вып. 1.
8. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1914 год // Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Издание Первого Департамента Министерства юстиции по 3-му Делопроизводству статистического отделения. – Петроград, 1916. – Вып. 30.
9. ЦГИАУ. – Ф. 317. Оп. 2. Д. 129. Л. 1–4.
10. ЦГИАУ. – Ф. 317. Оп. 2. Д. 74. Л. 1–12.
11. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб., 1866. – Часть первая.
12. Замечания сенаторов и обер-прокуроров на соображения комиссии, Высочайше утвержденной для окончания работ по судебной части А) о слиянии мировых крестьянских учреждений с мировыми судебными установлениями и Б) о порядке введения в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года. – 92 с.
13. ЦГИАУ. – Ф. 318. Оп. 2. Д. 40. Л. 22.
14. Богуславский, С. Спутник по г. Киеву / С. Богуславский. – Киев, 1913.
15. Котис, А. Луцкие тринитарии: фотопутешествие в неизвестное [Электронный ресурс] / А. Котис. – Режим доступа: <http://www.visitlutsk.com>.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.06.2016

Levchuk Yu.M. Personnel, Material and Technical Support of Kiev Trial Chamber Activity

The content of this article is dedicated to the research of personnel, material and technical support of Kiev trial chamber activity as an integral part of the judicial system of the Russian Empire during the 1864 judicial reform. The effectiveness of state budget funds expenditure during the imperial judicial reform as well as the maintenance of the judicial institutions in the district of Kiev trial chamber and Kiev trial chamber in particular, the support of judges and other judicial personnel is analyzed. The aspects of personnel, material and technical support in the district of Kiev trial chamber are found.

УДК 341.17

П. Шевчик*магістр права, асістэнт каф. міжнароднага і саюзнага права
Опольскага ўніверсітэта (Польша)***ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

В статье проводится анализ институционально-правовых возможностей сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом. Изучены цели, задачи и компетенция обеих организаций, а также компетенция, которая дает этим организациям право заключать международные договоры с третьими странами и другими организациями. Проанализирован правовой статус органов, уполномоченных заключать международные договоры от имени ЕАЭС и ЕС. Кроме того, автор выделил субъекты, определяющие сферу и возможности принимать взаимные обязательства, которые формируют общее взаимное сотрудничество.

Введение

Евразийский экономический союз – это международная организация государственного характера, которая существует с 1 января 2015 г. В настоящее время она состоит из пяти государств-членов. Международной организацией государственного характера является также Европейский союз, который был создан 1 ноября 1993 г. и сейчас объединяет 28 государств. Обе организации имеют региональный, а не универсальный характер. В соответствии со ст. 49 Договора о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. членом ЕС может стать только европейское государство. Согласно же п. 1 ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе эта организация объединяет государства-члены в региональном измерении. Основная цель и одной и другой организации – это экономическая интеграция государств-членов. Обе организации создают в этом отношении свой собственный таможенный союз и общий рынок. Страны и ЕС, и ЕЭС объединились и продолжают создавать взаимно не проникающие региональные международные организации.

Обе структуры, т.е. Европейский союз и Евразийский экономический союз, являются юридическими лицами, что *expressis verbis* выражено в договорах, определяющих их функционирование: соответственно согласно ст. 47 Договора о Европейском союзе и ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе. Обе организации, как четко указано в договорах, имеют также *ius tractatum* – в соответствии со ст. 7 Договора о Евразийском экономическом союзе и ст. 37 Договора о Европейском союзе. В рамках Евразийского экономического союза и Европейского союза был создан автономный правовой порядок, который отличается от национального законодательства государств-членов и одновременно действует на их территории [1; 2]. Таким образом, Евразийский экономический союз является естественным восточным партнером для Европейского союза. Следует также отметить, что Республика Беларусь – это одна из стран – учредителей Евразийского экономического союза, а одним из государств – членов Европейского союза является ее сосед – Республика Польша.

Евразийский экономический союз и Европейский союз как субъекты международного публичного права

Обе вышеуказанные организации были созданы государствами на основе международных договоров. Как Евразийский экономический союз, так и Европейский союз являются международными организациями государственного характера, так как международные организации неправительственного характера создаются негосударственными

ми субъектами на основе неофициального соглашения или внутригосударственного договора [3–6]. Как государства, так и международные организации государственного характера (в дальнейшем называемые международными или межправительственными организациями) являются субъектами международного публичного права. Однако международные организации становятся вторичными субъектами международного публичного права в отличие от государств, которые являются основными субъектами международного публичного права [7].

Государства как основные субъекты международного публичного права являются суверенными, ибо отсутствие суверенитета исключает государственность. Так, Л. Эрлих понимает под государственным суверенитетом самостоятельность государства и верховенство его власти. Первая формулировка обозначает юридическую независимость от другого субъекта, а вторая – власть применяется к общей нормализации всех отношений в пределах данной территории [8]. Таким образом, возможность международного сотрудничества формируется через выражение воли конкретного государства. Воля страны, однако, не имеет идеалистического или абсолютного характера. Свобода страны в ее отношениях с другими странами ограничена суверенитетом этих стран, которые также ими используются [9]. Таким образом, созданный на этом фоне принцип суверенного равенства государств формирует взаимное сотрудничество между странами.

С точки зрения международного публичного права только государственный суверенитет дает право заключать международные договоры (*ius tractatum*) [10]. По мнению ряда ученых в области международного права, международный договор является одним из самых важных и популярных форм межгосударственного сотрудничества в XX и XXI в. Заключаемые странами международные договоры не подлежат иерархии: это результат суверенного равенства сторон таких договоров. Более того, этот атрибут называемый способностью заключать международные договоры (*ius tractatum, ius contrahendi*; англ. *treaty making power*) является основным, полным и неограниченным. Таким образом, любая страна с момента её создания до своего распада может заключать с любым субъектом международного публичного права договоры, касающиеся любой сферы регулирования правовых обязательств [11]. Описанная прерогатива даёт государствам возможность создавать, заключать и исполнять международные договоры, на основании которых возникают межправительственные организации.

Создание, деятельность и компетенцию межправительственных организаций определяют международные договоры. Эти же международные договоры содержат положения, определяющие объем и порядок делегирования государствами-членами своих полномочий созданной международной организации. Государства-учредители таким образом принимают решение о характере полномочий и их объёме в отношении создаваемой международной организации. Эти прерогативы всегда имеют вторичный характер и всегда ограничены волей стран-учредителей [12]. В случае Евразийского экономического союза существует только один международный договор, именно Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) от 29 мая 2014 г., который вступил в силу 1 января 2015 г. Относительно Европейского союза в настоящее время существуют два международных договора: Договор о Европейском союзе (ДЕС) и Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) в версии Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г. Этот договор вступил в силу 1 декабря 2009 г.

Международная организация, как и государство, может являться участником международных отношений, основанных на *ius tractatum*. Эта суверенная и полная компетенция государства по отношению к международной организации становится вторичным атрибутом, делегированным государствами и прежде всего ограничивающим волю государств-учредителей [13]. Межправительственная организация, как уже было сказано, является вторичным субъектом международного публичного права. Меж-

дународная арганізацыя не яўляецца такжэ суверенным суб'ектам міжнароднага права. Существование международной организации, ее любые правовые компетенции, а также их объем зависят только от государств-учредителей. Таким образом, существует возможность (не только теоретическая), чтобы вновь созданная международная организация не была наделена никакими правами [14].

По мнению некоторых авторов, среди межправительственных организаций мы можем также выделить транснациональные. Как считают Й. Малишевска-Ненартович, Т.Н. Нешатаева и М.М. Брюков, наднациональная организация представляет собой особую форму международной организации государственного характера, которая даёт государствам-членам возможность создания автономного правового порядка, иного чем международное публичное право и национальное право государств-членов, а также возможность разрешения любого спора относительно толкования и применения этого закона. Упомянутые авторы признают также, что в рамках международных организаций транснационального характера существует полная интеграция государств-членов на основе вышеуказанных полномочий [15–17]. Т.Н. Нешатаева в качестве примера наднациональной организации указывает Евразийский экономический союз [16], а Й. Малишевска-Ненартович к таким организациям относит Европейский союз [15].

Другое мнение по этому вопросу представляет К.А. Бекашев. Он утверждает, что по существу международной транснациональной организации не существует. Во-первых, признание международной транснациональной организации противоречит основам международного права, поскольку над государствами как первичными субъектами международного права нет и не может быть верховной власти. Во-вторых, наделение международных организаций государственными полномочиями не означает передачи им части суверенитета государств. В-третьих, передачу компетенций международным организациям определяют государства-члены и никто другой. В-четвертых, ни одна международная организация не вправе вмешиваться во внутренние дела государства без ее предварительного согласия. И, наконец, в-пятых, обладание международными организациями «суверенными полномочиями», как, например, *ius tractatum*, является неотъемлемым правом этих стран, возникающим именно из их суверенитета [18].

Аналогичным образом полагает Й. Барч, согласно которому даже в самой интегрированной международной организации не эта организация, а суверенные государства-члены создают процесс интеграции. Кроме того, участие государств-членов в этом процессе не является ограничением их суверенитета, а только использованием их полномочий, вытекающих из сути их суверенитета. Более того, с юридической точки зрения процесс передачи международным организациям государственных полномочий не является лишением себя собственного суверенитета. Потому что основой этого процесса будет воля государств. Таким образом, страны сохраняют свои метакомпетенции, т.е. компетенции компетенций, которые считаются основой их суверенитета [19]. Поэтому не надо считать, что в настоящее время существуют наднациональные организации, так как эти организации имеют исключительно вторичные полномочия, которые зависят от воли государств, и они ограничены волей этих государств.

Компетенция Евразийского экономического союза и Европейского союза по взаимному сотрудничеству

Евразийский союз в соответствии со ст. 3 Договора о ЕАЭС осуществляет свою деятельность только в пределах компетенций, предоставляемых ему государствами-членами. Эта статья определяет также, что государства-члены должны создать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаться от действий, могущих нанести ущерб целям Союза. Главными задачами этой организации являются координация в её рамках таможенного союза, а также создание общего рынка товаров,

услуг, капитала и рабочей силы. Более того, в соответствии со ст. 7 Договора о ЕАЭС эта организация имеет право в пределах своих компетенций и с целью выполнения своих задач осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями. Эта же статья определяет, что Евразийский экономический союз в рамках своей международной компетенции имеет также право самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать международные договоры с субъектами международного публичного права, в том числе с другими международными организациями.

Содержание ст. 7 Договора о ЕАЭС четко указывает, что одной из главных целей создания Евразийского экономического союза является сотрудничество с зарубежными партнёрами, правительствами и международными организациями в области уже установленного таможенного союза и создаваемого единого экономического пространства. Следует также отметить, что до 1 июля 2019 г. в рамках Евразийского экономического союза планируется построить совместный рынок электрической энергии, а до 1 января 2025 г. совместный рынок нефти, газа и нефтепродуктов. До 2025 г. в рамках Евразийского союза должен быть также создан наднациональный орган, регулирующий финансовый рынок [20]. Кроме того, в рамках этой организации должен быть создан общий рынок железнодорожного и автомобильного транспорта, однако конкретные даты возможного создания транспортного рынка пока не определены, что может означать планирование более поздней даты, чем 2025 г.

Международные договоры, которые Евразийский экономический союз имеет право заключать с третьими странами и другими международными организациями, могут быть двух видов: первый – это заключаемые Союзом в пределах своей компетенции с другими субъектами международного права, и второй, т.н. «смешанного характера», – договоры, заключаемые и Союзом, и странами-членами с другими субъектами международного права. Оба вида договоров не могут, однако, противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Евразийского экономического союза. «При этом если основные цели Союза, его основные принципы функционирования в учредительном договоре четко определены, то за понятием “правила функционирования Союза” трудно признать подобное качество» [21]. Таким образом, содержание потенциального согласованного договора может вызвать правовые сомнения с точки зрения его совместимости с учредительным договором.

В соответствии со ст. 1 ДЕС государства-члены предоставляют Европейскому союзу компетенции для достижения его целей. Более того, согласно пункта 2 ст. 5 ДЕС Европейский союз должен действовать только в пределах полномочий, возложенных на него государствами-членами, а все полномочия, не предоставленные Европейскому союзу, до сих пор принадлежат к государствам-членам. Компетенции, возложенные на Европейский союз, можно разделить на исключительные компетенции ЕС, компетенции, которые ЕС разделяет с государствами-членами, и компетенции ЕС, которые дополняют действия государств-членов. Государства-члены могут осуществлять исключительные компетенции ЕС только после предоставления им полномочий или в случае выполнения его актов, а отдельные компетенции в той степени, в какой ЕС ими не воспользовался или перестал ими заниматься. И, наконец, дополнительные компетенции Европейского союза служат только для поддержки и согласования деятельности государств-членов в рамках их компетенции, ни в коем случае не заменяя их [22].

В соответствии с пунктом 1 ст. 3 ДФЕС Европейский союз обладает исключительной компетенцией в следующих областях: таможенный союз; установление правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка, денежно-кредитной политики для стран, которые приняли общую валюту – евро; сохранения морских биологических ресурсов в рамках общей политики в области рыболовства и об-

щей торговой политики. Согласно пункту 2 ст. 3 ДФЕС Европейский Союз также обладает исключительной компетенцией и вправе заключать международные договоры, если это предусмотрено в законодательном акте ЕС или это является необходимым для осуществления Европейским союзом его внутренних компетенций или в той степени, в какой заключение международных договоров может повлиять на союзные правила или изменить сферу их применения. Европейский союз обладает отдельными компетенциями в этих областях, в которых не имеет компетенции исключительных или дополняющих. Дополнительными компетенциями ЕС обладает в следующих областях: охрана и улучшение здоровья человека; промышленность; культура; туризм; образование; профессиональная подготовка; спорт; гражданская защита и административное сотрудничество [23].

Таким образом, Европейский Союз имеет исключительное право заключать международные договоры с третьими странами и другими международными организациями в трех случаях. Во-первых, тогда, когда это прямо предусмотрено в договорах, а именно в ДЕС и ДФЕС. Можно сослаться, например, на ст. 8 ДФЕС, согласно которой Европейский союз имеет право заключать соглашения с соседними странами в отношении взаимных прав, обязанностей и проведения совместных мероприятий. Либо также на ст. 214 ДФЕС, которая дает право Европейскому союзу заключать соглашения с третьими странами и другими организациями в области гуманитарной помощи. Во-вторых, тогда, когда это является необходимым для достижения в рамках политики Европейского союза одной из целей, указанных в учредительных договорах. Примером здесь может быть союзная политика экономического сплочения (принимая во внимание, что продвижение экономической сплоченности является целью ЕС – согласно пункта 3 ст. 3 ДФЕС). В-третьих, тогда, когда заключение международных соглашений может повлиять на общие правила или изменять сферу их применения. Например, международный договор в области автомобильного транспорта, который был предметом судебного рассмотрения Суда Европейских сообществ от 31 марта 1971 г. Из решения Суда вытекает, что область автомобильного транспорта влияет на общие союзные правила и может изменить сферу их применения [24].

Органы, уполномоченные заключать и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров

В соответствии с пунктом 2 ст. 7 Договора о ЕАЭС проведение переговоров по проектам международных договоров, а также их подписание осуществляются на основании решения Высшего Евразийского экономического совета. Решение о заключении договора Евразийского союза с другой организацией или с третьей страной принимает Высший Евразийский экономический совет после выполнения государствами-членами соответствующих внутригосударственных процедур. В том же режиме Высший Евразийский экономический совет принимает решение о прекращении, приостановлении или о выходе из международного договора. Высший Евразийский экономический совет состоит из глав государств – членов союза. Решения этого органа согласно пункту 2 ст. 13 Договора о ЕАЭС принимаются консенсусом [2].

В соответствии с подпунктом 14 пункта 2 ст. 12 Договора о ЕАЭС Высший Евразийский экономический совет не только принимает решения о заключении международных договоров, но и утверждает всю деятельность Евразийского экономического союза в области международного сотрудничества. Как указано в содержании подпункта 15 этой же статьи Договора о ЕАЭС, в рамках этих действий Высший Евразийский экономический совет принимает решение о праве на ведение переговоров с третьей стороной от имени Союза, а также о выражении согласия Союза на обязательность

для него международного договора с третьей стороной, прекращения, приостановления или выхода из международного договора.

Однако, как уже ранее указано, согласно пункту 2 ст. 6 Договора о ЕАЭС, содержание проекта международного договора не может противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. Право разрешать споры по поводу возможного противоречия проекта международного договора с положениями Договора ЕАЭС имеет только Суд Евразийского союза. В соответствии с пунктом 39 Статута Суда Евразийского экономического союза Суд по заявлению государства-члена рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС. Кроме того, согласно пункту 48 упомянутого выше Договора Суд Евразийского союза также разъясняет положения международного договора, заключенного Евразийским союзом с третьей стороной, если это предусмотрено таким международным договором [21].

От имени Европейского союза в соответствии со статьей 218 ДФЕС решение о начале переговоров, принятие директив по переговорам и решение о заключении договора (независимо от субъекта этого договора) принимает Совет ЕС. Только в случае соглашений, касающихся общей торговой политики Европейского союза, переговоры ведет Совет ЕС вместе с Европейской комиссией. Совет ЕС является постоянно действующим органом Европейского союза, который согласно пункту 2 ст. 16 ДЕС состоит из представителей всех государств-членов на уровне министров, уполномоченных принимать обязательства и имеющих право голоса от имени этих государств-членов. Содержание соглашения, заключенного Европейским союзом, должно соответствовать ДЕС и ДФЕС. В случае возникновения спора по этому вопросу, государство – член Евросоюза или некоторые из его уставных органов, таких как Европейский парламент, Совет ЕС или Европейская комиссия, могут обратиться в Суд ЕС для вынесения заключения по спорному вопросу. Договор, признанный Европейским судом как противоречащий Договору о Европейском союзе или Договору о функционировании Европейского союза, не может быть заключен. Тем не менее Суд ЕС не всегда вправе проверить соответствие проекта договора ДЕС и ДФЕС. В том случае, когда речь идет о проекте договора в области общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (хотя Европейский союз имеет право заключать соглашения по этим направлениям), Суд ЕС не обладает полномочиями по этому вопросу [25].

Заключение международного договора Советом ЕС происходит на основе единогласия, если этот договор касается вопросов, для которых необходимо единогласие при принятии внутренних решений и когда это четко указано в договорах. В других случаях, если речь идет только о совместных действиях или выработке общей позиции, решение принимается квалифицированным большинством голосов [26]. Совет ЕС должен принять решение на основе единогласия, например, в случае заключения соглашения об ассоциации. Совет ЕС, принимая решение о заключении международного соглашения, должен обратиться к Европарламенту либо за его мнением по данному вопросу, либо за согласием на заключение такого соглашения. Отсутствие согласия Европейского парламента, в случае когда оно является необходимым, препятствует Совету ЕС заключить международный договор. Так, согласие Европарламента необходимо, когда заключается соглашение об ассоциации с ЕС. В соответствии со ст. 218 ДФЕС соглашения, заключенные ЕС, обязательны и для органов ЕС, и для государств – членов ЕС [27].

Заключение

Обе организации: и Евразийский экономический союз, и Европейский союз – были созданы государствами-членами для выполнения задач, вытекающих из функционирующих в их рамках таможенного союза и общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Очевидно, что Европейский союз является субъектом более интегрирован-

ным с точки зрения функционирующих в его рамках таможенного союза и общего рынка по причине того, что существует на международной арене более длительный срок, чем Евразийский экономический союз. Тем не менее нет никаких сомнений в том, что эти организации в отношении своих объявленных целей и задач имеют однотипные компетенции. Главным атрибутом, которым они обладают, является *ius tractatum*. Таким образом, обе организации имеют вторичную компетенцию заключать с третьими странами и другими организациями международные соглашения в области четко определенных целей и задач. С юридической точки зрения эти организации полностью уполномочены как вести переговоры по заключению договоров, так и заключать эти договоры.

Сотрудничество между ЕС и ЕАЭС в области *ius tractatum – ius contrahendi* не должно быть ограничено только сферой заключения между собой международных договоров. Компетенции обеих организаций позволяют этим вторичным субъектам международного публичного права создать совместную ассоциацию. Согласно ст. 217 ДФЕС Европейский союз вправе заключать с одним или несколькими государствами или международными организациями договоры о создании ассоциации, для которых будут характерны взаимные права, обязанности, совместные действия, а также общие процедуры. Если речь идет о Евразийском союзе, то согласно ст. 7 Договора о ЕАЭС эта организация имеет право осуществлять в пределах своей компетенции международную деятельность, направленную на решение задач, стоящих перед ЕС, а также осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями. Однако решение о том, заключат ли эти организации международный договор или создадут международную ассоциацию, зависит от государств – членов обеих организаций, поскольку только государства-члены, а не любая организация, сохраняют первичные компетенции и суверенное право решать форму будущего международного сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Traktat o Unii Europejskiej i Traktat o funkcjonowaniu Unii Europejskiej [Elektronowy zasób] // Dziennik Urzędowy UE. – 2012. – S. 326. – Reżim dostępu: http://oide.sejm.gov.pl/oide/index.php?option=com_content&view=article&id=14803&Itemid=945. – Data dostępu: 05.03.2016.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/#/info>. – Дата доступа: 18.03.2016.
3. Archer, C. International Organizations / C. Archer. – London ; New York, 2001. – P. 35.
4. Егоров, С. А. Словарь международного права / С. А. Егоров. – М., 2014, – С. 194–195.
5. Łązniewska, E. Istota, geneza, rola i funkcje organizacji międzynarodowych / E. Łązniewska // Kompendium wiedzy o organizacjach międzynarodowych / E. Łązniewska, P. Deszczyński (red.). – Warszawa : PWN, 2011. – S. 27–28.
6. Shaw, M. N. International Law / M. N. Shaw. – Cambridge, 1997, – P. 908–909.
7. Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – М., 1970. – С. 359–365.
8. Erlich, L. Prawo międzynarodowe / L. Erlich. – Warszawa, 1958. – S. 10.
9. Gawłowicz, I. Nowe wykorzystanie suwerenności jako «signum temporis» / I. Gawłowicz // Konceptje suwerenności : zb. studiów / I. Gawłowicz, I. Wierzchowiecka (red.). – Warszawa, 2005. – S. 26–27.
10. Łoś-Nowak, T. Suwerenność państw we współczesnym świecie / T. Łoś-Nowak, K. Wilk // Zeszyty Naukowe Uniw. Opolskiego, Nauki Społeczno-Polityczne. – 1996. – № 11.

11. Sozański, J. Prawo traktatów. Zarys współczesny / J. Sozański. – Warszawa ; Poznań, 2009. – S. 81–83.
12. Menkes, J. Organizacje międzynarodowe. Wprowadzenie do systemu / J. Menkes, A. Wasilkowski. – Warszawa, 2004. – S. 103.
13. Amerasinghe, C. Principles of the Institutional Law of International Organizations / C. Amerasinghe. – Cambridge, 2005. – P. 92–100.
14. Guzman, A. International Organizations and the Frankenstein Problem [Electronic resource] / A. Guzman // The European Journal of International Law. – Vol. 24, № 4. – Mode of access: <http://ejil.oxfordjournals.org/content/24/4/999.full.pdf>. – Date of access: 07.03.2016.
15. Maliszewska-Nienartowicz, J. System instytucjonalny i prawny Unii Europejskiej / J. Maliszewska-Nienartowicz. – Toruń, 2010. – S. 23–24.
16. Нешатаева, Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм / Т. Н. Нешатаева // Закон. – 2014. – № 6.
17. Бирюков, М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора / М. М. Бирюков. – М., 2015. – С. 101–102.
18. Бекяшев, К. А. Право международных организаций / К. А. Бекяшев. – М., 2011. – С. 356.
19. Barcz, J. Problem modelu prawnego procesu integracji europejskiej i zarządzania w ramach UE / J. Barcz // Instytucje i prawo Unii Europejskiej : podręcznik / J. Barcz, M. Górka, A. Wyrozumska. – Warszawa, 2011. – S. 30–38.
20. Шухно, С. С. Договор о ЕАЭС: перспективы, цели и задачи / С. С. Шухно // Промышленно-торговое право. – 2014. – № 10.
21. Капустин, А. Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции / А. Я. Капустин // Журн. рос. права. – 2014. – № 12.
22. Wyrozumska, A. Zasady działania Unii Europejskiej / A. Wyrozumska // Instytucje i prawo Unii Europejskiej : podręcznik / J. Barcz, M. Górka, A. Wyrozumska. – Warszawa, 2011. – S. 64–82.
23. Parol, A. Podstawy prawne Unii Europejskiej / A. Parol // Prawo instytucjonalne Unii Europejskiej. – Lublin, 2012. – S. 84–89.
24. Traktat o funkcjonowaniu Unii Europejskiej. Komentarz [Elektronowy zasób] / D. Miąsik, N. Półtorak, A. Wróbel (red. nauk.). – T. I. – Reżim dostępu: <http://sip.lex.pl/#/komentarz/587327077/124517/traktat-o-funkcjonowaniu-unii-europejskiej-komentarz-tom-i-art-1-89>. – Data dostępu: 05.03.2016.
25. Galster, J. Porządek prawny Unii Europejskiej / J. Galster // Podstawy Prawa Unii Europejskiej z u uwzględnieniem Traktatu z Lizbony. – Toruń, 2010. – S. 336–338.
26. Энтин, Л. М. Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник для вузов / Л. М. Энтин. – М., 2013. – С. 156.
27. Miaskowska-Daszkiwicz, K. Tworzenie prawa Unii Europejskiej / A. Miaskowska-Daszkiwicz, A. Kuś // Prawo instytucjonalne Unii Europejskiej. – Lublin, 2012. – S. 84–89.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.07.2016

Shevchik P. The Eurasian Economic Union and the European Union: Institutional and Legal Cooperation

In this article, the institutional and legal possibilities of cooperation between the Eurasian Economic Union and the European Union are analyzed. The article describes the objectives, tasks and competences of both organizations, including competences to conclude international agreements with third states and other organizations. The bodies authorized to conclude international agreements on behalf of these organizations are indicated. Moreover, the entities that determine the possibility and the scope of taking mutual commitments are specified, which in turn defines the entities that create the mutual cooperation.

УДК 342.9

В.Ю. Чешко*магистр юрид. наук, ст. преподаватель каф. юридических дисциплин
Военной академии Республики Беларусь***СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассмотрены меры дисциплинарной ответственности военнослужащих в Республике Беларусь. Исследуются нормативные правовые акты, регулирующие дисциплинарную ответственность в военизированных организациях Республики Беларусь и в Вооруженных Силах Российской Федерации. Анализ показывает отсутствие нормативного закрепления такой меры ответственности, как досрочное увольнение с воинской службы. С целью устранения правовых пробелов предлагаются изменения в действующее законодательство.

Введение

Современное демократическое общество невозможно представить без поддержания в нем высокого уровня организованности. Государство для осуществления этой цели активно использует основные методы воздействия: убеждение и принуждение. Основная роль, бесспорно, принадлежит методу убеждения, он влияет только на сознание людей. Но зачастую данный метод не всегда является действенным, и совершаются правонарушения или проступки. В случаях, когда убеждение не возымело необходимого воздействия, применяется метод принуждения, который является карательным методом и содержит в себе различные меры воздействия: предупредительные, пресечения, ответственности и др.

Состояние воинской дисциплины и уровня законности в воинских коллективах является главной целью всех командиров (начальников) и важнейшим критерием боеготовности и боеспособности воинских формирований. Дисциплинарная ответственность «является одним из видов юридической ответственности, т.е. мерой государственного принуждения» [1, с. 172; 2], занимает особое место в реализации метода принуждения и на основании этого выступает одним из основных средств обеспечения дисциплины в Вооруженных Силах, других воинских формированиях и военизированных организациях Республики Беларусь.

Значимость данного правового явления детерминирует необходимость его совершенного правового регулирования. Несмотря на достаточно широкую научную дискуссию по проблеме дисциплинарной ответственности военнослужащих, теоретические ее исследования немногочисленны. Отсюда возникают пробелы в правовом регулировании дисциплинарных проступков военнослужащих.

Правовому регулированию дисциплинарной ответственности военнослужащих в Республике Беларусь посвящены главы 9–15 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее – Дисциплинарный устав) [3]. Она представлена крайней мерой воздействия – принуждением, когда метод убеждения не возымел должного воздействия либо тяжесть совершенного проступка предполагает применение таких мер ответственности. В Дисциплинарном уставе закреплен перечень дисциплинарных взысканий по категориям военнослужащих, которые могут применяться в отношении личного состава (солдат и сержантов срочной воинской службы, военнослужащих контрактной службы, прапорщиков и офицеров) [3, гл. 9–11].

Дисциплинарное взыскание имеет своей главной целью укрепление дисциплины военнослужащих и по характеру применяемой меры должно соответствовать тяжести

совершенного проступка и степени вины. В случае нарушения воинской дисциплины или при ненадлежащем исполнении обязанностей воинской службы военнослужащему изначально делается напоминание командиром (начальником) о его обязанностях и воинском долге, а также указываются допущенные им нарушения и недостатки. Привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности осуществляется при необходимости, когда командир (начальник) посчитает, что для поддержания дисциплины в подразделении использования убеждения будет недостаточно.

Дисциплинарная ответственность военнослужащих в Республике Беларусь представлена следующими мерами:

- 1) выговор;
- 2) строгий выговор;
- 3) лишение солдат и сержантов срочной воинской службы права на увольнение из расположения воинской части на срок до одного месяца;
- 4) назначение солдат срочной воинской службы вне очереди в наряд по службе, за исключением назначения в караул и на боевое дежурство, – до пяти нарядов (курсантов военных учебных заведений – до трех нарядов);
- 5) уменьшение продолжительности отпуска за весь период воинской службы солдатам, проходящим срочную воинскую службу в течение 18 месяцев, на срок до пяти суток, а солдатам, проходящим срочную воинскую службу, в течение 12 месяцев, на срок до двух суток (сержантам, проходящим срочную воинскую службу в течение 18 месяцев, на срок до восьми суток, а сержантам, проходящим срочную воинскую службу в течение 12 месяцев, – на срок до пяти суток);
- 6) арест с содержанием на гауптвахте на срок до десяти суток, а для солдат и сержантов, проходящих воинскую службу по контракту, – на срок до семи суток (для курсантов военных учебных заведений – на срок до пяти суток);
- 7) предупреждение военнослужащих, проходящих воинскую службу по контракту, о неполном служебном соответствии;
- 8) снижение в воинской должности;
- 9) снижение в воинском звании (кроме прапорщиков и младших лейтенантов) [3].

Среди перечисленных мер отсутствует самая тяжкая мера – увольнение военнослужащего до окончания контракта. Тяжесть данной меры обусловлена прежде всего ее крайней формой воздействия, после которой прекращаются служебные правоотношения между указанным субъектом и республиканскими органами государственного управления, в которых предусмотрена воинская служба. В этой связи возникает справедливый вопрос о достаточности мер системы дисциплинарных взысканий.

Однако в ст. 77 Дисциплинарного устава предусмотрено, что если в течение шести месяцев после наложения дисциплинарного взыскания – «предупреждение о неполном служебном соответствии» – военнослужащий, проходящий воинскую службу по контракту, не исправил своего поведения и дисциплинарное взыскание не сыграло своей воспитательной роли, то командир (начальник) организует проведение аттестации указанного военнослужащего для определения перспективы дальнейшего прохождения им воинской службы [3]. Также возможность увольнения военнослужащего, проходящего воинскую службу по контракту, до окончания срока контракта предусмотрена «в связи с систематическим (более двух раз в течение года) нарушений им условий контракта», т.е. при проявлении недисциплинированности [4, п. 211.2].

Правовое регулирование воинской службы осуществляется нормами административного права. Можно сослаться на мнение С.Г. Василевича, который, характеризуя административные взыскания, указывает два основных признака системности данных взысканий: «внутреннее организованное единство и структурно-иерархическое единство» [5, с. 243].

Анализ перечисленных выше мер, показывает, что по признаку структурно-иерархического единства меры дисциплинарного взыскания имеют два уровня: моральные взыскания (выговор, строгий выговор и др.) и материальные (которые отражаются на материальном положении военнослужащего, – снижение в воинской должности).

По признаку внутреннего организованного единства закрепленная в дисциплинарном уставе система мер вызывает сомнение по причине не прямого отнесения к ней крайней меры воздействия – увольнения. Очевидно, что отсутствие данной меры дисциплинарной ответственности военнослужащих в перечне, определенном в Дисциплинарном уставе, не означает отсутствие возможности применения такой крайней меры воздействия, которая по своей сути является мерой дисциплинарного воздействия.

Представляется целесообразным проанализировать практику закрепления аналогичных мер ответственности в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем трудовую, учебную и служебную дисциплину. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности работников в Республике Беларусь осуществляется Трудовым кодексом Республики Беларусь [6]. Так, наниматель может применить к работнику такие меры дисциплинарного взыскания, как замечание, выговор и увольнение [6, ст. 198]. Из этой нормы видно, что законодатель относит по степени тяжести «увольнение» к самой тяжкой мере дисциплинарного воздействия в трудовых правоотношениях.

Исследуя учебную дисциплину, следует обратиться к Кодексу Республики Беларусь об образовании. В отношении обучающегося в Республике Беларусь могут быть применены следующие меры дисциплинарного взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) отчисление [7, ст. 128].

Отчисление как мера дисциплинарной ответственности может быть применено за:

- 1) длительное отсутствие (более 30 дней) без уважительных причин на учебных занятиях в течение учебного года;
- 2) систематическое (повторное в течение учебного года) неисполнение или ненадлежащее исполнение обучающимся обязанностей, если к нему ранее применялись меры дисциплинарного взыскания.

Ст. 129 Кодекса Республики Беларусь об образовании устанавливает: «Дисциплинарная ответственность обучающихся из числа военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь устанавливается законодательством о прохождении соответствующей службы» [7]. В Положении о порядке прохождения воинской службы одним из оснований для отчисления курсанта (слушателя, ординатора, магистранта, адъюнкта, докторанта) является недисциплинированность [4, п. 174.3, 176.2].

Далее рассмотрим дисциплинарные уставы органов «военизированной службы» [8, с. 16]. К данным органам в Республике Беларусь относятся органы внутренних дел, финансовых расследований Комитета государственного контроля, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, Следственный комитет и Государственный комитет судебных экспертиз. В органах военизированной службы предусмотрена такая мера дисциплинарной ответственности, «досрочное увольнение». В органах финансовых расследований Комитета государственного контроля дисциплинарное взыскание в виде увольнения из органов финансовых расследований «может быть применено к работнику в связи с систематическим невыполнением условий контракта о службе или за совершение дисциплинарного проступка, предусмотренного контрактом о службе в качестве основания для его досрочного расторжения» [9, п. 37].

Дисциплинарный устав органов внутренних дел устанавливает, что дисциплинарное взыскание в виде увольнения может быть применено «в связи с систематическим (более двух раз в течение года) невыполнением сотрудником условий контракта или за совершение проступка, предусмотренного контрактом в качестве основания для его досрочного расторжения или прекращения его действия» [10, п. 45]. Дисциплинарное взыскание в виде увольнения из Следственного комитета Республики Беларусь осуществляется «за грубое либо систематическое нарушение служебной дисциплины» [11, п. 25].

В органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям в отношении обучающихся курсантов отчисление не предусмотрено, но в отношении работников увольнение из органов и подразделений производится «за систематическое нарушение дисциплины или за совершение проступка, несовместимого с пребыванием на службе в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям» [12, п. 34]. Государственный комитет судебных экспертиз не является исключением и содержит меру дисциплинарного взыскания – «увольнение из Государственного комитета судебных экспертиз» [13, п. 19].

Важно отметить и то, что в органах внутренних дел и органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям к курсантам помимо основных взысканий (одно из которых – увольнение из органов) предусмотрены и дополнительные, которые можно применять только к данной категории: лишение увольнения на определенный срок, назначение в наряд по службе вне очереди и лишение права на повышение размеров должностных окладов за результаты учебы [10, п. 28, 29; 12, п. 23, 24].

Интерес также представляет аналогичное законодательство Российской Федерации, регулирующее порядок, основания, сроки и меры дисциплинарной ответственности военнослужащих. Так, в дисциплинарном уставе Российской Федерации предусмотрено досрочное увольнение с воинской службы в связи с невыполнением условий контракта применяется к военнослужащему, проходящему службу по контракту «за невыполнение им условий контракта и исполняется без его согласия» [14, п. 99]. Применяется досрочное увольнение в отношении военнослужащего, проходящего воинскую службу по контракту, за невыполнение им условий контракта и исполняется без его согласия. Если на момент досрочного увольнения военнослужащий не выслужил установленный срок воинской службы по призыву, он направляется для прохождения воинской службы по призыву с зачислением двух месяцев воинской службы по контракту за один месяц военной службы по призыву.

В отношении обучающихся курсантов предусмотрено отчисление из военного образовательного учреждения профессионального образования. Применяется оно в отношении курсантов «за один или несколько совершенных ими грубых дисциплинарных проступков по представлению начальника военного образовательного учреждения профессионального образования приказом командира (начальника), которому такое право предоставлено» [14, п. 100]. Также предусмотрена еще одна мера – «отчисление с военных сборов» [14, п. 101]. Применяется она в отношении граждан, призванных на военные сборы, за один или несколько совершенных ими грубых дисциплинарных проступков и объявляется приказом командира воинской части, в которой гражданин, призванный на военные сборы, проходит военные сборы. При этом время нахождения на военных сборах гражданину, призванному на военные сборы, не засчитывается.

По нашему мнению, отчисление курсанта из учебного заведения на сегодняшний момент развития контрактной службы в Республики Беларусь нецелесообразно по причине того, что все курсанты с момента поступления в учебное заведение заключают контракт о прохождении военной службы. Также схожая мера закреплена в Кодексе Республики Беларусь об образовании, которым регулируются образовательные отношения (в том числе и военнослужащих). Данные причины позволяют судить, что от-

числение курсанта может быть отнесено к увольнению военнослужащего до окончания контракта, такое же положение установлено и в отношении обучающихся в учреждениях образования военизированных организаций.

Заклучение

Досрочное увольнение военнослужащего, проходящего службу по контракту, не отнесено в Дисциплинарном уставе к мерам дисциплинарной ответственности, однако, как видно из подхода законодателя по построению мер дисциплинарной ответственности в трудовых, служебных правоотношениях, справедливо возникает вопрос о месте данных правовых явлений среди мер дисциплинарной ответственности, поскольку они такими являются по своей сущности и связаны непосредственно с воинской дисциплиной, с воздействием на военнослужащего, ее нарушившего.

На основании вышеизложенного предлагается дополнить Дисциплинарный устав следующей мерой дисциплинарной ответственности: **досрочное увольнение с военной службы**. Данные изменения позволят:

- 1) привести в соответствие меры дисциплинарной ответственности устоявшимся в Республике Беларусь подходам по их построению;
- 2) прямо использовать предоставленную командирам (начальникам) дисциплинарную власть, не прибегая к отсылочным нормам;
- 3) предупреждать совершение нарушений воинской дисциплины другими военнослужащими на примерах лиц, к которым применены данные взыскания, и тем самым повысить состояние воинской дисциплины в соединениях и воинских частях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право : учеб. пособие / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 368 с.
2. Греченков, А. А. Трудовая и дисциплинарная ответственность работников [Электронный ресурс] : [по сост. на 15 сент. 2011 г.] / А. А. Греченков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04.09.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 апр. 2005 г., № 186 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.02.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Василевич, С. Г. Система административных взысканий / С. Г. Василевич // Проблемы управления. – 2009. – № 3(32). – С. 243–250.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. //

КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Чуприс, О. И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О. И. Чуприс ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2010. – 46 с.

9. О некоторых вопросах органов финансовых расследований Комитета государственного контроля [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 20 дек. 2007 г., № 660 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

10. Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь и текста присяги лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2003 г., № 218 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.02.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

11. Вопросы Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 нояб. 2011 г., № 518 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

12. Об утверждении Дисциплинарного устава органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 авг. 1999 г., № 509 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.04.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

13. Вопросы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 июля 2013 г., № 292 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 08.02.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

14. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 10 нояб. 2007 г., № 1495 : в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 14.01.2013 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.09.2016

Cheshko V.Yu. Development of Military Disciplinary Responsibility Measures in the Republic of Belarus

The article describes measures of military disciplinary responsibility in the Republic of Belarus. Normative legal acts of disciplinary responsibility of paramilitary organizations in the Republic of Belarus and Armed Forces of Russian Federation are researched. Analysis shows lack of normative consolidation of such disciplinary measure as early dismissal from military service. Changes in active law are proposed with the aim of elimination those legal gaps.

УДК 349.6:502.52

Е.В. Речиц*аспирантка каф. экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета***ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ,
РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

В статье показано значение для природы и человека водно-болотных угодий как комплексных, сложно организованных экологических систем естественного и искусственного происхождения. Обосновывается необходимость применения экосистемного подхода к правовой охране водно-болотных угодий в действующем законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды, об охране и использовании земель, об охране и использовании вод, об использовании, охране и защите лесов, об охране и использовании животного мира, о растительном мире, об использовании недр, об особо охраняемых природных территориях и иных актах законодательства Республики Беларусь.

Введение

Водно-болотные угодья – это наиболее продуктивные экологические системы мира. Взаимодействие физических, биологических и химических компонентов водно-болотных угодий позволяет им выполнять многие жизненно важные природные функции, в том числе поддержание гидрологического режима ландшафтов, регуляция геохимических процессов в биосфере, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия биосферы.

Водно-болотные угодья обеспечивают условия для осуществления водоснабжения, рыболовства, сельского хозяйства, заготовки древесины, энергообеспечения, ведения охотничьего хозяйства, туризма и иных видов природопользования. Кроме того, поскольку водно-болотные угодья связаны с религиозными и космологическими верованиями и духовными ценностями, являются источником эстетического и художественного вдохновения, содержат в себе бесценные археологические свидетельства, формируют основу важных местных традиций социального, экономического и культурного характера, то представляют собой научный ресурс и имеют учебно-культурное значение [1, с. 9–12; 2; 3, с. 1–4].

Республика Беларусь располагает уникальным природно-ресурсным потенциалом. Природные и социально-экономические условия Республики Беларусь способствуют формированию и сохранению на ее территории множества редких экологических систем и видов животных и растений, которые в других странах Европы исчезли или находятся под угрозой исчезновения. В настоящее время около 1 434 тыс. га болот (6,9% территории Беларуси) по-прежнему сохраняются в естественном состоянии [4, с. 7; 5].

Важная роль водно-болотных угодий для природы и человека обуславливает необходимость четкого и единого подхода к установлению правового режима их охраны как комплексных, сложно организованных экологических систем естественного и искусственного происхождения. Отдельные аспекты правовой охраны водно-болотных угодий рассматривались в трудах С.А. Балашенко, А.А. Жлобы, Г.И. Зайчука, Е.В. Лавенской, В.Е. Лизгаро, Т.И. Макаровой, О.В. Мороза, И.С. Шахрай, Н.А. Шингель и других ученых. Однако вопросу правовой охраны водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, отечественные исследователи не уделяли до сих пор должного внимания.

Научный руководитель – Т.И. Макарова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета

Функционирование особо охраняемых природных территорий является существенной мерой в системе международных, национальных, региональных и местных механизмов правовой охраны водно-болотных угодий. Важность включения водно-болотных угодий в экологические сети определяется тем, что отдельные их участки часто связаны между собой, а водно-болотные угодья с прилегающими к ним территориями в силу общей гидрологии, наличия мигрирующих видов и иных факторов не могут быть разделены государственными и иными территориальными границами. Выбор объявляемых особо охраняемыми территорий, на которых расположены водно-болотные угодья (их части), является одним из основных факторов, определяющих эффективность экологических сетей на всех уровнях.

Закон Республики Беларусь от 20 октября 1994 г. № 3335-ХІІ «Об особо охраняемых природных территориях» в редакции Закона Республики Беларусь от 23 мая 2000 г. № 396-З с изменениями и дополнениями к видам заказников в зависимости от особенностей природных комплексов и объектов, подлежащих особой охране, относит водно-болотные, предназначенные для сохранения водно-болотных угодий, имеющие особое значение главным образом в качестве мест обитания водоплавающих птиц, в том числе в период миграции, и гидрологические, предназначенные для сохранения и восстановления ценных водных объектов и связанных с ними естественных экологических систем; среди видов памятников природы в зависимости от особенностей объекта охраны выделяет гидрологические (озера, болота, участки рек с поймами, водохранилища и пруды, участки старинных каналов, родники и т.п.), предназначенные для сохранения и восстановления небольших по размерам ценных водных объектов [6]. Водно-болотное угодье или часть водно-болотного угодья могут также входить в состав национальных парков, заказников, заповедников.

Особо охраняемые природные территории, включенные во всемирную сеть биосферных резерватов, списки объектов мирового наследия, водно-болотных угодий международного значения и иные списки (перечни) природных комплексов и (или) объектов международного значения в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, признаются особо охраняемыми природными территориями международного значения. Особо охраняемыми природными территориями международного значения в соответствии с двусторонними или многосторонними международными договорами Республики Беларусь также признаются граничащие между собой особо охраняемые природные территории Республики Беларусь и сопредельных государств (трансграничные особо охраняемые природные территории). Управление особо охраняемыми природными территориями международного значения осуществляется на основании разработанных планов. В случае признания особо охраняемой природной территории республиканского или местного значения особо охраняемой природной территорией международного значения на указанной территории продолжает действовать режим охраны и использования, установленный при объявлении особо охраняемой природной территории республиканского или местного значения, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь [6].

Специфика водно-болотных птиц и других животных, в целях охраны которых создаются особо охраняемые природные территории, на которых расположены водно-болотные угодья, состоит в большой миграционной активности, поэтому мы разделяем позицию Ю.А. Вязовича, что водно-болотные угодья смогут выполнить свою роль в сохранении биологического разнообразия только в том случае, если будет создана сеть особо охраняемых природных территорий, на которых расположены водно-болотные угодья. Предлагаемая сеть водно-болотных угодий не должна подменять существующую национальную экологическую сеть, однако должна отличаться эффективностью контроля и оперативностью управления [7, с. 143].

В пункте 8 Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920, указаны критерии Конвенции от 2 февраля 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц [8]. По этим критериям выбираются природные территории, планируемые объявить особо охраняемыми, если на водно-болотных угодьях, которые планируется объявить особо охраняемыми природными территориями, поддерживается существование не менее 20 тыс. особей водно-болотных птиц, не менее 1% особей европейской или мировой популяции одного или более видов водно-болотных птиц, значительного количества водно-болотных птиц, показательных в отношении ценности, продуктивности или разнообразия водно-болотного комплекса [9]. В связи с истечением периода, на который было рассчитано действие Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920, целесообразно внести в нее соответствующие изменения и дополнения.

Исходя из требований Конвенции от 2 февраля 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь при участии общественности в Секретариат Рамсарской конвенции было подготовлено 26 заявок о признании водно-болотных угодий Рамсарскими. Международное значение имеют 17 водно-болотных угодий Республики Беларусь общей площадью более 600 тыс. га: Березинский биосферный заповедник, Национальный парк «Припятский», заказники «Споровский», «Ельня», «Званец», «Козьянский», «Освейский», «Котра», «Средняя Припять», «Морочно», «Ольманские болота», «Простырь», «Острова Дулебы – Заозерье», «Старый Жаден», «Выгонощанское», «Выдрица», «Пойма реки Днепр» [10]. На получение статуса водно-болотных угодий международного значения претендуют еще девять водно-болотных угодий: «Полесская долина реки Буг», «Сервечь», «Голубицкая пуца», «Дрожбитка – Свина», «Ипуть», «Дикое», «Вилейты», «Подвеликий Мох» и «Свислочно-Березинский» [11].

Следует отметить, что действующее законодательство Республики Беларусь, регулирующее вопросы создания и функционирования особо охраняемых природных территорий, на которых расположены водно-болотные угодья, имеющие международное значение, в качестве индивидуализирующих признаков предусматривает главным образом местоположение водно-болотных угодий, их размеры и границы. Пункт 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 130 «О республиканском биологическом заказнике “Званец”» кроме перечисленных признаков называет состав земель республиканского ландшафтного заказника «Званец» [12–19].

Подобный подход к индивидуализации водно-болотных угодий, имеющих международное значение, не способствует их идентификации как особо охраняемых природных территорий. Аналогичные индивидуализирующие признаки предусматриваются для земельных участков ст. 84 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3 с изменениями и дополнениями [20]. Мы предлагаем учитывать дополнительные качественные и количественные признаки характеристик экологического характера, социально-экономических характеристик, культурных характеристик и любых других важных характеристик водно-болотных угодий, позволяющих на правовом уровне отобразить действительное состояние водно-болотных угодий. Соответствующие дополнения необходимо внести в положения об особо охраняемых природных территориях, на которых расположены водно-болотные угодья (их части).

При решении вопроса о квалификации того или иного водно-болотного угодья как водно-болотного угодья международного значения проводится его оценка в соот-

ветствии с одним или несколькими критериями Рамсарской конвенции. При использовании критериев можно определить, какие выгоды и ценности водно-болотного угодья были утрачены в результате изменений экологического характера. Однако существенная деградация функций и ценностей водно-болотного угодья международного значения может и не отразиться на соответствии водно-болотного угодья критериям Рамсарской конвенции [21, с. 11, 23, 62].

С момента присоединения Республики Беларусь к Конвенции от 2 февраля 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, с учетом положений Стратегии по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 177 [5], были разработаны Схема рационального размещения особо охраняемых природных территорий республиканского значения до 1 января 2015 г., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1919, и Схема рационального размещения особо охраняемых природных территорий республиканского значения до 1 января 2025 г., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июля 2014 г. № 649, которыми надлежит руководствоваться республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям, подчиненным Совету Министров Республики Беларусь, облисполкомам и Минскому горисполкому при разработке проектов и схем землеустройства, градостроительных проектов, проектов мелиорации земель, охотоустройства, лесоустройства и программ социально-экономического развития [22; 23].

Отдельные вопросы правовой охраны водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, урегулированы на политико-программном уровне: в Государственной программе развития системы особо охраняемых природных территорий на 2008–2014 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 6 марта 2008 г. № 146 [24]; Государственной программе развития системы особо охраняемых природных территорий на 2015–2019 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 24 июля 2014 г. № 367 [25]; Национальном плане действий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь на 2001–2005 гг., одобренном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 июня 2001 г. № 912 [26]; Национальном плане действий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь на 2006–2010 гг., утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 302 [27]; Национальном плане действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия на 2016–2020 гг., утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 сентября 2015 г. № 743 [28]; Плана действий по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (приложение к Стратегии по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 177) [5].

Анализ указанных нормативных правовых актов позволяет констатировать применение комплексного подхода при проведении планирования в области охраны и рационального (устойчивого) использования водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях. Планирование в области охраны и рационального (устойчивого) использования водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, предусматривается на национальном и местном уровнях. Однако планирование в области охраны водно-болотных угодий, распо-

ложенных на особо охраняемых природных территориях, необходимо усилить на стратегическом уровне. Следует отметить, что в связи с неразработанностью плана действий по реализации Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920 [9], планирование в области охраны водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, на стратегическом уровне должным образом не регламентировано. Необходимо также уточнить мероприятия по охране водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, в очередном стратегическом плане по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц с учетом окончания периода, на который была рассчитана реализация Плана действий по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (приложение к Стратегии по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 177) [5].

Мероприятия по охране водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, включены также в перечни мероприятий (заданий) Государственной программы развития системы особо охраняемых природных территорий на 2008–2014 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 6 марта 2008 г. № 146 [24], и мероприятий Государственной программы развития системы особо охраняемых природных территорий на 2015–2019 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 24 июля 2014 г. № 367 [25].

Конвенции от 2 февраля 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, разработала инструменты для составления планов управления водно-болотными угодьями международного значения. Так, при составлении планов управления водно-болотными угодьями международного значения, которые настоятельно рекомендуется подготовить всем Сторонам Конвенции, необходимо рассмотреть такие вопросы, как влияние человеческой деятельности на экологический характер водно-болотного угодья, экономическое, социально-экономическое, культурное значение водно-болотного угодья, а также включить режим регулярного и тщательного мониторинга. Информационные листы Рамсарских угодий содержат минимум информации, необходимой для составления плана управления, направленного на поддержание экологического характера водно-болотного угодья [29, с. 8, 12].

Для учета количественных, качественных и других характеристик водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, а также объема, характера и режима их использования Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь ведет реестр особо охраняемых природных территорий [6]. Реестр особо охраняемых природных территорий Республики Беларусь включает сведения о категориях и видах этих территорий, их охранных и иных зонах, границах, площадях, составе земель и землепользователях, местоположении особо охраняемых природных территорий, государственном органе (иной государственной организации), в управление которого (которой) передана особо охраняемая природная территория, а также о режиме охраны и использования особо охраняемой природной территории, наличии статуса особо охраняемой природной территории международного значения и иные сведения [6].

Ведение государственного кадастра особо охраняемых природных территорий, включая особо охраняемые природные территории, на которых расположены водно-болотные угодья, действующим законодательством Республики Беларусь не предусмотре-

но. Можно поддержать мнение Г.И. Зайчука, что ведение государственного кадастра особо охраняемых природных территорий способствовало бы совершенствованию оценки состояния водно-болотных угодий, определению перспектив развития водно-болотных угодий, повышению эффективного государственного управления ими и контроля за соблюдением режима охраны и использования таких местообитаний, а также учету данных местообитаний при планировании социально-экономического развития республики и ее регионов [30, с. 60–61]. Будучи многоцелевым, государственный кадастр особо охраняемых природных территорий должен содержать сведения об эколого-просветительской, научной, экономической, культурно-оздоровительной и рекреационной ценности территории и другие важные данные [30, с. 60–61; 31, с. 20–22].

Мониторинг водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, организуется Национальной академией наук Беларуси. Порядок организации и функционирования мониторинга водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, определен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 949 «О Национальной системе мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь» [32] и иными актами законодательства.

В отношении водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, государственными природоохранными учреждениями, осуществляющими управление такой особо охраняемой территорией, организуется комплексный мониторинг. Пункт 11 Инструкции о порядке проведения комплексного мониторинга экологических систем на особо охраняемых природных территориях, утвержденной постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 13 октября 2009 г. № 63 устанавливает, что комплексная экологическая информация о состоянии водно-болотных угодий на особо охраняемой природной территории должна содержать оценку состояния водно-болотного угодья на особо охраняемой природной территории и прогноз динамики его изменения под воздействием природных и антропогенных факторов; анализ факторов, оказывающих вредное воздействие на состояние водно-болотного угодья на особо охраняемой природной территории, оценку интенсивности их воздействия; рекомендации, направленные на совершенствование режимов охраны и использования особо охраняемой природной территории, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия [33]. Представляется, что комплексная экологическая информация о состоянии водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, должна содержать также оценку состояния водно-болотного угодья в том числе как научного и учебно-культурного ресурса; рекомендации, направленные на совершенствование режимов охраны и использования особо охраняемой природной территории, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, научного и учебно-культурного потенциала.

Для совершенствования правового регулирования мониторинга водно-болотных угодий в Республике Беларусь, учитывая природные условия страны и значимость водно-болотных угодий, при разработке Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий как продолжение действия Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920 [23], представляется целесообразным включить в нее систему мониторинга водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях.

Заключение

В силу того, что вода является основным компонентом водно-болотных угодий, контролирующим состояние окружающей среды и определяющим условия жизни рас-

тений и животных, ключевой подход к обеспечению экологической целостности водно-болотных угодий состоит в том, чтобы поддерживать на должном уровне количество и качество воды, от которой они зависят. Иными словами, полагаем, что среди мер правовой охраны отдельных компонентов водно-болотных угодий приоритет следует отдавать мерам правовой охраны вод. Данная позиция учитывает также природные условия Республики Беларусь и значимость водно-болотных угодий в жизнедеятельности белорусского общества и государства. Соответственно, отношения, возникающие при владении, пользовании и распоряжении водно-болотными угодьями, расположенными на особо охраняемых природных территориях, должны регулироваться законодательством Республики Беларусь об охране и использовании вод, если иное не установлено законодательством Республики Беларусь об особо охраняемых природных территориях. Акты гражданского законодательства Республики Беларусь возможно применять к отношениям собственности на водно-болотные угодья в части, не противоречащей законодательству Республики Беларусь об охране и использовании вод.

В целях совершенствования правовой охраны водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, также предлагается:

1. Внести соответствующие изменения и дополнения в Национальную стратегию развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920, связи с истечением срока, на который было рассчитано ее действие.

2. Дополнить признаки, характеризующие водно-болотные угодья, расположенные на особо охраняемых природных территориях, которые изложены в положениях о соответствующих особо охраняемых природных территориях, качественными и количественными признаками характеристик экологического характера, социально-экономических характеристик, культурных и любых других важных характеристик водно-болотных угодий, позволяющие отобразить на правовом уровне соответствующее состояние водно-болотных угодий, положений о соответствующих особо охраняемых природных территориях, на которых расположены водно-болотные угодья (их части).

3. Включить мероприятия по охране и рациональному (устойчивому) использованию водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, в план действий по реализации Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920, в случае его разработки.

4. Уточнить мероприятия по охране и рациональному (устойчивому) использованию водно-болотных угодий, расположенных на особо охраняемых природных территориях, в очередном стратегическом плане по реализации Конвенции от 2 февраля 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, с учетом окончания периода, на который была рассчитана реализация Плана действий по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (приложение к стратегии по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 177).

5. Включить систему мониторинга водно-болотных угодий в очередную Национальную стратегию развития и управления системой природоохранных территорий, разработанную в развитие Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 1920.

6. Дополнить пункт 11 Инструкции о порядке проведения комплексного мониторинга экологических систем на особо охраняемых природных территориях, утвержденной постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 13 октября 2009 г. № 63, информацией об оценке состояния водно-болотного угодья как научного и учебно-культурного ресурса, а также рекомендациями, направленными на совершенствование режимов охраны и использования особо охраняемой природной территории, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, научного и учебно-культурного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руководство по Рамсарской конвенции : справочник по осуществлению Конвенции о водно-болотных угодьях (Рамсар, Иран, 1971 г.). – Изд. 4-е. / Секретариат Рамсарской конвенции. – Гланд (Швейцария), 2006. – 150 с.
2. О свойствах водно-болотных угодий / сост.: Дж. Дэвис, С. Ф. Клэридж. – М. : Wetlands International Global ; Азиатское бюро водно-болотных угодий, 2000. – 64 с.
3. Экосистемы и благосостояние человека: водно-болотные угодья и водные ресурсы. Синтез : докл. об оценке экосистем на пороге тысячелетия / сост.: Ж. Альдер [и др.]. – Вашингтон : Ин-т мировых ресурсов, 2005. – 68 с.
4. Природа Беларуси : энциклопедия : в 3 т. – Минск : Беларус. Энцыкл. – 2010. – Т. 2 : Климат и вода / редкол.: Т. В. Белова [и др.]. – 504 с.
5. Об утверждении Стратегии по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 февр. 2009 г., № 177 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 44. – 5/29297.
6. Об особо охраняемых природных территориях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 окт. 1994 г., № 3335-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23 мая 2000 г., № 396-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Вязович, Ю. А. Рамсарские угодья Беларуси и их роль в сохранении животного мира / Ю. А. Вязович // Генезис, эволюция и роль болот в биосферных процесса : тез. докл. Междунар. конф., Минск, 13–15 сент. 1994 г. / Ин-т проблем использования природных ресурсов и экологии Акад. наук Беларуси. – Минск, 1994. – С. 142–143.
8. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц [Электронный ресурс] : [заключена в г. Рамсар 02.02.1971] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
9. Об утверждении Национальной стратегии развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2007 г., № 1920 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 27. – 5/26646.
10. О новых рамсарских территориях [Электронный ресурс] // М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://minpriroda.gov.by/ru/news-ru/view/o-novyh-ramsarskih-territorijah-1543/>. – Дата доступа: 20.05.2016.
11. Минприроды направило заявки на включение в Рамсарский список пяти белорусских водно-болотных угодий [Электронный ресурс] // БелаПАН. – Режим доступа: <http://belapan.com/archive/2014/11/04/738245/>. – Дата доступа: 20.05.2016.
12. О республиканских заказниках [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2007 г., № 1833 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

13. О республиканском биологическом заказнике «Званец» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 130 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

14. О республиканском биологическом заказнике «Споровский» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 1999 г., № 281 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

15. О республиканском ландшафтном заказнике «Котра» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июня 2003 г., № 811 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

16. Об образовании республиканского ландшафтного заказника «Ольманские болота» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 нояб. 1998 г., № 1737 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

17. Об образовании республиканского ландшафтного заказника «Освейский» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 янв. 2000 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

18. Об образовании республиканского ландшафтного заказника «Простырь» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 февр. 1994 г., № 115 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

19. Об образовании республиканского ландшафтного заказника «Средняя Припять» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июля 1999 г., № 1105 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

20. Кодекс о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

21. Решение вопросов, связанных с изменением экологического характера : Решение вопросов, связанных с изменением экологического характера Рамсарских угодий и других водно-болотных угодий : Руководство Рамсарской конвенции по разумному использованию водно-болотных угодий / под ред. С. Родом, Д. Пека. – № 15. – Изд. 3-е. / Секретариат Рамсарской конвенции. – Гланд (Швейцария), 2007. – 77 с.

22. О развитии системы особо охраняемых природных территорий : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 июля 2014 г., № 649 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

23. О схеме рационального размещения особо охраняемых природных территорий республиканского значения до 1 января 2015 г. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2007 г., № 1919 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

24. Об утверждении Государственной программы развития системы особо охраняемых природных территорий на 2008–2014 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 марта 2008 г., № 146 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

25. Об утверждении Государственной программы развития системы особо охраняемых природных территорий на 2015–2019 годы [Электронный ресурс] : Указ Прези-

дента Респ. Беларусь, 24 июля 2014 г., № 367 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

26. О Национальном плане действий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь на 2001–2005 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 июня 2001 г., № 912 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

27. Национальный план действий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь на 2006 – 2010 годы / М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь – Минск : Бел НИЦ «Экология», 2006. – 124 с.

28. О Национальном плане действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия на 2016–2020 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 нояб. 2010 г., № 1707 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 сент. 2015 г., № 743 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

29. Управление водно-болотными угодьями : Руководство 16 по разумному использованию водно-болотных угодий. – Изд. 3-е. / Секретариат Рамсарской конвенции. – Гланд (Швейцария), 2007. – 110 с.

30. Зайчук, Г. И. Правовое регулирование природного заповедания в Республике Беларусь : монография / Г. И. Зайчук. – Минск : Тесей, 2007. – 144 с.

31. Хотько, О. А. Кадастр : учеб.-метод. комплекс / О. А. Хотько. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 172 с.

32. О Национальной системе мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 июля 2003 г., № 949 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

33. Об утверждении Инструкции о порядке проведения комплексного мониторинга экологических систем на особо охраняемых природных территориях : постановление М-ва природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 13 окт. 2009 г., № 63 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 264. – 8/215.

34. Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 30 апр. 2014 г., № 149-З : принят Палатой представителей 2 апр. 2014 г. : одобр. Советом Респ. 11 апр. 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.10.2016

Rechts E.V. Features of Legal Protection of the Wetlands Located in Especially Protected Natural Territories

Shows the value of wetlands as a complex highly organized ecological systems of natural and artificial origin in nature, and for mankind in particular. The necessity of applying the ecosystem approach to the legal protection of wetlands in the legislation of the Republic of Belarus on environmental protection, on the protection and use of land, on the protection and use of waters, about the use, conservation and protection of forests, on the protection and use of fauna, on flora, on the use of subsoil on specially protected natural territories and other legislative acts of the Republic of Belarus.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастанова Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасыллак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 26.10.2016. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,07. Ул.-выд. арк. 16,07.

Тыраж 100 экз. Заказ № 449.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.

Таблица 1. – Факторы, субфакторы и интегральная оценка конкурентной привлекательности регионов Республики Беларусь (2014 г.), баллы

Регион	Фактор												Интегральная оценка
	Экономика			Инновации			Качество жизни населения			Человеческий потенциал			
	Уровень развития	Рост	Фактор в целом	Производство научных знаний и технических инноваций	Применение научных знаний, технологий и новой техники	Фактор в целом	Денежные доходы	Условия жизни	Фактор в целом	Демографическое развитие	Образование	Фактор в целом	
Республика Беларусь	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50
Брестская обл.	14	53	34	23	12	17	34	63	54	77	36,2	57	40,5
Витебская обл.	8	58	33	38	34	36	23	47	39,5	44	36,4	40	37,13
Гомельская обл.	20	64	42	28	55	42	21	48	39,6	55	30	42	41,4
Гродненская обл.	19	70	44	21	9,3	15	15	58	45	48,8	39	44	37
г. Минск	100	57	78	80	74	77	70	71	71	60	80	70	74
Минская обл.	55	93	74	14	24	18,9	17	38	32	48,9	12	31	39
Могилевская обл.	2	4	3	14,3	22	18,4	2	36	26	47	34	41	22

Таблица 2. – Ранжирование регионов Республики Беларусь по интегральной оценке конкурентной привлекательности (2014 г.)

Регион	Фактор												Интегральная оценка
	Экономика			Инновации			Качество жизни населения			Человеческий потенциал			
	Уровень развития	Рост	Фактор в целом	Производство научных знаний и технических инноваций	Применение научных знаний, технологий и новой техники	Фактор в целом	Денежные доходы	Условия жизни	Фактор в целом	Демографическое развитие	Образование	Фактор в целом	
Брестская обл.	5	6	5	4	6	6	2	2	2	1	4	2	3
Витебская обл.	6	4	6	2	3	3	3	5	5	7	3	6	5
Гомельская обл.	3	3	4	3	2	2	4	4	4	3	6	4	2
Гродненская обл.	4	2	3	5	7	7	6	3	3	5	2	3	6
г. Минск	1	5	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1
Минская обл.	2	1	2	7	4	4	5	6	6	4	7	7	4
Могилевская обл.	7	7	7	6	5	5	7	7	7	6	5	5	7

